БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ Берлэ. 115
Полка 10. 5
№ 4. 24.

Jr I.9.2

О.П.П.Г.ВИНОГРАДОВЪ.

ЛЕКЦІИ
ПО
ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

Курсъ 1899 - 1900 г.

БИБЛІОТ...
О-ва для доставл. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

1026
1910

20674

Ин-т ... Ун-т
... библиотека им.
Горького

I Римская империя в эпоху упадка.

1. Государственное устройство. Принципат и размеры абсолютизма. Императорская власть и закон. Бюрократическая система управления (административная централизация). Способы контроля. Правительство и население. Материальныя средства государства. Экономическое давление государства на общество. – Воинская повинность. Финансы. Податная система. Главные виды налогов (поземельный и подушный). Бремя налогов.

2. Общественный строй. Хозяйственная основа социальнаго быта. Экономическій расцвѣт и начало упадка. Домовое хозяйство и крупное землевладѣніе. Общественные классы; городское населеніе, рабовладѣльцы, сельское населеніе (независимое крестьянство, колонат, рабство). – Развитіе аристократіи (мѣстное дѣленіе, сенаторство). Начало феодализаціи.

3. Церковь. Постепенное образованіе духовенства и церковной власти. Христіанство, как государственная церковь (отношеніе ея к государству и государства к ней). Ереси и соборы. Возникновеніе монашества и его первоначальное развитіе. Аскетизм и организація пустынножительства (бенедиктинство). Церковь и общество. Вѣроисповѣдные споры и их значеніе. Вліяніе церкви на общество. Церковная юстиція (завладѣніе ею государственных функцій). Духовная жизнь отдѣльнаго человѣка. Міросозерцаніе Августина.

Программа курса
исторіи среднихъ вѣковъ по лекціямъ проф. П. Г. Виноградова
им. Фельдмана. Невскій, 122.

Директор курсов

4 Образованность в последние века империи. Распространение римской культуры в провинциях, и ея органы. Перерождение материального и социального быта, просвещения и нравов. Обратное движение (варваризация). Огрубение образованности. Начало новых форм культуры.

II Германцы и их древнейший быт.

1. Общая характеристика быта германцев по Цезарю (неустойчивость хозяйства, общества и государства). - Результаты экономической и социальной эволюции варварских племен ко времени Тацита.

2. Политическая организация германцев в эпоху Цезаря. Германское государство во время Тацита: вече; начальники (демократия и монархия). Род. Дружина.

3 Духовная культура германцев. - Особенности „варварства". - Источники для изучения первобытной германской религии. - Ея существенныя черты: жречество; культ; воззрения (почитание мертвых, демоны и духи, высшие боги — Тивас, Тор и Один).

III Ранне средневековье.

Постановка главных вопросов для изучения.

1 Родовой строй и его эволюция. - Естественная социальная группировка по кровным связям. Родство по мужчинам и по женщинам и смешение этих начал. - Институты родственной организации: брак; имущество; замшита. - Встрыча и взаимодействие германскаго родового быта с римскими и церковными правовыми нормами. Разложение родовых порядков.

2. Хозяйство и его развитіе. Элементы коллективизма в родовом землевладѣніи. Германская сельская община (слѣды ея в варварских государствах на римской почвѣ). - Образованіе и распространеніе частной собственности. Различные типы осѣдлости: италійская, кельтская и германская. Порядки землепользованья: лѣс и пастбище; луг и пашня. - Как сложился „крестьянскій надѣл?"

3. Образованіе социальнаго строя. Главные элементы общества и их группировка в раннем средневѣковьѣ. Перерожденіе рабства (сельскаго, дворовaго и ремесленнаго) под вліяніем новых условій жизни послѣ паденія Имперіи. Полусвободные классы населенія (практика отпуска раба на волю; социальныя и духовныя причины этого процесса). Сословіе литов. Свободное простонародье. Знать (пріобрѣтеніе ею преобладанія).

4. Политическая эволюція. Смѣшеніе римских и германских элементов (различныя условія их соприкосновенія). Разложеніе и упадок коллегіальных учрежденій (устраненіе общества от власти). Усиленіе королевской власти в законодательствѣ, судѣ и администраціи. Граф и королевскій совѣт. Государственныя финансы (натуральная система; доманіальное хозяйство). Причины непрочности государственнаго порядка (дальнѣйшія признаки феодализаціи).

IV Эпоха Карла Великаго.

1. Подготовка Каролингскаго возрожденія. Упадок государственности в позднюю меровингскую эпоху; мотивы и элементы ея возрожденія. Австразійскій маіордомат и секуляризація церковных имуществ. Исторія церкви в раннем

средневѣковьѣ. Новое сплоченіе государства.

2. Дѣятельность Карла Великаго. Ход событій в его царствованіе: образованіе великой державы. Упр ченіе центральной власти и ея новая формулировка (священная римская имперія).

3. Организація новаго государства. Задачи и цѣл государственной власти. Реализація государственн власти (ея слѣдственный и принудительный хара тер). Управленіе (собранія общія и областныя; граф; миссы; епископы). Общій характер каролингско монархіи.

4. Государство Каролингов и его отношеніе к обществ Особенности процесса соціальнаго развитія эпохи: зем ное магнатство и его отношеніе к государству (организ ція службы) Бенефиціальная система. Сеніорат.

5. Каролингское государство и Церковь. Главенствую положеніе императора в Церкви. Отношеніе к пап Состояніе церкви. Союз Церкви с государством. Вліян церкви на образованность. Культурная слабость об щества и непрочность государственнаго единств

Finis.

РИМЪ ПЕРЕДЪ ПАДЕНІЕМЪ.

I. ГОСУДАРСТВО.

I. ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ. При характеристикѣ римскаго государства 4 и 5 вв. прежде всего, конечно, бросается въ глаза тотъ институтъ, который даетъ имя этому государству,- имперія. Вопросъ объ императорской власти, объ ея происхожденіи и постановкѣ, объ ея отношеніи къ другимъ властямъ - вопросъ коренной, отъ разрѣшенія котораго зависитъ подробности государственнаго устройства.

Постановка императорской власти можетъ быть весьма различна, и въ исторіи римской имперіи мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ перемѣнъ, заставляющихъ насъ отличать, по весьма существеннымъ признакамъ, власть императоровъ первыхъ трехъ вѣковъ отъ власти 4 и 5 вв. Въ раннюю эпоху своего существованія императорская власть была не чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ республиканскихъ магистратуръ. Императоръ былъ 1| главнымъ полководцемъ, 2| защитникомъ народа, и въ качествѣ такового считалъ годы своей власти по годамъ *tribuniciae protestatis*. Это обстоятельство имѣло весьма существенное государственно-правовое значе-

---

ніе. Въ данномъ случаѣ дѣло было не въ словахъ, не въ фикціи, созданной для того, чтобы сохранить популярное названіе республики; это воззрѣніе на власть оказало практическое вліяніе. Прежде всего императоръ, какъ магистратъ, является не самодержцемъ, а делегатомъ народа. Съ точки зрѣнія государственнаго права самодержавія въ первыя вѣка не было, хотя абсолютизмъ и былъ. Самодержцемъ былъ народъ, и власть императора выходила изъ него; отъ этого втеченіе первыхъ трехъ вѣковъ избирательный характеръ этой власти не былъ отмѣненъ. Сенатъ ли объявлялъ кого либо императоромъ, или его провозглашали солдаты, всегда предполагалось, что императоръ поставленъ народомъ. Этотъ безформенный избирательный характеръ власти имѣлъ значеніе не только потому, что то или другое учрежденіе играло при выборѣ императора значительную роль; онъ важенъ и тѣмъ, что при немъ имперія была лишена главнаго признака современной монархіи - непрерывной династической преемственности. Имперія разсматривалась какъ принципатъ, и на практикѣ въ составѣ ея всегда присутствовалъ элементъ неизвѣстности, иногда большій, иногда меньшій.

Изъ того факта, что императорская власть постепенно выростала изъ соединенія республиканскихъ магистратуръ, вытекло и то, что императоры болѣе ранней эпохи сами признавали себя ограниченными сенатомъ; такимъ образомъ являлась не монархія, а діархія, такъ какъ власть дѣлилась между сенатомъ и императоромъ. Въ этомъ

раздѣленіи власти та сторона, которая имѣла въ рукахъ мечъ, получала, конечно, перевѣсъ и сперва ослабила, а потомъ и окончательно устранила вторую. Но первоначально это колебаніе власти было причиной цѣлаго ряда ограниченій для императоровъ первыхъ вѣковъ, между прочимъ причиной, затруднявшей организацію чиновничества.

Монархія вошла въ республику, но не устранила ее. Обращаясь отъ этихъ короткихъ замѣчаній объ императорской власти первыхъ трехъ вѣковъ къ имперіи 4 и 5 вѣковъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопрооомъ: измѣнилось ли къ этому времени государственное право? Если обратить вниманіе на внѣшніе факты, на приказанія, отдававшіеся императорами на проявленія ихъ милости и жестокости, то легко будетъ сказать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ абсолютизмомъ. Но если глубже вглядѣться въ общее положеніе, признаваемое самими императорами, въ то, черезъ какія формы проходили акты деспотизма или абсолютизма, то придется поставить существенное ограниченіе.

Власть 4 и 5 вѣковъ гораздо значительнѣе, самостоятельнѣй и ближе подходитъ къ нашему понятію самодержавія; но все же мы найдемъ и тутъ рядъ условій, показывающихъ, что она не дошла до стройнаго проведенія одного начала,- начала самодержавія. Мы находимъ постоянное повтореніе теоріи, что императоръ имѣетъ власть потому, что народъ отказывается отъ народовластія. Эта теорія продолжаетъ держаться и признаваться и въ поздне-римской, и въ Византійской имперіи и, пе-

реходитъ даже въ средніе вѣка. Мало того: такого рода признаніе мы находимъ въ такихъ документахъ, какъ Юстиніановъ кодексъ, гдѣ говорится, что императорская власть не должна выходить изъ закона, не должна быть деспотичной. *Digna vox maiestate regnantis legibus alligatum se principem profiteri; adeo de auctoritate iuris nostra pendet auctoritas.* C. I. I, I4. Здѣсь императоръ и законъ являются какъ бы двумя выраженіями единой идеи гражданскаго порядка.

Юстиніанъ указываетъ, насколько власть должна являться воплощеніемъ и движущей силой закона; но возникаетъ вопросъ, кто даетъ и вырабатываетъ законы? Конечно, не все равно, признать ли императора, стоящимъ внѣ закона, или создателемъ этого закона. Можно утверждать, что въ первые вѣка имперіи терминъ " *princeps legibus solutus* " надо понимать въ томъ смыслѣ, что государь можетъ изъять изъ подъ дѣйствія закона рядъ своихъ собственныхъ поступковъ, но лишь въ силу законодательной власти, а не произвола. "*Quid majus, quid sanctius imperiali est maiestati? Tam conditor quam interpres legum solus imperator iuste existimabitur.*"
Такимъ образомъ въ послѣдней своей инстанціи императорская власть является въ то же время и законодательной. Эта идея императора, какъ двигателя закона, ставитъ довольно широко предѣлы императорской власти, хотя и признаетъ ее связанной этимъ закономъ.

Но императоры не остановились на этой идеѣ: мы видимъ, появленіе новой идеи, восточнаго происхожденія, гласящей, что императоръ не обязанъ и не долженъ дѣлать различія между формами проявленія своей воли, что онъ всемогущъ, какъ Богъ на землѣ.

Здѣсь оказывается вліяніе персидскаго царства, противоположное вліянію римской традиціи. Оно начинаетъ обнаруживаться со времени Діоклетіана и Константина въ церемоніалахъ, титулахъ и одеждѣ; императоръ обрасываетъ съ себя пурпурный плащъ полководца и надѣваетъ длинное одѣяніе персидскаго царя и діадему. Это внѣшнее преобразованіе бросается въ глаза современникамъ и вызываетъ протестъ, подобно тому, какимъ греки при Александрѣ Македонскомъ встрѣчали появленіе въ ихъ средѣ восточныхъ нравовъ и обычаевъ. Указываютъ, что Діоклитіанъ первый послѣ тирановъ Калигулы и Домиціана завелъ обычай называть себя "*Dominus*". Въ правѣ 4 и 5 вѣковъ мы наблюдаемъ смѣшеніе между частнымъ положеніемъ императора и его положеніемъ, какъ государя. Передъ нимъ падаютъ на колѣни, ему прилично "*adoratio*". Мы можемъ найти зачатки этого обычая въ языческой старинѣ Римавъ поклоненіи *numen imperatoris*. Но любопытно то, что со времени Константина императоры стараются восполнить этотъ обычай идеей о личной божественности государя. Такъ въ C. I. I, 14, 8 мы находимъ выраженіе: "*sacrus numinus nostri consistorium*". "Священный" является отнынѣ постояннымъ эпитетомъ всякаго учрежденія, связаннаго съ именемъ императора:

"священная казна", "священный дворъ", "священная спальня".

Идея божественности, связанная съ восточными традиціями, не затеривается и съ принятіемъ христіанства. Послѣднее старается лишь придать ей другую окраску, представить новое понятіе - милости Божіей, сообщающей императору для спасенія общества, нѣкоторую особенную благость. Это понятіе входитъ мало-по-малу; первые императоры не поличали еще помазанія, такъ какъ Константинъ и Констанцій, напр., и крестились то незадолго передъ смертью. Въ 5 вѣкѣ церемонія церковнаго короно-ванія входитъ уже въ обычай, окончательно провозглашая идею императора-пастыря государства,- избраннаго особой благодатью и милостью Божіей.

Вотъ тѣ разнообразныя основи, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась императорская власть 4 и 5 вв. съ одной стороны наслѣдіе юридическаго принципата, съ другой - восточная идея божественности монарха, съ третьей - христіанская идея помазанія и милости Божіей. Суть этой власти заключается въ томъ, что она не имѣетъ конкуррентовъ: во всемъ римскомъ мірѣ она не имѣетъ силы, съ самостоятельностью которой она должна была бы считаться. Она разсматриваетъ политическія отношенія всего міра, какъ истекающія изъ нея самой, подобно лучамъ, исходящимъ отъ солнца.

2|. БЮРОКРАТІЯ. Важнѣйшей для такой власти проблемой является организація сѣти органовъ, потребныхъ для проявленія этой власти, созданіе класса бюрократіи. Опредѣленная организація бюрократіи, какъ систематическаго

цѣлаго, возникла довольно поздно: мы встрѣчаемся съ нею лишь въ 4 и 5 вѣкахъ. До этого времени она только складывалась, и мы можемъ прослѣдить за этотъ періодъ процессъ ея развитія.

Если обратить вниманіе на исполнителей воли императоровъ первыхъ трехъ вѣковъ, то мы увидимъ, что составъ этой группы лицъ довольно разнообразенъ. Съ одной стороны, мы найдемъ здѣсь людей, носящихъ имена консуловъ, квесторовъ, преторовъ и другихъ республиканскихъ магистратовъ, съ другой - прокураторовъ, управляющихъ имѣніями императоровъ | *procuratores* |. Нельзя сказать, чтобы эта послѣдняя группа должностныхъ лицъ стояла ниже первой Она если и уступала ей въ чемъ либо, то развѣ только въ внѣшнемъ почетѣ; такъ цѣлый Египетъ находился подъ управленіемъ прокуратора. Третій элементъ, который входитъ въ составъ исполнительной воли императоры, былъ военный; нижніе чины его - унтеръ-офицеры | *cohortales* |,- на ряду съ рабами и вольноотпущенниками, входили въ число канцелярскихъ чиновниковъ. Вотъ тѣ четыре разновидности, которыя мы постоянно наблюдаемъ въ составѣ исполнителей императорской воли. Адріанъ первый попытался внести однообразіе въ эту разнородную массу, установить общую табель о рангахъ и выработать общія правила административной іерархіи и подчиненія, но окончательно удалось это лишь Діоклетіану и Константину.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя основныя правила римской бюрократіи и прежде всего на полное раздѣленіе гражданской и военной власти. Насъ это нисколько не

удивляетъ, но нужно помнить, что въ римской республикѣ и ранней имперіи было какъ разъ наоборотъ: консулъ, напримѣръ, имѣлъ и гражданскую и военную власть. Императоры послѣдней эпохи боятся соединенія въ однихъ рукахъ оружія и гражданскаго управленія и придаютъ послѣднему совершенную обособленность Гражданскіе губернаторы послушнѣе и безопаснѣе военныхъ. Военные *magistri militum*, *duces* и *comites* безъ гражданской власти являются лишь начальниками отрядовъ, а не начальниками народностей и странъ.

Во-вторыхъ, провинціи передѣляются заново на болѣе мелкіе округа, и притомъ такъ, чтобы не легко было возстановить историческія дѣленія и традиціи. Четыре префектуры распадаются на I2 діоцезъ и на I2I провинцію.

Въ-третьихъ, выдѣляется и организуется центральное управленіе. Трудно представить себѣ до какой степени оно было бѣдно и неорганизовано въ I-ые три вѣка Какой-нибудь Траянъ, могущественнѣйшій государь всѣхъ временъ, имѣлъ при себѣ всего лишь нѣсколько канцеляристовъ изъ рабовъ и самъ долженъ былъ переписываться обо всемъ съ дѣятелями провинціальной администраціи. Но уже ростъ имперіи въ Діоклитіано-Константиновское время принудилъ императоровъ къ учрежденію должностей, подобныхъ нашимъ министрамъ. Мы встрѣчаемся съ четырьмя представителями этихъ должностей: *comes sacrarum largitionum* |м. финансовъ|, *comes rei privatae* |м. удѣловъ или домэновъ|, *magister officiorum* |м. внутреннихъ дѣлъ| и *quaestor sacri civicii* [illegible], на обязанности котораго лежала раз-

работка, редакція и обнародованіе закона, скрѣпленнаго подписью императора. Сенатъ не былъ уничтоженъ, но имъ пользовались лишь для проведенія общихъ узаконеній. На его мѣсто выступаетъ тайный совѣтъ *consistorium principis*, состоящій изъ засѣдателей по назначенію императоровъ и мало-по-малу пріобрѣтающій значеніе махового колеса административной машины, органа подручнаго государю.

Областное управленіе, сводившееся къ 4 префектурамъ старались даже по нѣкоторой степени децентрализовать. При всеобщемъ желаніи дойти до самаго императора, онъ былъ заваленъ такой массой просьбъ и жалобъ, что заботился уже не о томъ, чтобы привлекать дѣла къ себѣ, а чтобы по возможности удерживать ихъ на пути къ себѣ. Такимъ образомъ у префекта преторіи вырабатывается особая высшая апелляціонная юрисдикція, являются свои дѣла, не доходящія до императора | *vice sacra* |

Въ четвертыхъ - развитіе канцелярскаго порядка. Отдѣленіе гражданской власти отъ военной особенно невыгодно сказалось на крайнемъ размноженіи персонала канцеляріи. *Praes. Illyrici* имѣлъ въ своей канцеляріи до 100 служащихъ. *Comes Orientis* до 600. Это увеличеніе состава вызывалось не дѣйствительными потребностями, а разростаніемъ переписки и формализма.

Ростъ и постепенная организація римскаго чиновничества составляютъ результатъ очень сложнаго и продолжительнаго процесса, который въ 4 и 5 вѣкахъ можно считать уже завершившимся. Огромная система органовъ имперіи простирается отъ ея центровъ - Рима и Константино-

поля - къ самымъ окраинамъ и представляетъ изъ себя чрезвычайно искусно организованную и съ внѣшней стороны чрезвычайно сплоченную централизованную власть. Но въ исторіи всякой административной организаціи вопросъ о созданіи органовъ, о проведеніи между ними взаимныхъ отношеній, о подчиненіи ихъ дисциплинѣ, вопросъ хотя и очень важный, но не первостепенный. Задачи, связанныя съ этой стороной дѣла, могутъ быть разрѣшены особенно легко, если въ государствѣ полное преобладаніе имѣетъ одна какая-нибудь политическая сила, которая въ состояніи подчинить себѣ все остальное, настроить все на одинъ камертонъ и установить такимъ образомъ единство.

Но вѣдь всякая административная система, всякое чиновничество являются въ концѣ концовъ лишь средствомъ для цѣли; они служатъ для разрѣшенія положительныхъ задачъ суда, управленія, сбора податей и другихъ сторонъ общественной жизни, руководство въ которыхъ государство считаетъ себя призваннымъ давать обществу. Въ этомъ отношеніи возникаетъ новый рядъ вопросовъ, разрѣшить которые гораздо труднѣе, чѣмъ вопросы первой категоріи. Совершенно стройная и дѣйствующая согласно система можетъ оказаться негодной, потому что она не соотвѣтствуетъ жизни, не удовлетворяетъ ея истиннымъ потребностямъ, а напротивъ стремится подчинить ихъ себѣ. И вотъ тутъ для всякаго централизованнаго государства является цѣлый рядъ затрудненій въ томъ отношеніи, что армія чиновниковъ можетъ забрать слишкомъ большое значеніе въ государствѣ, можетъ стать слишкомъ могуще-

ственной и поставить свои цѣли, свои корыстныя побужденія выше народныхъ интересовъ. Эти затрудненія особенно усложняются для централизованной власти, такъ какъ бюрократія, смотря на весь окружающій строй съ точки зрѣнія подчиненія его власти, исходящей сверху, естественно стремится прекратить всякія формы возраженія, критики, сомнѣнія, самостоятельныхъ взглядовъ, непослушнаго отношенія снизу; поэтому очень трудно вести дѣло такъ, чтобы бюрократія дѣйствовала именно въ интересахъ не своего, а общественнаго блага и не притѣсняла безусловно подчинившагося ей общества. Мы видимъ что, на ряду со свидѣтельствами о всемогуществѣ чиновничества, вопросъ о формѣ надзора и контроля подходитъ со всѣхъ сторонъ къ главнымъ его представителямъ и императоры постоянно озабочены, какъ контролировать исполненіе обязанностей, чтобы чиновники не злоупотребляли своими положеніями, не успокаивались на немъ, не засыпали. Однимъ изъ слѣдствій подобной заботы о необходимости контроля является въ устройствѣ канцелярiи черта, заставляющая насъ недоумѣвать. Члены этихъ канцелярій, помимо подготовленія дѣлъ, должны были слѣдить за товарищами по службѣ и доносить другъ на друга.

Но кромѣ этого взаимнаго соглядатайства являются и другіе способы контроля: имперія организуетъ цѣлый штабъ экстренныхъ ревизоровъ - людей стоящихъ внѣ обычной іерархической лѣстницы - которыхъ императоры посылаютъ для гласнаго и негласнаго надзора. Всѣ обычные бюрократическіе пріемы въ этомъ случаѣ уничтожа-

ются: донесеніе этихъ ревизоровъ имѣетъ большое значеніе и дѣйствуетъ иногда очень рѣзко, хотя бы производившій дознаніе чиновникъ по рангу былъ гораздо ниже уличеннаго въ вымогательствѣ или превышеніи власти. Кромѣ того они не стѣснены никакими разграниченіями правъ и обязанностей: то раздѣленіе труда, функцій, которое существуетъ въ обычной бюрократической организаціи не играетъ никакой роли по отношенію къ такого рода ревизорамъ; они признаются компетентными по всѣмъ вопросамъ и нѣтъ такого угла въ дѣлахъ управленія, по которому не потрѣбовалось бы иногда заключеніе этихъ *agentes in rebus* [ревизоровъ]. Не знаю, будетъ ли это иллюстраціей коллегій *agentium in rebus*, если мы сравнимъ значеніе первой съ тѣмъ значеніемъ, которое долженъ былъ имѣть у насъ корпусъ жандармовъ; въ принципѣ это совершенно то же самое. Послѣдній былъ учрежденъ для надзора за всякаго рода дѣлами, административными и общественными, внѣ стѣсненія какими-либо рубриками, и предполагалось, что онъ будетъ вмѣшиваться даже въ дѣла чисто гражданскаго характера, напримѣръ, въ вопросы о бракоразводѣ. Подобнымъ же образомъ коллегія ревизоровъ, какъ-бы врѣзывается въ жизнь, лишь только ей предоставлялся императоромъ контроль съ цѣлью освѣдомленія власти о ходѣ дѣлъ въ управленіи, въ обществѣ; въ этомъ смыслѣ конституціи Феодосіева и Юстиніанова кодексовъ сравниваютъ *agentes in rebus* съ очами и ушами государя.

Перечисляя по порядку органы контроля и надзора, мы

приходимъ еще къ одному, чрезвычайно своеобразно поставленному, институту *defensor'*овъ; онъ возникъ въ 4 в. сначала въ одной провинціи, а въ 364 году императоръ Валентиніанъ I распространилъ его на всю имперію. Защитники! Кого и отъ кого они защищаютъ? Мелкій сельскій и городской людъ отъ злоупотребленій и вымогательства чиновничества. Но какъ поставить этихъ *defensores*, чтобы не было однимъ чиновникомъ больше? Мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи. Сначала назначеніе *defensores* было предоставлено губернаторамъ, но послѣ короткой пробы приходятъ къ выводу, что при такомъ положеніи эта обязанность не имѣетъ никакого реальнаго смысла, что она должна быть выведена изъ круга обычныхъ назначеній. И вотъ въ этой централизованной имперіи, не допускающей ни свободнаго слова, ни избирательной власти, возникаетъ требованіе, чтобы *defensores* не назначались, а выбирались. Происходитъ это не потому, чтобы этого добивалось населеніе: самъ императоръ пришелъ къ убѣжденію, что эта власть, чтобы дѣйствительно оказывать защиту тому, кто въ ней нуждается, должна быть выборной; мало того: надо устроить такъ, чтобы она представляла интересы именно той массы, которая нуждается въ ея защитѣ. Все городское населеніе, помимо ценза, призывается къ выборамъ; своей численностью бѣдные имѣютъ здѣсь даже преимущество, и потому императоръ можетъ надѣяться, что должность "защитниковъ" будетъ соотвѣтствовать своему назначенію. Вотъ тотъ завѣтъ, который дается *defensor'*амъ въ Юстиніановомъ кодексѣ: - "Будь народу вмѣсто отца, не

позволяй отягчать повинностями сельскихъ и городскихъ жителей, противодѣйствуй надменности чиновниковъ и дезости судей. Искореняй чрезмѣрные штрафы и переборы чиновниковъ, вымогающихъ больше чѣмъ слѣдуетъ съ тѣхъ кого ты долженъ охранять, какъ своихъ дѣтей, дабы съ нихъ не было взыскано болѣе обычной, назначенной суммы". [x] Эта очень энергичная попытка вновь создать выборную должность имѣла относительный успѣхъ. кое-что сдѣлали, и должность ихъ осталась одной изъ самыхъ популярныхъ; но выбиравшая ихъ масса была до такой степени дезорганизована, что императоры не могли даже надѣяться найти въ ней поддержку своимъ начинаніямъ и желаніе помочь "защитникамъ" справиться съ ихъ труднымъ назначеніемъ. Въ неравной борьбѣ между организованнымъ чиновничествомъ и *defensor*'ами первое одержало верхъ: въ 5 вѣкѣ власть *defensor*овъ мало-по-малу стѣсняется и хотя они совершенно не исчезаютъ, но все болѣе и болѣе становятся чиновниками. Заслуживаетъ вниманія форма вырожденія этой власти: созданная, чтобы вращаться въ кругу наиболѣе важныхъ дѣлъ, она сбивается чиновничествомъ съ позиціи и принимаетъ на себя массу новыхъ обязанностей, какъ напр. рѣшеніе гражданскихъ процессовъ. Словомъ, къ 5 вѣку эта должность уже потеряла свою грозную постановку: чиновничество оказалось гораздо сильнѣе, чѣмъ сами императоры и дезорганизованная масса населенія.

Такая же, собственно еще болѣе неудавшаяся попытка должна быть отмѣчена и въ другомъ отношеніи. Любо-

---

[x] *Parentis vicem plebi exhibeas, descriptionibus*

нятенъ тотъ фактъ, что для обзора своего государства, для опредѣленія его нуждъ и для полученія истинныхъ показаній потребностей общества, императоры въ концѣ 4-го и въ началѣ 5-го вѣка, въ эпоху наиболѣе полнаго развитія имперіи, снова пробуютъ возсоздать областное управленіе, которое сами же уничтожили въ предшествующіе вѣка. Въ эпоху ранней имперіи всѣ самостоятельные самоуправляющіеся органы были подчинены органамъ центральной власти. Но когда установилась, такимъ образомъ, полная дисциплина и областное самоуправленіе принуждено было подчиниться административной власти, императоры спохватились и стали жалѣть, что муниципальныя учрежденія потеряли свое значеніе, потеряли свой голосъ. И вотъ они сами принимаются усиливать и оживлять значеніе областныхъ собраній. Въ 5 вѣкѣ мы встрѣчаемся съ указами императоровъ, которые имѣютъ цѣлью передавать дѣла областнымъ собра-

---

20674

rusticos urbanosque non patiaris adfligi officialium insolentia et judicum procacitati occuras super exigendi damne vel spolia plus petentium ab his, quos liberorum loco tueri debes, excludas, nec patiaris quidquam ultra delegationem solitam ab his exigi." - C. I. 1. 55. 4 (a 385).

Директоръ Курсовъ

Ком. Гос. Научная Библиотека

ніямъ какъ бы въ помощь администраціи и чиновничеству; указы эти интересны лишь какъ показатели того, насколько сознавалась тогда самими императорами крайняя нужда въ оживленіи общественной жизни, въ привлеченіи общества къ дѣламъ управленія. Но они не произвели реальныхъ измѣненій: было уже слишкомъ поздно, такъ какъ чиновничество и тутъ одержало побѣду.

Обращаясь къ этой массѣ чиновниковъ, къ этой бюрократической арміи, мы никакъ не можемъ отказать ей въ цѣломъ рядѣ значительныхъ достоинствъ: она была спеціально и технически образована, она ревностно служила государственной власти и вела къ одной изъ главныхъ ея задачъ - къ сплоченію всѣми внѣшними силами государственнаго тѣла. Но источники того времени указываютъ намъ и на цѣлый рядъ фактовъ, составляющихъ тѣневую сторону бюрократіи. Во-первыхъ, ясно, что эта армія, не имѣя ограниченія снизу и оставшись побѣдительницей въ борьбѣ съ общественными силами, неизмѣнно разростается и увеличивается.- Многочисленность этого чиновничества и излишнее раздѣленіе труда между его представителями заставляютъ одного изъ очевидцевъ |Лактанція| съ ужасомъ воскликнуть, что, "maior numerus accipientium, quam dantium". Во-вторыхъ, по адресу такихъ властей, какъ напримѣръ, власть финансовая, возникаютъ постоянныя жалобы на вымогательства и лихоимство. Очевидно, что притокъ свѣжаго воздуха въ эту область прекратился, что въ негласномъ организмѣ завелись черви. Не смотря на всю ревностность отношеніе къ дѣламъ становится мертвеннымъ; жалуются на отсутствіе новыхъ взглядовъ, плодотворныхъ начинаній, на

несоотвѣтствіе между тѣмъ, чего требуетъ жизнь и тѣмъ, что даетъ канцелярская система. Но хотя жалобамъ этимъ нѣтъ конца, хотя всѣ онѣ въ большей или меньшей степени взяты изъ живого наблюденія надъ дѣйствительностью, значительная часть ихъ можетъ быть отнесена на долю самаго общества. Самая дурная сторона дѣла, на которую такъ много жалуются и относительно которой можно найти указаніе въ попыткахъ оживить общественное самоуправленіе, лежитъ не въ формальномъ бумажномъ отношеніи къ дѣлу, а въ положеніи самаго общества, подвергнувшагося вліянію замкнутой системы управленія. Общество въ противоположность тому, чѣмъ оно было во времена республики и въ первые времена имперіи, оказывается совершенно пассивнымъ, неспособнымъ къ самостоятельной работѣ, ищущимъ помощи у людей, на которыхъ оно само жалуется, потерявшимъ интересъ и умѣніе обращаться съ общественными дѣлами. Возьмите хотя бы помпейскія надписи I-го вѣка и вы увидите, что здѣсь идетъ суетливая, легкомысленная, но всетаки жизнь. Теперь сравните съ ними канституцію Феодосіева и Юстиніанова кодекса и вы убѣдитесь, что уже сама центральная власть хлопочетъ о томъ, чтобы какъ-нибудь внушить обществу хотя бы нѣкоторый интересъ къ занятію общественными дѣлами, возстановить хотя нѣкоторую прикосновенность къ нимъ общества. Здѣсь мы постоянно встрѣчаемся съ одними и тѣми же предупрежденіями, которыя показываютъ, что на общество единственно можно дѣйствовать дисциплиной, приказаніемъ и силой. Въ этомъ отношеніи источники даютъ весьма полную и весьма поучительную картину административной системы и государствен-

наго управленія того времени.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ СРЕДСТВА. Но всякій государственный порядокъ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, какъ система органовъ государственной жизни и, во-вторыхъ, какъ система правъ и обязанностей, лучше сказать, требованій государства по отношенію къ обществу и наоборотъ. О правахъ общества по отношенію къ государству можно сказать очень мало, но намъ придется очень много говорить о правахъ государства по отношенію къ обществу. Этой стороной мы теперь и займемся.

Во всякомъ обществѣ извѣстная часть народныхъ доходовъ, извѣстная часть имущества, принадлежащаго обществу, должна быть отложена въ пользу государства, отдана въ его распоряженіе, чтобы оно также могло исполнять свои обязанности по отношенію къ обществу. Понятно, что какъ только образуется государственный организмъ, онъ предъявляетъ свои требованія питанія, онъ долженъ чѣмъ нибудь жить; формы питанія этого организма являются чрезвычайно важными и характерными условіями жизни. Изысканіе правительственныхъ средствъ сводилось въ то время къ организаціи повинностей. Нужно замѣтить, однако, что повинности общества по отношенію къ государству могутъ быть организованы совершенно различно. Въ исторіи обращаютъ на себя вниманіе повинности двухъ родовъ: натуральныя и профессіональныя. Къ первой принадлежитъ, напримѣръ, вызовъ людей изъ общества въ государственное ополченіе: въ случаѣ войны всѣ граждане страны подъ извѣстными условіями вступаютъ въ войско.

Такой натуральной повинностью живутъ государства въ началѣ своего развитія: такъ жили римляне, когда свободные люди выходили на войну по извѣстному *delectus*. Къ повинности второго рода можетъ быть отнесена организація профессіональнаго войска, гдѣ необходимо не непосредственное участіе гражданъ въ войскѣ, а замѣна ихъ профессіональными солдатами. Понятно, что во всѣхъ сложныхъ и развитыхъ государствахъ натуральныя повинности отходятъ на задній планъ и разрастается профессіональная организація государственной службы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и сборъ припасовъ, которымъ сначала ограничивается государство, замѣняется системой денежныхъ податей и пошлинъ, образуется и развивается финансовая организація.

а) ВОЙСКО. Разбирая вопросы о правительственныхъ средствахъ, которыми располагала римская имперія, я обращу ваше вниманіе прежде всего на войско, организація котораго имѣла здѣсь тѣмъ большее значеніе, что государство находилось въ осадномъ положеніи, въ отчаянной борьбѣ съ варварами. Внѣ всякаго сомнѣнія, въ строѣ римской имперіи многое объяснялось этой военной организаціей, интересы которой играли преобладающую роль въ ея исторіи. Но если военное устройство имѣло, такимъ образомъ, первостепенное, капитальное значеніе, то въ этомъ было виновато уже никакъ не честолюбіе императоровъ, а самое положеніе дѣлъ, необходимость такъ или иначе отстаивать границы и удерживать напоръ варваровъ, насѣдавшихъ со всѣхъ сторонъ. Мы увидимъ сейчасъ, въ ка-

кихъ разнообразныхъ формахъ выражалась организація этого войска и какимъ измѣненіямъ подвергалась она въ концѣ имперіи. Вы знаете, что въ раннюю эпоху Рима основнымъ элементомъ войска являлись пѣхотные легіоны. Эти легіоны были такой силой общественной и военной, противъ которой не устояла даже чрезвычайно высоко поставленная въ военномъ отношеніи фаланга греческаго востока. Легіонъ представлялъ тогда военную единицу, составленную на основѣ воинской повинности свободныхъ крестьянъ, защищающихъ свою родину и распространяющихъ ея господство. Въ концѣ республики и въ началѣ имперіи мы уже имѣемъ въ легіонѣ не старое ополченіе гражданъ, а собраніе солдатъ, добивающихся на войнѣ своего лишь благодаря традиціямъ, искусному командованію, дисциплинѣ и духу римскаго войска, но уже не тому духу, о которомъ можно было говорить во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ до Р.Х. Римское войско этого времени, ставшее профессіональною силой,- войско космополитическое. Римъ, о которомъ идетъ рѣчь,- римская имперія - объединяетъ не только страны, но и націи. Величіе и значеніе этого Рима признается даже его врагами. Какой-нибудь варварскій король, который всю жизнь нападалъ на римскія границы, при встрѣчѣ съ Тиберіемъ преклоняется предъ нимъ, какъ передъ живымъ богомъ. Это воплощеніе военнаго и государственнаго могущества доводится до апогея. Нужно замѣтить, однако, что, хотя въ строѣ легіоновъ мало уже становится италиковъ и большая часть легіонеровъ берется изъ провинцій, но на всѣхъ нихъ лежитъ печать романизованной военной силы.

Посмотримъ теперь, что представляло изъ себя римское войско 4-го и 5-го вѣковъ. Прежде всего мы не знаемъ легіоновъ: они еще существуютъ, числятся и въ полковыхъ спискахъ, и какъ боевая единица, но съ ними, очевидно, произошло глубокое превращеніе: ихъ стало много, и число солдатъ въ нихъ стало значительно меньше. Легіонъ того времени не многимъ больше прежней когорты; сначала ихъ было 22, теперь 133; прежде въ каждомъ изъ нихъ было по 5 - 6 тысячъ солдатъ, теперь не болѣе 160,000 человѣкъ всей пѣхоты. Уже этотъ фактъ показываетъ, что легіоны сильно измѣнились и потеряли свое значеніе, что они составляютъ лишь меньшую часть всего войска: 160,000 было бы, конечно, недостаточно, чтобы поддержать, даже въ продолженіе одного года, существованіе громадной имперіи, соединившей въ себѣ всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря.

Auxilia разнаго рода, которыя въ раннюю эпоху составляли только второстепенное дополненіе легіоновъ, теперь выдвигаются впередъ и составляютъ главное ядро войска. По своему составу и названіямъ они прямо выступаютъ, какъ отряды иноземцевъ. Мы встрѣчаемся тутъ съ Батавами и Сарматами, съ Маврами и Армянами, съ Даками и Исаврами. И въ численномъ, и въ качественномъ отношеніи эти отряды имѣютъ надъ легіонами рѣшительный перевѣсъ.

Вмѣстѣ съ этимъ является фактъ тактическій, строевой, который опять показываетъ, какъ измѣнилось за этотъ періодъ римское войско. Я говорю о кавалеріи, которая раньше не играла никакой роли и во время знаме-

нитыхъ полководцевъ, во время Марія, Цезаря, Тиберія была очень плоха. Правда, Цезарь сталъ привлекать себѣ на службу германцевъ, но во всякомъ случаѣ пѣхота составляла тогда главную основу римскаго войска. Въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ мы видимъ, какъ конница начинаетъ получать полное преобладаніе среди *auxilia* , такъ какъ дѣло идетъ теперь уже не о томъ, чтобы завоевывать все новыя и новыя земли, но чтобы отстаивать границы государства. Въ виду постоянной борьбы съ иррегулярными полчищами варваровъ, которые переходятъ толпами римскую границу, показываются то здѣсь, то тамъ, и страшны главнымъ образомъ своей неустрашимостью, войска легко передвигающіяся получаютъ главное значеніе; на всадниковъ является главный запросъ.

Въ самомъ составѣ легіоновъ мы все чаще и чаще встрѣчаемъ чисто-варварскіе элементы. Объ этомъ судить очень легко, такъ какъ до насъ дошла масса надписей съ именами разнаго рода офицеровъ, нѣкогда служившихъ въ легіонахъ и оставившихъ послѣ себя богоугодныя и богослужебныя учрежденія. Эти имена становятся все болѣе и болѣе варварскими. Варвары и полу-варвары мало-по-малу увеличиваются численно и пересиливаютъ коренную легіонарную пѣхоту. Въ связи съ этимъ является то обстоятельство, что варварскія поселенія, включенныя въ римскія провинціи, но въ военномъ отношеніи все еще сохраняющія свою племенную организацію, начинаютъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Военные поселенцы на границахъ, *limitanei* ,- это мирные туземцы, которыхъ можно сравнить съ замиренными племенами горцевъ на Кавказѣ,

помогавшими намъ въ войнѣ съ непобѣжденными горцами; это, конечно, составъ, на который трудно положиться и который мало отличается отъ состава незамиреннаго, такъ какъ переходъ тутъ совершается весьма медленно и постепенно. Поселенцы имѣютъ свой общественный строй и мало-по-малу усаживаются на римской границѣ. Такія поселенья представляютъ инфильтрацію варварскихъ племенъ въ глубь страны. Иногда цѣлыя варварскія племена допускаются на почву имперіи со своими царьками и особымъ управленіемъ. Ихъ связываетъ съ имперіей лишь весьма поверхностная связь какъ бы вассальной зависимости. Въ такомъ положеніи были франки при предшественникахъ Хлодвига-Хлодіонѣ и Хильдерикѣ; Вестготы при Аларихѣ. Являются, такимъ образомъ, переходныя формы, которыя все болѣе и болѣе показываютъ, что мало-по-малу римское войско начинаетъ разлагаться внутри. Въ заключеніе этой характеристики превращенія римскаго войска и возобладанія въ немъ варварскихъ элементовъ я укажу на одно явленіе, показывающее до какой степени уже въ Римскую эпоху намѣчаются нѣкоторыя весьма характерныя средневѣковыя формы. Что можетъ быть болѣе средневѣковаго, чѣмъ понятіе дружины, которое въ болѣе позднюю эпоху вырастаетъ въ понятіе вассалитета. Дружинникъ и вассалъ-это вооруженные люди, которые служатъ вождямъ не въ силу воинской повинности государству, а въ силу частнаго договора, вѣрности личной дружбы къ начальнику. Въ римскомъ войскѣ 4-го и 5-го вѣковъ появляются обширные, переходные отряды буцелларіевъ |сухарниковъ| которые входятъ въ общій составъ войска и служатъ римской

имперіи, потому что пришли туда по дружбѣ къ вождю, котораго они лично знаютъ, съ которымъ они порядились, и за которымъ они слѣдуютъ. Это уже маленькая дружина, которая впослѣдствіи разрастается до значительныхъ размѣровъ. Въ войскѣ Велизарія было до пяти тысячъ такихъ буцелларіевъ. Они примыкаютъ къ варварскимъ вождямъ, которые являются своего рода военными подрядчиками для римской имперіи. Въ войско начинаютъ проникать элементы частнаго могущества, частныхъ отношеній. Это уже форма, которая показываетъ, что римское государство 4-го и 5-го вѣковъ съ трудомъ справлялось съ своими тяжелыми военными обязанностями; оно принуждено было искать поддержки въ варварахъ, которые уже не мирились съ поддѣлкой подъ общій характеръ воинской повинности.

в| ПОДАТИ. Обратимся теперь къ другой повинности - къ финансамъ и посмотримъ, что представляли они изъ себя въ концѣ имперіи. Финансовыя повинности: подати, налоги, пошлины были крайне разнообразны; императоры были чрезвычайно изобрѣтательны въ пріисканіи доходовъ и взыскивали эти повинности безпощадно. Я не буду говорить о второстепенныхъ повинностяхъ, о таможенныхъ пошлинахъ и гильдейскихъ повинностяхъ, которыя не составляютъ главнаго основанія финансовъ; я обращу ваше вниманіе на двѣ подати, которыя составляли тогда, такъ сказать, фундаментъ правительственныхъ средствъ.

Tributum soli. Одна изъ этихъ податей - по названію, была податью поземельной, *tributum soli* другая - была податью подушной, *tributum capitis.*

Если, не ограничиваясь названіемъ, разсмотрѣть дѣло по существу, то окажется, что та и другая подать захватываютъ шире своихъ названій. Во-первыхъ, tributum soli платился не только съ земли, разсматривался не только по количеству земли, но при его опредѣленіи принималось въ разсчетъ также и качество земли. Сосчитавъ, сколькими югерами владѣлъ землевладѣлецъ, нужно было опредѣлить и качество его земли, дѣлившейся въ этомъ отношеніи на нѣсколько классовъ, такъ какъ съ хорошей земли взималось гораздо больше, чѣмъ съ худородной. Кромѣ того, считались и постройки, и весь инвентарь, а въ послѣднемъ принимались въ разсчетъ не только орудія производства, но и всѣ тѣ рабочія силы, которыя были приложены къ имѣнію. Такимъ образомъ, рабочій инвентарь состоялъ во-первыхъ, изъ рабочаго скота и во-вторыхъ, изъ рабовъ; и если въ имѣньи оказывались такіе работы, обязанные работать на помѣщика, то при опредѣленіи поземельной подати ихъ записывали такъ же, какъ воловъ и овецъ. Но записывали и не однихъ рабовъ, а и съемщиковъ, многочисленный классъ сельскихъ арендаторовъ, которые занимали различныя промежуточныя положенія между рабами и свободными людьми. Такимъ образомъ, formula censualis имѣнія состояла изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ графъ: качество и количество земли, строеніе и орудія, рабочій скотъ и рабы; получалась картина цѣлаго fundus, оцѣнивавшагося въ извѣстный капиталъ, съ котораго взимались опредѣленные проценты.

Мы потомъ еще вернемся къ важнымъ фактамъ, связаннымъ

съ этой системой обложенія, а пока помимо вопроса о ея тяжести укажемъ на нѣкоторыя ея соціальныя послѣдствія. Въ своемъ стремленіи составить себѣ возможно точное представленіе о хозяйствѣ отдѣльныхъ лицъ и не обмануться въ его оцѣнкѣ, имперія 4-го и 5-го вѣковъ старается не только описать инвентарь, но и приписать его разъ навсегда къ опредѣленному мѣсту, такъ сказать иммобилизировать его, насколько возможно. Государство знаетъ, что перемѣны въ хозяйствѣ съ теченіемъ времени необходимы, что одни волы падутъ и на ихъ мѣсто будутъ куплены другіе, что одни рабы умрутъ и народятся другіе. Избѣжать перемѣнъ въ этомъ отношеніи невозможно и оно всѣми силами хлопочетъ избавиться отъ нихъ хотя бы въ другомъ направленіи. И вотъ государство мѣшаетъ хозяевамъ передвигать извѣстный инвентарь съ одного мѣста на другое, употребляетъ всѣ старанія, чтобы воспрепятствовать этому передвиженію экономической силы; затрудняетъ продажу, дареніе и, наконецъ, даже хозяйственные переводы съ одного имѣнья на другое. Фискальный интересъ точной оцѣнки начинаетъ пріобрѣтать главное значеніе. Всѣ хозяйственныя измѣненія разсматриваются не съ точки зрѣнія хозяйственныхъ разсчетовъ, а съ точки зрѣнія желанія утаить, уйти отъ повинности. Подъ вліяніемъ этой точки зрѣнія получается знаменательный фактъ: рабъ уже перестаетъ быть предметомъ полной и безконтрольной эксплуатаціи своего господина. Рабъ, вслѣдствіе фискальныхъ мѣръ приписанный къ цензу, прикрѣпляется, такимъ образомъ, и къ землѣ. Хозяину уже запрещается продавать его безъ позволенія государства или даже пере-

водить его изъ одного имѣнія въ другое: пусть онъ сидитъ тамъ, гдѣ приписанъ по цензуальной формулѣ.

Теперь посмотримъ, что сталось съ съемщиками и арендаторами вслѣдствіе все тѣхъ же фискальныхъ мѣръ. И ихъ государство прикрѣпляетъ къ землѣ, взятой ими у крупныхъ помѣщиковъ, и имъ оно запрещаетъ переходить съ одного квадрата на другой, чтобы не колебались ни ихъ личные, ни государственные доходы. Такимъ образомъ, съемщики всею массою считаются прикрѣпленными къ землѣ. Но если, съ одной стороны, приходится видѣть ограниченіе ихъ свободы, то съ другой, государство старается избавить ихъ отъ произвола землевладѣльцевъ. За ними признается наслѣдственное право на занятіе участка, имъ оказывается защита, когда ихъ сгоняютъ съ земли за невзносъ платы. Получается положеніе, при которомъ крупные помѣщики - землевладѣльцы выдвигаются впередъ и земельные участки считаются за ними. За ними же какъ бы стоитъ вся масса мелкихъ помѣщиковъ и арендаторовъ. Общество расчленяется на два слоя: аристократическихъ и слой полусвободныхъ, полукрѣпостныхъ.

Вотъ теперь я и укажу на тотъ конечный фактъ, который показываетъ, до какой степени податные фискальные интересы пріобрѣтаютъ въ этотъ періодъ главное значеніе для правительства и становятся впереди экономическихъ отношеній. Вмѣсто простого отношенія, при которомъ податъ является отчисленіемъ отъ доходовъ, зависитъ отъ успѣховъ хозяйства и не можетъ считаться его двигателемъ и корнемъ, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ

формъ податного обложенія, которое является корнемъ хозяйственной жизни, а хозяйство лишь его результатомъ. Государству прежде всего важно собрать подать полностью, безъ утаекъ и недоимокъ. Съ крупными землевладѣльцами это сдѣлать сравнительно легко, потому что легко оцѣнить ихъ землю и весь инвентарь. Государство будетъ взимать подать съ помѣщиковъ, а черезъ посредство ихъ станетъ привлекать къ уплатѣ и ихъ арендаторовъ. Но трудно обойти всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, трудно справиться съ утайками съ ихъ стороны, уловить съ нихъ податной процентъ. Эти мелкіе люди, такъ сказать, легче проскакиваютъ черезъ сѣть. Поэтому въ концѣ 4-го и началѣ 5-го вѣковъ государство прибѣгаетъ къ слѣдующей мѣрѣ. Оно приписываетъ этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, юридически совершенно равныхъ, но фискально неравныхъ богатымъ, къ землѣ послѣднихъ, какъ приписало оно и арендаторовъ, и обращается за податью къ крупнымъ помѣщикамъ. Пусть крупные помѣщики взыскиваютъ съ нихъ и сами отвѣчаютъ передъ государствомъ за каждую копейку подати съ мелкаго помѣщика всѣмъ своимъ имуществомъ. Разъ этотъ порядокъ сколько-нибудь утвердился, дѣло кончилось тѣмъ, что мелкіе помѣщики стали подчинятся крупнымъ. Такимъ образомъ, уже въ этихъ формахъ *tributum soli* видно, какъ подъ вліяніемъ общегосударственнаго тяжелаго положенія образуется новая форма взиманія, которая оказываетъ громадное вліяніе на весь внутренній общественный строй.

Tributum capitis. На ряду съ земельнымъ налогомъ

главной основой финансовой системы имперіи былъ и подушный налогъ | tributum capitis |. Общій смыслъ этого налога состоялъ въ томъ, что съ помощью его имперія стремилась привлечь къ обложенію и эксплуатировать съ фискальной стороны рабочій классъ, какъ сельскій, такъ и городской; какъ крестьянскій, такъ и ремесленный. Она не удовлетворилась относительно крестьянскаго населенія даже тѣмъ платежомъ, который это населеніе вносило за свои земли, за свои орудія производства и за свой скотъ, платежомъ, который она черезъ tributum soli присчитывала къ крупнымъ суммамъ, вносимымъ помѣщиками. Помимо него Имперія старалась привлечь свободныхъ, сидящихъ на землѣ, людей мелкаго состоянія и къ платежу поголовному, взять съ нихъ сборъ, какъ съ представителей рабочихъ силъ. Но сборъ такого рода скоро пересталъ быть поголовнымъ въ точномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ для составленія его начали считать не людей, а хозяйственныя семейныя группы. Въ позднѣйшемъ законодательствѣ, которое намъ хорошо извѣстно, на голову или на душу считался уже не одинъ человѣкъ, а нѣсколько: по 2-ое, по 3-ое мущинъ и до 4-хъ женщинъ. Такимъ образомъ, съ поголовнымъ сборомъ тутъ произошло то же самое, что у насъ съ подушнымъ налогомъ: вмѣсто того, чтобы падать на отдѣльную душу, онъ сталъ падать на цѣлое семейство, состоящее изъ 2-хъ, 3-хъ мущинъ и до 4-хъ женщинъ. Эта форма сбора, на которую и обращаю вниманіе ваше, интересна въ томъ отношеніи, что показываетъ какъ и этотъ сборъ

сталъ принимать характеръ прямой эксплуатаціи семейныхъ хозяйственныхъ группъ. При этомъ для удобства эксплуатаціи постарались эти мелкія группы рабочихъ привлечь къ болѣе крупнымъ и къ болѣе отвѣтственнымъ группамъ: съ рабочаго населенія городовъ этотъ сборъ взыскивала курія, то есть городская дума; въ деревняхъ сборъ взыскивали помѣщики. Въ этихъ формахъ взысканія сбора опять сказывается одно очень существенное условіе позднеримскаго времени. Государство уже не ограничивается прямыми сношеніями съ подданными черезъ свои исполнительные органы, а привлекаетъ къ посредничеству въ этихъ отношеніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ и городское самоуправленіе. Вотъ тѣ главные налоги и самыя формы ихъ, которыя очень поучительны, и раскрываютъ очень многое изъ жизни того времени.

Теперь поставимъ еще одинъ вопросъ, какъ чувствовались эти сборы, тяготилось ли ими населеніе, или нѣтъ. На это отвѣтятъ намъ многочисленныя свидѣтельства источниковъ, указывающія на то, что оно тяготилось формами ихъ взиманія. У Лактанція | Lactantius | и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, даже въ законодательныхъ памятникахъ мы можемъ найти очень краснорѣчивыя жалобы на форму, въ которой дѣлалась оцѣнка.

Такъ какъ государство старалось провести оцѣнку возможно неукоснительно, захватить ее всю, то, что можно было захватить, оно не стѣснялось приводить при этомъ въ дѣйствіе самыя тяжелыя, стѣснительныя формы, свойственныя уголовному праву. Населеніе подвергали допросу относительно дохода и достатка, устраивая перекрестные

допросы, показанія сосѣдей другъ на друга, вводя своего рода фискальныя муки, причемъ дѣло доходило иногда |по свидѣтельству Лактанція| до пытокъ. Сама уже форма переоцѣнки, производившейся разъ въ 15 лѣтъ, показываетъ, какъ относилось населеніе къ этому дѣлу. Очевидно, государство предполагало, что населеніе всѣми средствами будетъ уклоняться отъ повинностей и употреблять всевозможные выходы, чтобы обмануть правительство и государство и потому государство нисколько не стѣснялось мучить, пытать подданныхъ и брать ихъ, такъ сказать, за горло, чтобы добиться возможно высокой оцѣнки.

Но есть еще условіе раскладыванія и взиманія податей, которое вызывало тяжкія жалобы и носитъ характеръ инквизиціоннаго отношенія къ дѣлу; это - введеніе круговой поруки. Государство ставитъ дѣло такъ, что, что бы тамъ ни было, а ему надо получить свой взносъ. Поэтому, если нѣкоторые члены этого податного союза оказываются слабыми, неисправными и не могутъ внести своей части, пусть остальные, достаточные и исправные члены дѣлаютъ больше своего взноса. Всѣ крупные представители домовладѣнія и землевладѣнія, сколько ихъ значится въ городѣ, составляютъ, такъ сказать, круговую поруку: къ нимъ обращаются сборщики съ требованіемъ авансовъ, предоставляя имъ право взыскивать потомъ сборы съ неимущихъ по частямъ. Такъ же поступаютъ съ помѣщиками, которые такъ или иначе отвѣтственны за по-

дать. Эта тяжелая круговая порука, какъ указываютъ многочисленные источники, приводитъ къ постепенному разоренію, потому что разорившіеся подъ тягостью уплаты вначалѣ, такъ сказать, тянутъ за собой другихъ, которые принуждены за нихъ платить. Но государство, въ своемъ тяжеломъ положеніи, въ виду того, что ему приходится отбиваться отъ варваровъ, не пугается этого и продолжаетъ все время политику круговой поруки.

Мало того, я укажу вамъ на одинъ фактъ, какъ чисто-хозяйственныя условія разсматриваются съ фискальной точки зрѣнія и раціональныя экономическія соображенія отступаютъ передъ фискальными интересами на задній планъ. Мало того, что государство заставляетъ платить за недоимщиковъ людей состоятельныхъ, рискуя ихъ разорить: оно начинаетъ взыскивать съ землевладѣльцевъ подати не только съ обрабатываемыхъ, но и съ пустопорожнихъ, заброшенныхъ участковъ. Это цѣлая категорія законодательныхъ распоряженій, которыя въ кодексѣ подводятся подъ извѣстный рядъ: *quando inutilia fertilibus imponuntur.* Это означаетъ, что при переоцѣнкѣ, послѣ того какъ опредѣляется наличность дѣйствующаго хозяйства и земли находящейся подъ дѣйствительной обработкой, къ послѣдней приписывается нѣкоторое количество пустопорожней земли, за которую нужно всетаки платить.

Вотъ въ виду всѣхъ этихъ мѣръ, которыя отправляются отъ точки зрѣнія взносовъ населенія и пренебрегаютъ чисто хозяйственными условіями, при чемъ даже не ставится вопросъ о томъ, въ состояніи платить хозяинъ,

или нѣтъ, повсюду слышатся не только жалобы, но и извѣстія о бѣгствѣ, о передачѣ имущества. Мы встрѣчаемся въ концѣ имперіи съ фактомъ, съ которымъ мы не привыкли встрѣчаться въ наше время, а именно, что люди отказываются отъ своего земельнаго участка; оказывается, что подати иногда бываютъ такъ тяжелы, что лучше перестать быть землевладѣльцемъ и бросить землю, чѣмъ обрабатывать ее. Кромѣ ухода съ земли становится обычнымъ фактомъ передача мелкими людьми своихъ участковъ крупнымъ владѣльцамъ - пріемъ противъ котораго государство принимаетъ свои мѣры. Человѣкъ, который сегодня сидитъ на землѣ и принужденъ платить подать, завтра становится арендаторомъ, чтобы снять съ себя часть отвѣтственности за подати. Это обстоятельство становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ и ведетъ къ формамъ, получившимъ замѣчательное развитіе въ средніе вѣка, къ формамъ отреченія отъ земли въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ.

Оцѣнить въ цифрахъ тяжесть податей и главное оцѣнить ихъ относительный гнетъ, представляется для насъ совершенно невозможнымъ, потому что до насъ не дошли подробные податные списки, но у насъ есть факты, которые даютъ возможность сдѣлать въ этомъ смыслѣ косвенное заключеніе. Прежде всего въ Феодосіевомъ кодексѣ вы найдете цѣлыя главы, въ которыхъ случайно, въ памятникахъ совершенно законодательнаго, а не административнаго свойства, въ видѣ исключенія содержатся извѣстія и постановленія о сложеніи недоимокъ. Но цифры, указанныя тамъ нужно помножить на большое число разъ.

Недоимки неоплатныя, недоимки съ которыми нѣтъ возможности справиться - обыкновенный фактъ. Какой характеръ имѣли эти недоимку и какія приходится дѣлать скидки, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ Галліи передъ назначеніемъ туда Цезаря Юліана |впослѣдствіи "Отступника"| считалось на территоріи здуевъ 32000 податныхъ единицъ, съ которыхъ взимались извѣстные сборы; но какъ разъ около этого времени недоимки за ними возросли до такой степени, что государственное управленіе признало невозможнымъ взыскивать ихъ съ такой цифры и принуждено было скинуть съ цѣлыхъ 7000 capita , такъ что территорія должна была платить лишь съ 25000 capita. Когда же къ обычному гнету присоединились нападенія варваровъ, то приходилось скидывать 2/3 и 4/5 всей суммы. Такого рода извѣстія мы получаемъ, напримѣръ, изъ Италіи объ эпохѣ послѣ нашествія Родагайла. Такимъ образомъ, мы несомнѣнно находимся передъ зрѣлищемъ тяжелой податной нужды, которая усиливается еще тѣмъ, что государство не въ состояніи придать податной системѣ характеръ гибкости, цѣлесообразности. Въ общемъ этотъ хомутъ гнететъ и всюду сказывается одна характерная черта, что государственное управленіе на все смотритъ черезъ призму фискальныхъ соображеній и тѣмъ глубоко тормозитъ развитіе экономической жизни. Изъ своихъ контрольныхъ соображеній оно уродуетъ правильное теченіе жизни.

2. ОБЩЕСТВО.

Теперь отъ характеристики главныхъ формъ, въ которыхъ выражается эксплуатація общества государствомъ, намъ предстоитъ перейти къ характеристикѣ главныхъ формъ жизни общественной, при этомъ общество мы будемъ брать въ смыслѣ юридическомъ, то есть какъ совокупность тѣхъ гражданскихъ отношеній и группъ, которыя создаютъ матерьяльную и юридическую жизнь населенія. Вопросъ о духовной жизни общества мы оставимъ до одной изъ слѣдующихъ главъ нашего изложенія. Итакъ посмотримъ, какой характеръ имѣлъ хозяйственный оборотъ и расчлененіе населенія на группы, дѣйствующія взаимно въ одной общественной жизни. Вообще, если брать общество въ юридическомъ смыслѣ, можно подойти къ нему съ двухъ сторонъ; можно дѣлать характеристику съ точки зрѣнія хозяйственныхъ основъ и процессовъ и съ точки зрѣнія слоевъ общества, группъ и классовъ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ОСНОВЫ. Начиная съ характеристики хозяйственныхъ основъ этого общества, мы должны нѣсколько отступить назадъ и присмотрѣться къ тому, что представляло изъ себя римское общество первыхъ 3-хъ вѣковъ. Это общество являло тогда любопытное зрѣлище очень обширной и очень развитой сферы хозяйственнаго обмѣна. Тутъ уже не можетъ быть рѣчи о натуральномъ, мѣстномъ хозяйствѣ, о хозяйствѣ, дѣла котораго ограничены небольшимъ кругозоромъ. Вся имперія въ первые три вѣка благодаря тому, что она политически объединилась, что она

имѣетъ усовершенствованное, цивилизованное право, благодаря тому, что она имѣетъ крѣпкую власть,- вся имперія представляетъ одинъ хозяйственный организмъ, и жизнь ея частей въ провинціи нельзя понять, если не принять въ разсчетъ, что каждая изъ этихъ частей работаетъ не только на себя, но и на другихъ. Какъ установился твердый порядокъ и миръ среди враждовавшихъ доселѣ государствъ, какъ устроились пути сообщенія, какое развитіе получили кредитъ и денежные обороты, какъ видоизмѣнился составъ древняго міра, въ этомъ легко убѣдиться по надписямъ и литературнымъ источникамъ I-го и 2-го вѣковъ. Мы видимъ тутъ прежде всего широкое раздѣленіе труда; отдѣльныя части имперіи спеціализируются въ своихъ хозяйственныхъ задачахъ; каждая избираетъ себѣ хозяйственную роль, наиболѣе подходящую ей по свойству почвы, климата, хорошо зная, что при обмѣнѣ можно будетъ установить матеріальное равновѣсіе: то, что производится въ Египтѣ и въ Сициліи пойдетъ на сѣверъ и наоборотъ. Укажу на самыя крупныя черты этой хозяйственно-обмѣнной комбинаціи. Центральныя части имперіи - Греція и Италія,- гдѣ находятся столицы, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточена политическая жизнь, живутъ наиболѣе состоятельные классы общества - являются центрами кредита, денежныхъ оборотовъ и самой интенсивной культуры. Мы видимъ, напримѣръ, что разведеніе цвѣтовъ и плодовъ, отчасти радведеніе скота для производства тонкой шерсти чрезвычайно развивается въ Италіи. Почти вся площадь около Рима занята садами и огородами. Южныя провинціи являются въ той роли, въ кото-

рой являются теперь житницы міра Россія, Америка и Австралія - таковы Африка, Сицилія и Египетъ. Затѣмъ мы видимъ провинціи, которыя начинаютъ уже пріобрѣтать ремесленно-фабричный или промышленный характеръ. Малая Азія и Сирія производятъ шерстяныя ткани. Болѣе грубыя формы производства, напримѣръ, гончарное производство, толстыхъ матерій и суконъ сосредоточивается въ Галліи. Наконецъ, самыя пограничныя провинціи имѣютъ чисто военный характеръ: Британія, Западная Германія, Дунайскія провинціи, Рейнъ - заняты военными поселеніями, состоящими изъ солдатъ или изъ ветерановъ и отчасти изъ торговыхъ группъ. Эти провинціи, конечно, не могутъ производить на себя и тянуть продовольствіе изъ другихъ, наиболѣе культурныхъ провинцій. Въ общемъ получается картина постояннаго обмѣна, постояннаго кровообращенія въ большомъ государственномъ тѣлѣ, картина, которая зависитъ отъ цѣлаго ряда политическихъ и хозяйственныхъ условій. Необходимо, чтобы *pax Romana* существовалъ въ устойчивомъ, правильномъ видѣ, чтобы порядокъ охранялся и суды были поставлены твердо. Необходимо, чтобы пути сообщенія благопріятствовали передвиженію. Имперія въ это время въ общемъ удовлетворяетъ задачамъ окраины. Если мы станемъ читать дигесты,[x] мы увидимъ, что отовсюду идутъ свѣдѣнія о подъемѣ общественныхъ силъ; мы встрѣчаемся съ чрезвычайно сложными операціями кредита, которыя показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ обществомъ развитымъ. Пути сообщенія, сохранившіеся еще и до нашего времени, были такъ удобны для передвиженія товаровъ и войскъ, какъ ни одна система шоссейныхъ до-

x. [illegible]

рогъ, существовавшихъ до появленія желѣзнодорожнаго движенія.

Но это развитіе обширныхъ, сложныхъ хозяйственныхъ отношеній смѣняется въ 3-мъ вѣкѣ другой картиной. Побѣдоносные походы противъ варваровъ прекращаются, сами варвары переходятъ въ наступленіе, начинаютъ тѣснить имперію, врываются въ ея предѣлы. Съ другой стороны, въ самой имперіи отдѣльныя области и племена возстаютъ противъ общей власти и отдѣляются. Мы узнаемъ о настоящихъ погромахъ со стороны Готовъ, Франковъ, Алемановъ, Персовъ; наступаетъ такъ называемая эпоха 30 тирановъ. Подорвана твердая государственная защита, пути сообщенія засоряются и прерываются. Нельзя уже дѣлать разсчетовъ на долгіе сроки, нѣтъ возможности передвигать товары съ одного пункта имперіи на другой. Кредитъ падаетъ, деньги прячутся. Кровообращеніе государственнаго организма, тотъ обмѣнъ, который былъ установленъ, терпитъ теперь постоянныя задержки и перебои. Является необходимость пересмотрѣть условія жизни, чѣмъ и заключается 4 и 5 вѣка.

Упадокъ государственныхъ отношеній, начавшійся съ 4-го вѣка, отозвался въ двухъ направленіяхъ на хозяйственной жизни имперіи. Внѣшніе враги получили надъ ней перевѣсъ, и она поставила себѣ главной задачей отстоять отъ нихъ свое существованіе; внутри начались раздоры и усобицы, порвалась тѣсная связь между отдѣльными частями государственнаго организма. Теперь обращу ваше вниманіе еще на одно послѣдствіе хозяйственнаго упадка,

ухудшенія государственной охраны, разрушенія путей сообщенія, упадка кредита и исчезновенія денегъ. Хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ, расчитанное на долгосрочные обороты стало невозможно, и повсюду началось регрессивное движеніе къ его простымъ формамъ. Въ ту эпоху, когда въ имперіи работали усиленно на фабрикахъ и въ промышленныхъ заведеніяхъ, можно было спеціализироваться, потому что были увѣрены въ правильномъ оборотѣ, увѣрены въ томъ, что хлѣбъ, напримѣръ, привезутъ туда изъ Сициліи. Но когда эта увѣренность прошла, надо было думать о добычѣ хлѣба. Точно также въ Африкѣ, гдѣ развилось плантаціонное хозяйство пришлось сократить его и переводить его силы на производство другого рода и упростить самый способъ обработки.

Такимъ образомъ, благодаря разстройству единства имперіи произошло регрессивное движеніе отъ сложнаго, разсчитаннаго на обширный рынокъ хозяйства въ сторону натуральнаго. Но надо имѣть въ виду одно, что это регрессивное движеніе не можетъ быть понято и представлено, какъ простое возвращеніе къ старымъ формамъ. Это не значитъ, что вступило въ права мелкое домашнее производство. Дѣло шло всетаки не такъ, потому что, хотя крупная промышленность и крупное хозяйство потеряли подъ собой почву, всетаки соціальныя послѣдствія ихъ остались. Земли не вернулись въ руки мелкихъ собственниковъ, а крупные собственники, завладѣвшіе ими, принуждены были завести на нихъ мелкія оброчныя хозяйства. Вслѣдъ за эпохой крупнаго землевладѣнія съ крупнымъ хозяйствомъ наступаетъ эпоха крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хо-

зяйствомъ. Итакъ мы вступаемъ въ новый періодъ, который собственно будетъ продолжаться въ теченіе всей первой половины среднихъ вѣковъ и начнетъ уступать новымъ формамъ лишь въ ихъ концѣ. Указывая только на самыя крупныя черты и нарочно отбрасывая всѣ второстепенныя, запутанныя подробности, мы придемъ къ такой общей схемѣ владѣнія: первый періодъ, періодъ мелкаго свободнаго землевладѣнія - конецъ республики и начало имперіи; второй - періодъ крупнаго владѣнія и крупнаго хозяйства; третій - періодъ комбинаціи двухъ первыхъ, періодъ зависимаго хозяйства. Вотъ та общая характеристика, отъ которой намъ придется отправляться, знакомясь съ общественными классами и ихъ положеніемъ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КЛАССЫ. Обращаясь къ этимъ классамъ, прежде всего придется разсматривать городское населеніе, такъ какъ городъ является особенно характерной для древняго міра общественной единицей.

I| ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ. Городское населеніе мы разсмотримъ въ высшихъ, низшихъ и среднихъ его слояхъ. Затѣмъ остановимся на сельскомъ населеніи и обратимъ вниманіе, какъ на крестьянъ, свободныхъ и полусвободныхъ и рабовъ, такъ и на помѣщиковъ, земельную аристократію. По отношенію къ городскимъ классамъ мы замѣтимъ что они распадаются на двѣ рѣзко противоположныя части. Въ законодательствѣ ясно виденъ обособившійся кругъ среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ имѣніями за чертой города. Это остатки прежняго свободнаго

гражданства, того гражданства, которое въ древнемъ мірѣ группировалось въ городахъ и деревенскую жизнь считало придаткомъ. Обыкновенно средній аристократъ и даже довольно богатый человѣкъ жилъ постоянно въ городѣ и отлучался изъ города для того, чтобы слѣдить за хозяйствомъ, которое велось на участкахъ, лежащихъ въ окрестностяхъ города. Въ то время, которое мы наблюдаемъ, эта группа существуетъ, но она видимо слабѣетъ, хирѣетъ, и государство старается искусственно придержать ее и закрѣпить. Эта группа, какъ чрезвычайно живая, самостоятельная, изъ которой выходятъ всѣ городскіе выборы, эта группа получаетъ всѣ юридическія права. По закону городскіе выборы должны производится въ средѣ этой группы, въ средѣ куріаловъ, за которыми считается не менѣе 25 югеровъ внѣ города; 25 югеровъ это самая обыкновенная и самая распространенная цифра владѣнія. Прежнія комиціи, народные выборы совершенно закрыты, кромѣ такихъ исключительныхъ случаевъ, какъ выборы *defensor*'а и духовныхъ лицъ. Для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ, для выбора городскихъ головъ и магистратовъ сходятся исключительно куріалы, то есть крупные и средніе землевладѣльцы. Значитъ, имъ представляются политическія права, отнятыя у плебса. Но оказывается, что они этими правами пользуются только съ величайшимъ сожалѣніемъ: вмѣсто того, чтобы радоваться, они тяготятся ими и приходится принимать мѣры къ тому, чтобы куріалы не уходили изъ города. Въ законодательныхъ памятникахъ 4-го и 5-го вѣковъ мы находимъ рядъ постановленій о томъ, чтобы куріалы не продавали всего своего

имущества; позволяется продавать въ другія руки не болѣе половины имущества, чтобы ясно было за кѣмъ считается имущество. Существуетъ даже постановленіе, запрещающее дѣлать даже завѣщенія. Очевидно, государство стремится образовать изъ куріаловъ постоянный наслѣдственный классъ или касту, стремится прикрѣпить ихъ къ городамъ и не выпускать оттуда. Дѣло доходитъ до того, что домовладѣльцу приходится брать отпускъ, если онъ выѣзжаетъ изъ города: онъ не можетъ даже свободно выѣхать, такъ какъ предполагается, что онъ воспользуется своимъ выѣздомъ, чтобы уйти совсѣмъ изъ города.

Все это дѣлается для того, чтобы обезпечить правительству правильный ходъ городского управленія , государству правильный сборъ податей. Куріалъ является наслѣдственнымъ управителемъ и наслѣдственнымъ сборщикомъ и поручителемъ за подати. Очень характерное и курьезное постановленіе рисуетъ этотъ порядокъ кратко и мѣтко: если бы кто изъ куріаловъ, гласитъ оно, уклонился отъ выборовъ, то его обязательно зачисляютъ на должность на 2 года. Такимъ образомъ то, что въ прежней свободной жизни было честью, властью, преимуществомъ, то теперь, благодаря подчиненію общественныхъ интересовъ интересамъ государства, становится наказаніемъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлается въ другихъ слояхъ. Къ числу домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ можно приложить и почти слившійся съ ними классъ купечества. Понятно, что городъ, какъ сосредоточіе населенія, является торговымъ центромъ. Всѣ формы торговли стремятся сплотиться въ общины, которыя имѣли бы извѣстную само-

стоятельность и своихъ магистратовъ. И дѣйствительно, представители ремесла и торговли, принужденные жить въ городѣ, образуютъ корпораціи въ формахъ выработанныхъ старой республиканской автономной жизнью. *Collegia et corporationes* - вотъ форма, которая обнимаетъ весь составъ ремесленнаго и торговаго населенія. Нельзя быть ремесленникомъ и купцомъ, не примкнувши къ одной изъ такихъ корпорацій. Онѣ сами выбираютъ повѣренныхъ лицъ, съ помощью которыхъ ведутъ свои дѣла; тутъ идетъ своя автономная жизнь.

Но мы съ удивленіемъ узнаемъ, что и изъ этихъ корпорацій бѣгутъ, что всѣ стараются ихъ покинуть. Почему? Потому, что эта старая автономная форма сдѣлалась органомъ для взысканій, повинностей. Правительство пользуется ими для того, чтобы тянуть изъ общества все, въ чемъ нуждается государство. Я обращу ваше вниманіе на бытъ одной изъ этихъ корпорацій, показывающихъ, какъ стояло дѣло и объясняющихъ это странное движеніе, обращу ваше вниманую на корпорацію болѣе крупную, а именно на корпорацію навикуляріевъ. Она состояла большей частью изъ крупныхъ купцовъ, занимавшихся морской торговлей, главнымъ образомъ - хлѣбныхъ торговцевъ, вывозившихъ хлѣбъ въ центральныя и сѣверныя провинціи. Дѣло большое, люди богатые: мы имѣемъ здѣсь дѣло съ купцами примѣрно первой гильдіи. Но какъ обставлена эта корпорація? Члены ея наслѣдственно обязаны: если человѣкъ ведетъ торговлю, пускай ведетъ ее и сынъ его; если отецъ ведетъ торговлю съ извѣстнымъ капиталомъ, то и сынъ пускай ведетъ ее съ такимъ же. Повидимому это

дѣло, въ которомъ заинтересованъ онъ одинъ, но государство смотритъ на это иначе. Оно стремится къ тому, чтобы хлѣбъ ввозился въ извѣстномъ количествѣ, чтобы хлѣбные флоты приходили въ извѣстные сроки въ извѣстные порты: не смотря на всѣ усилія Италія всетаки была не въ силахъ себя прокормить и поэтому надо было удерживать извѣстные капиталы въ хлѣбной торговлѣ. Даже постройка кораблей должна была производиться по извѣстнымъ образцамъ, утвержденнымъ и провѣреннымъ государствомъ. Словомъ, всѣ обороты хлѣбной торговли являются, такимъ образомъ, столько же подвѣдомственными контролю правительства, сколько и другія фискальныя статьи. И вотъ является тотъ странный фактъ, что дѣло личной предпріимчивости подчинено вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, слѣдящему за тѣмъ, чтобы министерству финансовъ удобно было взыскивать подати. То, что въ данномъ случаѣ такъ ясно выражается въ этой богатой корпораціи, замѣчается по всей линіи ремесленныхъ и купеческихъ корпорацій.

2, СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ. Теперь, присмотрѣвшись къ этимъ фактамъ городской жизни, мы не удивимся тому, что происходитъ въ деревнѣ, гдѣ идетъ обширный соціальный процессъ прикрѣпленія. Въ этомъ процессѣ намъ приходится считаться съ нѣсколькими теченіями, идущими навстрѣчу другъ другу.

Прежде всего происходитъ разложеніе латифундій, распаденіе крупныхъ хозяйствъ. Надо переходить къ болѣе мелкимъ формамъ хозяйства; сотни землевладѣльцевъ закры-

ваютъ свои плантаціи. Вмѣсто того, чтобы посылать приказчика и самому обрабатывать землю, что сопряжено со вложеніемъ большого капитала, помѣщикъ представляетъ приказчику сдавать землю въ аренду, въ мелкое арендное пользованіе. Необходимо обратить вниманіе на то, что здѣсь имѣетъ значеніе не только расчетъ, невозможность ручаться за долгое время: тутъ важно ослабленіе всѣхъ административныхъ связей. Представьте себѣ положеніе крупнаго землевладѣльца, который имѣетъ латифундіи въ Африкѣ. Когда движеніе судовъ было обезпечено, ему легко было слѣдить за этими латифундіями, которыя производили положимъ хлѣбъ. Онъ это дѣлалъ, иногда наѣзжая самъ, иногда посылая своихъ ревизоровъ и приказчиковъ, большею частью изъ вольноотпущенниковъ. Но теперь администрація не обезпечиваетъ его, и поэтому онъ расположенъ перейти къ мелкимъ формамъ землевладѣнія. Ему приходится считаться съ тѣмъ, что онъ уже цѣлые года не видитъ своего приказчика и постоянно относится съ недовѣріемъ къ его отчетамъ. Сама собой подсказывается такая форма, чтобы предоставлять имѣнье тѣмъ, кто на немъ сидитъ и обязать ихъ извѣстнымъ платежомъ. Поэтому и эти крупныя хозяйства разбиваются на мелкія части.

На встрѣчу тому идетъ другая линія отношеній, то положеніе, въ которое попадаютъ всѣ представители мелкаго свободнаго населенія, которое неохотно покупаетъ земли и охотно отказывается отъ земли въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, только бы пріобрѣсти покровительство ихъ и патронатъ. Поэтому, навстрѣчу крупнымъ

землевладѣльцамъ, которые дробятъ свои участки, идетъ мелкій землевладѣлецъ, который предпочитаетъ вмѣсто того, чтобы хозяйничать самостоятельно, отбывать барщину лишь бы только за него замолвили словечко управителю, губернатору или начальнику войска.

Третья линія отношеній - это процессъ, происходящій среди рабскаго населенія. Когда послѣднее собирается большими массами, то для своей удачной и полной эксплуатаціи требуетъ грозной власти, которая могла бы быстро подавить возмущеніе и возвратить бѣглыхъ рабовъ. Когда власть начинаетъ слабѣть, отношенія къ рабамъ становятся все болѣе и болѣе затруднительными; очень легкимъ становится бѣгство, уходъ. Къ тому же по мѣрѣ того, какъ побѣдоносные походы замѣняются оборонительными войнами, и даже пораженіями, притокъ рабовъ уменьшается. А разъ притокъ уменьшается, разъ не привлекаются свѣжіе и новые источники, рабство начинаетъ вымирать. Рабовъ становится мало и ими приходится дорожить; съ ними начинаютъ болѣе церемониться; нѣтъ уже болѣе рѣчи объ эксплуатаціи, къ которой совѣтуетъ прибѣгать Катонъ Старшій. Въ своемъ трактатѣ о сельскомъ хозяйствѣ онъ прямо и систематически указываетъ, что рабовъ нужно какъ можно больше эксплуатировать, что изъ нихъ нужно выжимать всю силу: когда же они старѣютъ, ихъ нужно или сбывать, или пусть они помираютъ, какъ старый негодный скотъ. О такого рода положеніи не можетъ быть и рѣчи, потому что рабовъ становится все меньше и меньше и потому что разрушая ихъ благосостояніе, рабовладѣлецъ въ корнѣ подтачиваетъ свои собственные доходы. Смягченіе рабскаго

состоянія, переходъ его къ условіямъ договорнымъ по отношенію къ господамъ замѣчается все чаще и чаще. На дальнихъ земельныхъ участкахъ рабы находятся на положеніи мелкихъ арендаторовъ: они пашутъ и приносятъ натуральную повинность. И часто господа предпочитаютъ имѣть дѣло съ рабами, которые даютъ, хотя не особенно высокіе, но опредѣленные доходы, чѣмъ держать приказчиковъ, которые обманываютъ и утаиваютъ. Вотъ съ этихъ то трехъ сторонъ идетъ движеніе, въ результатѣ котораго имѣемъ рядъ законодательныхъ мѣръ о такъ называемомъ колонатѣ. Эти законы и указы объявляютъ, что крестьянинъ обязанъ изъ года въ годъ обрабатывать свой участокъ, и если онъ его оставитъ, то его изловить и вновь посадить. Эти постановленія открываются постановленіями Константина Великаго. Но прежде чѣмъ характеризовать ихъ, надо замѣтить, что имъ предшествовала долгая подготовка. Прежде чѣмъ имперія стала объявлять крѣпость крестьянъ, послѣдніе уже попали въ нѣкоторую фактическую крѣпость, между прочимъ въ силу задолженности. Еще раньше, чѣмъ вышелъ указъ Константина, является такое положеніе, и очень часто совершенно свободный арендаторъ дѣлаетъ опредѣленный договоръ съ помѣщикомъ, въ силу котораго получаетъ извѣстное количество скота, орудія производства, зерно для первоначальной запашки или извѣстную сумму денегъ. Но такъ

какъ положеніе все время тяжелое, то онъ во множествѣ случаевъ не можетъ уплатить долга въ положенный срокъ. Долгъ или растетъ, или по крайней мѣрѣ остается неизмѣннымъ, и эти мелкіе землевладѣльцы, пока не отработаютъ, сидятъ въ долгосрочныхъ арендныхъ формахъ. Этотъ договоръ разъ заключенный признается возобновленнымъ и послѣ его смерти. Приходится сидѣть изъ поколѣнія въ поколѣніе, и такимъ образомъ, начинается обычная наслѣдственная закрѣпощенность.... Является *tacita reconductio* : если арендаторъ прямо не отказывается отъ обработки своего участка, то считается, что аренда продолжаетъ быть наслѣдственной. Въ этой формѣ долговыхъ отношеній, долгосрочныхъ и наслѣдственныхъ арендъ подготовляется почва для законодательства, прикрѣпившаго разъ навсегда съемщиковъ земли и образовавшаго изъ нихъ особое сословіе полусвободныхъ. Между рабами и свободными получается чрезвычайно многочисленный классъ такъ называемыхъ колоновъ, которыхъ можно назвать полусвободными. Они признаются свободными въ воинской повинности и по отношенію къ третьимъ лицамъ. Они свободны даже по отношенію къ господину, и хотя это не человѣкъ - вещь, но все-таки онъ не имѣетъ права оставить участокъ; онъ вѣчно обязанъ помѣщику, прикрѣпленъ къ хозяйству, къ подати. Съ другой стороны, даже настоящіе рабы получаютъ нѣкоторое упроченное положеніе, когда они причислены къ цензу и тѣмъ пріобрѣли значеніе для государства. Послѣднее стѣсняетъ владѣльцевъ въ пользо-

ваніи ими, запрещаетъ ихъ произвольное перемѣщеніе съ одной должности на другую, изъ одного имѣнія въ другое. Затѣмъ государство старалось провести взглядъ, что помѣщики должны взыскивать только извѣстныя, разъ навсегда установленныя повинности: какъ человѣкъ прикрѣпленъ къ землѣ, такъ и повинность къ нему. Имперія старается мѣшать эксплуатаціи населенія со стороны помѣщиковъ, фиксируя повинности и опредѣляя барщину. Фактически держались въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами нѣкоторыя среднія нормы повинностей, но въ концѣ 4-го вѣка не было препятствій по праву къ возвышенію или измѣненію этихъ повинностей. А государство этого времени выставляетъ требованіе, чтобы не брали больше чѣмъ прежде, больше того, что платилось по первому договору.

Такимъ образомъ уже въ концѣ имперской жизни мы видимъ значительное осложненіе прежней сословной системы. Во-первыхъ, вмѣсто прежнихъ двухъ сословныхъ классовъ является вообще цѣлый рядъ состояній мало-по-малу приводящихъ отъ рабства къ свободѣ и въ частности цѣлый рядъ полусвободныхъ людей. Во-вторыхъ, въ крестьянствѣ смѣшиваются элементы разнаго рода: въ отношеніяхъ фактически почти одинаковыхъ вы увидите наслѣдниковъ и преемниковъ трехъ состояній: 1| мелкихъ арендаторовъ, навсегда засѣвшихъ на своихъ мѣстахъ вслѣдствіе задолженности; 2| полусвободныхъ людей, попавшихъ въ крѣпость законодательнымъ путемъ и 3| наконецъ рабовъ, относительно которыхъ требовали,

чтобы ихъ не переводили съ мѣста на мѣсто.

Въ заключеніе всей этой картины я обращу ваше вниманіе на характеристику самихъ помѣщиковъ. Приходится поставить вопросъ, является ли помѣщикъ того времени представителемъ извѣстнаго хозяйственнаго строя и богатымъ человѣкомъ, или онъ представляетъ изъ себя нѣчто иное - дѣятеля политической системы. Положеніе его несомнѣнно заключаетъ въ себѣ чисто политическій элементъ. Уступая ему значительную власть, прикрѣпляя другихъ къ землѣ въ его пользу, государство дѣлаетъ это подъ условіемъ, чтобы и онъ отправлялъ извѣстныя обязанности. Оно поручаетъ ему рядъ правъ и обязанностей по отношенію къ суду, войску и церкви.

МѢСТНАЯ АРИСТОКРАТІЯ.

Политику римской имперіи 4-го и 5-го вѣковъ можно характеризовать, какъ цѣлую сѣть государственныхъ мѣропріятій, до крайности напрягающихъ силы общества, предъявляющихъ къ нему самыя значительныя, самыя крайнія требованія. Государство не отступаетъ ни передъ чѣмъ, чтобы настоять на этихъ требованіяхъ. Оно, какъ только что мы видѣли, готово даже закрѣпостить общество на общей государственной службѣ, обратить въ профессіональныя тѣ состоянія, которыя по существу своему нуждаются въ свободѣ, въ вольности, опредѣлить ихъ въ служебную отрасль государственнаго быта.

Но въ противовѣсъ этимъ крайнимъ стремленіямъ государства мы повсюду замѣчаемъ накопленіе, такъ сказать, центробѣжныхъ стремленій общества въ другую сторону. Общество отдѣляется отъ этой опеки, отъ этой крѣпости всѣми доступными путями, чувствуется, что положеніе гражданъ дѣлается невыносимымъ, и что въ постоянномъ уклоненіи отъ этой опеки мало-по-малу члены общества теряютъ сознаніе своей государственной связи, проникаются къ государству чувствомъ недовѣрія, боязливости. И вотъ наперекоръ полному прикрѣпленію выступаетъ въ той же имперіи рядъ мѣръ, которыя показываютъ, что само государство, поставивши себѣ задачей дѣйствовать исключительно дисциплиной и принужденіемъ, начинаетъ отступать отъ крайнихъ требованій централизаціи и бюрократіи въ сторону привлеченія общественныхъ силъ и дѣлаетъ попытки оживить иниціативу и самостоятельность въ томъ же обществѣ. Рядъ мѣръ такого рода мы уже отмѣтили при характеристикѣ отдѣльныхъ частей государственнаго правленія. Теперь я обращу ваше вниманіе на одну серію указовъ, законовъ и фактовъ, которые особенно важны въ этомъ отношеніи, въ виду послѣдствій своего развитія.

Дѣло въ томъ, что государство, отыскивая въ себѣ силы, на которыя оно могло бы опереться, призвать къ себѣ на помощь въ своихъ мѣропріятіяхъ, естественно должно считаться съ тѣмъ, что фактически сильно, что фактически значительно въ обществѣ. И вотъ, прежде всего оно признаетъ фактическую силу, съ которой ему

необходимо считаться, силу мѣстной землевладѣльческой аристократіи.

Исторія аристократіи въ римскомъ государствѣ прошла нѣсколько періодовъ. Напомню вамъ, что было время, когда аристократія господствовала, какъ аристократія родовая, что далѣе наступило время, когда она господствовала въ Римѣ, какъ аристократія должностная - нобилитетъ; что первые три вѣка имперіи прошли въ ожесточенной борьбѣ имперіи съ аристократіей, борьбѣ, принявшей характеръ жестокостей, казней со стороны императора. Императорская власть казнила аристократическую партію, стремилась уничтожить нобилитетъ, потому что хотѣла быть абсолютной и поэтому смотрѣла съ недовѣріемъ на аристократическій элементъ, на людей съ высокомѣрнымъ сознаніемъ значенія своего рода.

Теперь, послѣ уничтоженія старой аристократіи, въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ начинается новая эпоха, когда императоры опять готовы признать значеніе аристократическихъ элементовъ. При этомъ они обращаются къ помѣщикамъ, отчасти потому, что они имѣютъ значеніе въ чиновничьей администраціи, отчасти потому, что они имѣютъ отношеніе къ войску и вслѣдствіе своего экономическаго положенія играютъ выдающуюся роль въ мѣстномъ обществѣ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на дѣло такъ, какъ собственно обязано смотрѣть всякое централизованное и абсолютное государство, вмѣсто того, чтобы признавать, что въ государствѣ нѣтъ

другой власти кромѣ императорской, имперія въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ признаетъ, что мѣстные крупные землевладѣльцы имѣютъ власть и значеніе настолько самостоятельныя, что имперіи полезно предоставлять имъ многія государственныя функціи.

Я обращу теперь ваше вниманіе на нѣкоторыя частности, и прежде всего на то, что эта роль аристократіи пробивалась иногда совершенно незаконными путями. Въ тысячѣ случаевъ мы замѣчаемъ, что во всевозможныхъ градахъ и в сяхъ мелкій и слабый людъ боязливо тѣснится къ помѣщикамъ, что начинается система покровительства, патроната, которую государство въ такой формѣ признать не можетъ. Оно, напримѣръ, не можетъ признать справедливымъ право сильнаго заступничества на судѣ: до тѣхъ поръ, пока есть государственный судъ и право, всѣ признаются равными предъ судомъ. Но фактически маленькимъ людямъ трудно добиться своего, и вотъ они обращаются къ тому изъ сосѣдей, кто посильнѣе, и эти сосѣди иногда косвенно вліяютъ на судей, а иногда прямо показываютъ свою солидарность и свое заступничество. Противъ этого издаются эдикты, но какъ разъ повтореніе этихъ эдиктовъ указываетъ, на вторженіе авторитетности въ среду правосудія. Большой баринъ заступается за своего кліента, проводитъ его претензіи. Разъ это начинаетъ становится обыденнымъ, обыкновеннымъ фактомъ, тѣ, кто оказывается безъ барина, безъ патрона, попадаютъ въ плохое положеніе. Такимъ образомъ эта систе-

ма суда практикуется повсюду.

Другая незаконная форма вторженія въ дѣла большихъ господъ является въ формѣ ходатайства и уклоненій по податнымъ вопросамъ. Дѣло доходитъ до того, что мелкіе помѣщики передаютъ свою землю крупнымъ, чтобы прямо не имѣть дѣла со сборщиками податей. Наконецъ, мы узнаемъ, что, если въ мѣстечкѣ стоитъ войско, то къ командиру обращаются за ходатайствомъ и за покровительствомъ въ гражданскихъ дѣлахъ, а этотъ генералъ или полковникъ по нашему оказываетъ цѣлый рядъ заступничествъ экономическихъ гражданскихъ интересовъ населенія.

На все это императоры обращаютъ вниманіе, стараются этому противодѣйствовать и въ концѣ концовъ оказывается изъ цѣлаго ряда законовъ Феодосіева кодекса, что даже цѣлыя мѣста начинаютъ вступать въ подчиненіе патронату. Есть глава „*de patrociniis vicorum*," показывающая, что не только отдѣльные владѣльцы, но и цѣлыя села вступаютъ подъ покровительство, цѣлыя села исчезаютъ за спиною богатыхъ баръ.

Но если въ этомъ свидѣтельствѣ заключается указаніе, насколько самоуправство выдвигается въ обществѣ, насколько это общество стремится группироваться, то не менѣе характерна другая сторона дѣла, не менѣе характеренъ рядъ постановленій, который касается мелкихъ будничныхъ дѣлъ, но который имѣетъ въ виду дѣла, повторяющіяся милліонъ разъ. Съ однимъ изъ этихъ дѣлъ мы познакомились: когда приходилось оцѣнивать мѣста то мелкіе владѣтели и колоны приписывались къ крупнымъ.

Съ этихъ крупныхъ собиралась подать и имъ предоставлялось право собирать ее съ арендаторовъ и даже съ независимыхъ бѣдныхъ сосѣдей. Это случай, когда государство считало недостаточнымъ средство казенныхъ сборщиковъ и полагало, что лучше обратиться за помощью къ фактической силѣ крупныхъ помѣщиковъ, и въ этомъ оно видѣло одну изъ задачъ мѣстнаго крупнаго общества - помочь государству въ раскладкѣ и сборѣ податей. Другая повинность, имѣющая существенное и ежедневное значеніе - это воинская повинность, рекрутскій наборъ, который беретъ людей на пятнадцать, двадцать лѣтъ, а иногда и навсегда; онъ выдѣляетъ ихъ въ профессіональное войско, потому что послѣ освобожденія отъ службы они обыкновенно не возвращаются домой, а становятся ветеранами и разселяются гдѣ-нибудь на границѣ. Въ этомъ рекрутскомъ наборѣ также являются участниками первостепенныя общественныя силы. Рекрутскій наборъ производится при участіи представителей обычной администраціи и представителей войска, но кромѣ того, фактически онъ возложенъ на городское самоуправленіе и помѣщиковъ въ деревняхъ. Помѣщики начинаютъ ставить рекрутовъ. Рабы въ этомъ случаѣ не идутъ въ разсчетъ; свободные люди служатъ не поголовно, а являются сборы черезъ посредство крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ этомъ случаѣ становятся органами государства. Они набираютъ рекрутовъ изъ числа арендаторовъ: если у нихъ находится сто колоновъ и если съ сотни берутъ шесть рекрутовъ, то они берутъ

и забриваютъ тѣхъ шестерыхъ, которые должны идти въ военную службу. Рекрутскій наборъ, такимъ образомъ, предполагаетъ извѣстную ієрархію, нарушающую понятіе равенства, и помѣщики являются съ исключительной компетентностью, потому что и рекрутскій наборъ мало-по малу втягивается въ среду послѣдней. Третье дѣло, которое имѣло въ то время чрезвычайно большое общественное значеніе, дѣло богослуженія. Всѣ эти отношенія касаются не только вопросовъ религіозныхъ, но и вопросовъ общественнаго призрѣнія, благотворительности, также сосредоточенныхъ въ средѣ церкви. Какъ устроить церковь, кто будетъ имѣть главный голосъ въ избраніи священника - все это вопросы, имѣющіе капитальное значеніе. Императоры въ этомъ отношеніи стараются представить власть крупнымъ помѣщикамъ: имъ поручается наблюденіе за приходомъ, они ручаются за то, чтобы тамъ все было въ порядкѣ; наконецъ, имъ предоставляется первый голосъ при выборѣ священника.

Но тутъ въ интересахъ полнаго, правдиваго изложенія слѣдуетъ замѣтить, что противъ этой государственной тенденціи, старающейся сдѣлать помѣщиковъ властью и въ церковномъ отношеніи, идетъ живая, чрезвычайно ожесточенная тенденція демократическая. Въ этомъ дѣлѣ, въ вопросѣ о церковной жизни, общество оказывается черезчуръ самостоятельнымъ: оно стремится избирать священника общественнымъ составомъ прихода, тогда какъ въ законахъ вы увидите стремленіе выставить помѣщика на первый планъ въ дѣлахъ церковнаго правленія.

Затѣмъ, въ довершеніе сказаннаго я укажу вамъ на то, что по суду и мѣстной полиціи также можно отмѣтить рядъ попытокъ предоставить крупнымъ помѣщикамъ особыя права; напримѣръ, крупнымъ землевладѣльцамъ предоставляется право третейскаго суда по гражданскимъ дѣламъ, даже полицейская власть въ мелкихъ нарушеніяхъ порядка, полиція дорогъ, полиція продажи вина, и наконецъ, полиція мелкихъ дракъ, мелкихъ оскорбленій. Они являются своего рода мировыми судьями, или земскими начальниками въ округѣ; вообще приходится отмѣтить, что въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ нарождается новая соціальная сила, которая носитъ названіе „possessores".

При перечисленіи сословій „possessores" идутъ прямо послѣ высшаго чиновничества | honorati |, какъ представителей высшей администраціи. Второй классъ - possessores если и не имѣютъ титула, то онъ является представителемъ экономическихъ функцій государственной политики по сбору податей, по рекрутскому набору, по церковному управленію и, наконецъ, даже по суду и полиціи. Такимъ образомъ, является особый классъ, жизнь и будущность котораго признается, классъ землевладѣльцевъ, вождей общества. Къ нимъ государство начинаетъ систематически обращаться и надо замѣтить, что здѣсь то и заключается пониженіе первоначальныхъ требованій государства къ обществу и отступленіе отъ первоначальныхъ принциповъ полнаго господства перваго надъ вторымъ: это, вѣдь, сила общественная.

III. ЦЕРКОВЬ.

Теперь намъ предстоитъ перейти къ другой силѣ, которая въ настоящее время вторгается въ общеотво и съ которой приходится еще сильнѣе считаться государству; эта сила - церковь. Переходя къ характеристикѣ церкви, я сначала укажу на то, какъ была поставлена она въ римскомъ обществѣ 4-го и 5-го вѣка, остановлюсь на разсмотрѣніи ея организаціи, а затѣмъ уже на тѣхъ внутреннихъ теченіяхъ мысли, идей, которыя развиваются въ церкви, но которыя представляютъ въ то же время общественное дѣло. Вопросъ объ организаціи церкви вслѣдствіе его значительности нельзя оставить въ сторонѣ.

Дѣло въ томъ, что этотъ институтъ въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ формировался на тѣхъ основахъ, которыя такъ пышно развились на почвѣ средневѣковой исторіи. Мы частью будемъ считаться съ папствомъ, съ епископами, съ теократическими притязаніями церкви: поэтому надо посмотрѣть, какъ и откуда все это развилось. Прежде всего намъ надо обратить вниманіе на развитіе церкви на основаніи государственной политики и внутренней церковной іерархіи. Отмѣчу то, что самый замѣчательный моментъ, который освѣщаетъ дальнѣйшую исторію церкви - это принятіе ея въ число государ-

ственныхъ учрежденій при Константинѣ Великомъ. Константинъ Великій признавалъ, что церковь, какъ могучій органъ общества, не можетъ быть внѣ государства и необходимо, чтобы между нимъ и церковью было выработано нѣкоторое совмѣстное отношеніе. Но намъ нельзя начать характеристику іерархіи со временъ Константина Великаго. Мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы поступили подобнымъ образомъ. Можетъ быть мы приписали бы вліянію государства то, что развилось въ церкви ранѣе, а потому намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на іерархію церкви до Константина, то есть въ то время, когда ее еще гнали и не признавали. Несомнѣнно, что самостоятельность духовенства и ранѣе развивалась въ церкви, что начатки церковной іерархіи относятся именно къ этой эпохѣ гоненій. Надо указать на то, что въ третьемъ вѣкѣ совершился одинъ изъ капитальнѣйшихъ фактовъ, имѣющій свое значеніе еще и до сихъ поръ при устройствѣ католической церкви. Духовенство, какъ самостоятельная сила, выдвинулось не сразу. Выдѣленіе его, ведущее къ раздѣленію церковнаго общества на двѣ части - на вѣрующихъ съ одной стороны, и пастырей съ другой - это раздвоеніе церкви есть, собственно, дѣло третьяго вѣка: оно произошло подъ вліяніемъ Карѳагенскаго епископа Кіпріана съ одной и Александрійскихъ - Димитрія и Діонисія, съ другой стороны. Александрійскіе епископы впервые стали проводить взглядъ, что свѣтская часть церкви призвана участвовать въ ней вѣрой и молитвой и что она

рѣзко отдѣляется отъ духовной тѣмъ, что въ силу благодати послѣдняя совершаетъ таинство и является посредникомъ благодати. Создается, такимъ образомъ, исключительное положеніе духовенства, какъ силы могущей совершать безкровную жертву и признвать благодать: вѣдь, безъ нихъ благодать не придетъ. Это исключительное положеніе формируется и опредѣляется, и среди епископовъ начинаетъ проходить взглядъ, выдѣляющій духовенство, какъ высшую силу. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе и опредѣляетъ точку зрѣнія средневѣковой церковной жизни: когда реформаторы стали рабивать эту точку зрѣнія, то значительную часть аргументовъ они почерпали изъ эпохи предшествующей Кипріану, доказывая, что во второмъ и первомъ вѣкахъ были братства, были вѣрующіе, были учителя, но обособленной власти не было. Лютеръ называетъ это "священничествомъ свѣтскихъ людей," руководившихъ церковью. Мнѣніе это разрушилось въ эпоху гоненій въ третьемъ вѣкѣ и только раскольники утверждали, что Богъ сотворилъ ихъ царями, іереями.

Вслѣдъ за этимъ важно разсмотрѣть внутреннее отношеніе самого духовенства, выдвинувшагося изъ свѣтскаго состава. Являлся вопросъ, будетъ ли духовенство организовано на общественныхъ началахъ, или оно приметъ нѣсколько монархическую организацію. Въ этомъ отношеніи я отмѣчу, какъ моменты колебанія, слѣдующіе факты. При ближайшемъ участіи Кипріана возникъ вопросъ о крещеніи еретиковъ, лицъ, получившихъ крещеніе отъ незаконныхъ пастырей; между еретиками было много и

священниковъ. Въ римской церкви отвѣтили, что такихъ лицъ нужно принимать въ церковь послѣ отреченія отъ той ереси, къ которой принадлежалъ крестившій ихъ. Въ Карѳагенѣ же рѣшили, что нужно крестить во второй разъ. Возникъ споръ. Папа Стефанъ первый, сидѣвшій на римскомъ престолѣ съ 254 по 257 годъ, выставилъ претензіи, которыя похожи на притязанія позднѣйшихъ римскихъ папъ. Онъ доказывалъ, что традиціи римской церкви должны быть признаны, какъ традиціи церкви каѳолической. Противъ него выступили карѳагенскіе и александрійскіе епископы, и доказывали, что преимущество это почетное. Единственнымъ исходомъ было общее соглашеніе, а въ это время никоимъ образомъ нельзя было созвать собора съ разныхъ сторонъ имперіи. Такимъ образомъ являлось препятствіе къ объединенію церквей. Этотъ фактъ указываетъ на то, что съ одной стороны, тендеція римскаго папы Стефана имѣла своимъ слѣдствіемъ протестъ другихъ епископовъ, такъ какъ, де римскій папа никакихъ правъ на преимущества не имѣетъ, съ другой стороны на то, что іерархическія притязанія начались до признанія церкви государствомъ. Теперь обратимъ вниманіе на тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ признанія ея государствомъ.

I| ХРИСТІАНСТВО, КАКЪ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕРКОВЬ.

Признаніе христіанства государственной религіей въ имперіи совершилось при обстоятельствахъ, совершенно

ясно показывающихъ, до какой степени въ этомъ событіи, наравнѣ съ причинами религіозными, играли роль и обуславливали результаты причины общественныя и политическія. Вы знаете, что тотъ легендарный фактъ, около котораго сосредоточивается это событіе, связанъ прямо съ обѣщаніемъ побѣды. Легенда повѣствуетъ, что Константинъ передъ отчаянной борьбой съ Максенціемъ, когда вся судьба его была поставлена на карту, видѣлъ знаменіе, въ которомъ имя Христа являлось вмѣстѣ съ надписью: "симъ побѣдишь." Брьба съ Максенціемъ была событіемъ, въ которомъ, съ одной стороны, являлся Цезарь - представитель языческой имперіи слѣдовавшій старымъ традиціямъ поклоненія богамъ,- съ другой - императоръ, въ помощь себѣ призывающій новую, великую силу - христіанство. Замѣтьте, что эта постепенная уступка, признаніе за христіанствомъ общественной силы отражается еще и въ томъ, что разсказъ о принятіи христіанства не принадлежитъ самимъ христіанамъ; въ самомъ разсказѣ фактъ нисколько не передается устами людей, охваченныхъ религіознымъ воодушевленіемъ. Напротивъ, очень хорошо извѣстно, что въ борьбѣ съ Максенціемъ Константинъ, призвая себѣ на помощь христіанство, какъ общественную силу, далеко еще не окончательно становился на его сторону. Онъ добивался для него только признанія наравнѣ съ другими религіями, но никакъ не господства. Результатомъ является миланскій эдиктъ 312 года, который даетъ христіанству положеніе религіи, пользующейся признаніемъ, терпимостью наравнѣ съ другими религіями, но не болѣе.

Слѣдующій шагъ къ побѣдѣ христіанства опять таки связанъ съ борьбою двухъ половинъ имперіи: Лициній является въ данномъ случаѣ поборникомъ язычества, а западный императоръ - все тотъ же Константинъ - поборникомъ христіанства. Вслѣдъ за этой побѣдой, въ 324 году христіанство признается уже религіей господствующей и начинается цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы постепенно ослабить другія религіи. Сначала преслѣдованія эти не рѣзки: храмы и нѣкоторыя формы богослуженія остаются въ силѣ. Но имперія идетъ по этому пути все дальше и дальше. Насколько постепеннымъ является это проникновеніе имперіи идеями христіанства видно изъ того, что обычаи и формы чисто языческаго происхожденія долго еще остаются въ памяти: напримѣръ, христіанскіе императоры до Граціана носятъ наименованіе "*pontifex maximus*". Юліанъ, отступившій въ язычество, упрекаетъ предшествовавшихъ императоровъ въ томъ, что они сами не рѣшались вполнѣ отказаться отъ этого языческаго титула. При Граціанѣ выносятъ изъ сената статую побѣды, служившую знакомъ чисто языческой имперіи: такъ постепенно исчезаютъ изъ имперіи языческіе элементы.

Но хотя такимъ образомъ въ успѣхѣ христіанства громадную роль игралъ учетъ его соціальной силы, оно мало-по-малу прошло до самаго верха имперскаго общества и овладѣло всѣмъ государствомъ. Какой изъ этого полу-

---

чился результатъ и какъ, подъ вліяніемъ этого факта, сложилось еще не вполнѣ устроенное церковное общество?

Уже въ самыхъ внѣшнихъ условіяхъ быта церкви замѣчается рядъ послѣдствій. Начнемъ съ фактовъ несущественныхъ, менѣе важнаго, менѣе крупнаго характера, но съ фактовъ, которые въ обыденной жизни имѣютъ большое значеніе. Когда христіанская церковь сдѣлалась государственной, она очень скоро выработала себѣ внѣшнюю іерархическую организацію такую же сильную и плотную, какъ организація имперской бюрократіи. Прежде, когда приходилось бороться съ имперіей, отношенія въ значительной степени были запутаны, случайны и условны; Теперь церковныя власти, учреждаясь по провинціямъ, располагаются по степенямъ. Имперія со своею силою порядка и дисциплины идетъ на помощь этому процессу расположенія церковнаго начальства по извѣстнымъ мѣстамъ, въ опредѣленномъ подчиненіи. Прежде всего въ этомъ отношеніи и съ этой точки зрѣнія организуются провинціи, гдѣ епископская власть получаетъ видъ власти, напоминающей отношенія губернатора къ подчиненнымъ. Зачатки этого были уже и раньше, но теперь, подъ вліяніемъ государственности церкви, епископъ окончательно становится ея сановникомъ и выдѣляется изъ среды своихъ священниковъ. Точно также начинаетъ проявляться разница между епископами центральныхъ городовъ, наиболѣе важныхъ по политическимъ и экономическимъ условіямъ и странствующими епископами мелкихъ городовъ и деревень. Послѣдніе мало-по-малу переходятъ въ разрядъ благочинныхъ, а епископы значительныхъ городовъ получаютъ

безусловний перевѣсъ.

Вслѣдствіе легкости сношеній между всѣми частями имперіи, отдѣльныя церкви постоянно сносятся другъ съ другомъ, и въ результатѣ этихъ сношеній являются попытки созванія вселенскихъ и учрежденія провинціальныхъ соборовъ.

Наконецъ, въ самой ячейкѣ первоначальной церковной организаціи, въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ вырабатывается опредѣленное правило относительно выбора священниковъ, правило, которое переносится и на выборъ епископскій. Вслѣдствіе необыкновеннаго интереса къ этимъ дѣламъ, выборы эти, лишенные всякаго казеннаго и бюрократическаго характера, сохраняютъ чрезвычайно важную роль. Масса народа и наиболѣе достаточный классъ принимаетъ въ нихъ участіе наравнѣ съ духовными клириками, такъ что получается форма избранія отъ *clerus, ordo, populus*[2]. Но наиболѣе любопытные и исторически важные результаты являются въ отношеніи органовъ объединяющихъ церковь и ея объединенной жизни. Въ этомъ случаѣ приходится обратить вниманіе на потребности, которыя высказываютъ первые организаторы церкви. Константинъ, принявши церковь подъ покровительство государства, отдавая ей въ распоряженіе оружіе и вліяніе государства, опирался на нее какъ на силу, которая по его взглядамъ должна была быть единой. Это единство церкви, являющееся результатомъ и стремленій теоретическихъ, стремленій къ единой вѣрѣ, къ единой религіозной формѣ, становится такимъ образомъ общественной задачей. Съ точки зрѣнія имперіи и импе-

раторовъ нельзя допускать разноголосицы, раздѣленія въ церкви: эти раздоры церкви такъ же ненавистны имъ, какъ бунты, своеволія губернаторовъ и гражданскіе раздоры. Ихъ дѣйствіе направлено къ тому, чтобы прекратить раздоры, чтобы довести разногласіе до опредѣленныхъ формулъ, на которыхъ уже потомъ церковь должна останавливаться и безусловно ихъ держаться. При этомъ было бы большой ошибкой думать, что это постоянное вмѣшательство императора въ цѣляхъ объединенія приводило къ его безусловному господству въ церкви. Императоры вмѣшивались всѣми доступными имъ средствами: гоненіями, смѣщеніями, вліяніемъ на слабыхъ и честолюбивыхъ руководителей церкви.

Въ концѣ 4-го и началѣ 5-го вѣковъ показываются попытки свѣтской власти такъ или иначе направить теченіе религіозныхъ споровъ. Самъ Константинъ вступилъ на эту дорогу: въ 324 году свершилось признаніе церкви, а въ 325 собирается Никейскій соборъ противъ оспаривающихъ божественность Іисуса Христа, противъ ереси Арія. Въ этомъ случаѣ на Никейскомъ соборѣ Константинъ подъ вліяніемъ главъ западной церкви, которыя были ему близки, рѣзко сталъ на сторону Афанасія Александрійскаго, утверждая божественность Іисуса Христа. Но онъ же самъ, основавъ Константинополь и попавъ въ круговоръ мнѣній, развившихся на Востокѣ, сталъ отступать отъ этой точки зрѣнія и приближаться къ аріанству и кончилъ тѣмъ, что смѣстилъ Афанасія Александрійскаго, воспользовавшись правомъ, которое ему далъ соборъ въ Тирѣ. При его преемникахъ имперія еще рѣзче

стала на сторону аріанства. Изъ этихъ преемниковъ Константій держалъ сторону аріанъ, послѣ Юліана ревностнамъ аріанином становится Валентъ. Такимъ образомъ надо прямо сказать, что императоры чрезвычайно много сдѣлали, чтобы загнать церковь въ направленіе, которое она въ концѣ концовъ признала еретическимъ. Уже изъ этого видно, что императорская власть не получила окончательнаго преобладанія въ церковныхъ дѣлахъ. Наоборотъ, какъ разъ въ это время въ защиту формы, окончательно признанной соборами за православную, выдвигаются самыя необыкновенныя, самыя безбоязненныя личности, которыя не только не отказываются отъ стремленія удержать христіанство на положеніи государственной силы, но въ то же самое время имѣютъ дерзость расходиться въ мнѣніяхъ съ главнымъ распорядителемъ церкви - императоромъ. Таковы были три каппадокійскіе святители: Василій Кессарійскій, Григорій Нисскій и Григорій Назіанскій, которые на Константинопольскомъ соборѣ въ 381 году довели церковь до окончательнаго признанія ученія о божественности Іисуса Христа, формулированнаго Афанасіемъ Александрійскимъ противъ Арія. Но тутъ приходится подчеркнуть, на случай недоразумѣній, что соединеніе не привело къ цезаропапизму; наоборотъ, церковь чрезвычайно самостоятельно поддерживала свои мнѣнія путемъ исповѣдничества. Благодаря этому соединенію и соглашенію святителей съ императорами стала вырабатываться такая точка зрѣнія, что церковь должна искать всѣхъ возможныхъ средствъ, чтобы провести свои формы; иногда это удавалось и тогда

сами представители церкви становились строгими цензорами, гонителями противной партіи еретиковъ, иногда не удавалось и они становились исповѣдниками. Въ общемъ вопросъ о принудительныхъ средствахъ, о смѣщеніи съ должностей, конфискаціи имущества это одинъ изъ постоянныхъ элементовъ тогдашней борьбы. Эта борьба въ значительной степени переходитъ на почву ударовъ чисто матеріальнаго свойства. Она не только приводитъ аргументы тѣхъ или иныхъ святителей церкви, защищается не только проповѣдью и убѣжденіемъ, но и принужденіемъ.

Какой характеръ имѣли эти принужденія можно судить по одному любопытному и, можно сказать, курьезному разсказу, который остался о путешествіи Порфирія Газскаго въ Константинополь во время императора Аркадія, то есть въ началѣ 5-го вѣка. Порфирій отправился съ посольствомъ изъ Газы съ тою цѣлью, чтобы добиться отъ императора строгихъ рескриптовъ противъ язычниковъ, приказовъ разрушить языческіе храмы и употребить силу для обращенія язычниковъ. Когда епископъ со своимъ посольствомъ прибылъ въ Константинополь, то онъ къ удивленію замѣтилъ, что при дворѣ теченія очень различны. Императрица Евдокія, та самая, которая заточила Іоанна Златоуста, съ увлеченіемъ приняла его сторону, поддержала его и употребила всѣ свои силы, все свое вліяніе, чтобы добиться декретовъ о гоненіи исповѣдующихъ язычество. Но императоръ отказывался, приводя въ соображеніе, что въ Газѣ пока еще большинство язычниковъ и что лучше подождать, пока пастыри не обратятъ ихъ; тутъ нужно отмѣтить характерное соображеніе во-

сточнаго императора, что если начать гоненіе, населеніе разбѣжится и нельзя будетъ получать изъ Газы полнаго комплекта податей. Такимъ образомъ императоръ находился въ колебаніи и скорѣе расположенъ былъ отказать епископу въ просьбѣ; но тутъ случилось для епископа очень счастливое событіе: у императрицы родился наслѣдникъ, будущій Ѳеодосій второй. Конечно, въ такой моментъ вліяніе императрицы стало очень значительно и благодаря ему епископъ почти уже достигъ своей цѣли. Окончательный перевѣсъ имѣла его просьба на крестинахъ. Когда Ѳеодосія понесли крестить, императрица вложила ему въ руки прошеніе Порфирія Газскаго, и дѣло приняло такой оборотъ, какъ будто новорожденный сынъ императора просилъ его поступать со всею строгостью; послѣ этого Порфирій не могъ уже жаловаться на то, что императорская власть не поддержала его въ Газѣ.

Такимъ образомъ, повторяю, комбинація государственной власти съ церковной организаціей привела къ тому, что фактически православные и еретики, язычники и христіане пользовались всѣми удобными случаями, чтобы притѣснять другъ друга, и такимъ образомъ создалось положеніе почти междоусобной войны. Тѣмъ не менѣе общій ходъ велъ къ тому, что основныя церковныя формы выяснялись все болѣе и болѣе и становились какъ бы общественнымъ достояніемъ.

Но кто долженъ былъ охранять эти формулы въ томъ случаѣ, когда вселенскіе соборы не являлись на выручку; кто былъ ихъ постояннымъ стражемъ? Подобный вопросъ

мало по малу навязывается во всѣхъ этихъ волненіяхъ и колебаніяхъ. Къ этому то времени, т.е. къ концу 4 и началу 5 вв., и относится начало движенія, приведшаго на западѣ къ образованію традиціоннаго центра, къ папской власти. Эти первые шаги, эти первыя притязанія папской власти складывались очень любопытно. Естественно является вопросъ, какимъ образомъ рискіе папы мало-помалу возвышаются изъ числа равныхъ имъ патріарховъ.

Прежде всего сказывается то обстоятельство, что на Западѣ было меньше споровъ, меньше разномнѣній и что церковь болѣе группировалась около римскаго патріарха. Само собой разумѣется, что и здѣсь возникали ереси, но эти ереси никогда не разрывали Запада до такой степени, какъ Востокъ; отдѣльныя уклоненія, конечно, были, но они разрѣшались римскими папами съ удивительнымъ тактомъ; въ 4 и 5 вв. ихъ постановленія по всѣмъ вопросамъ были признаны вселенскими соборами. Установился даже обычай въ случаѣ споровъ обращаться за ихъ разрѣшеніемъ прежде всего въ Римъ; полагали, что весьма недурно спросить, какъ смотрятъ на это дѣло въ Римѣ.

Второе обстоятельство, которое также даетъ себя чувствовать въ притязаніяхъ римскихъ патріарховъ - это сравнительная слабость имперіи на Западѣ. Западная имперія существовала, такъ же какъ и восточная, но нападенія на нее были гораздо энергичнѣе, ей грозила постоянная гибель и она не имѣла времени подобно восточной имперіи вмѣшиваться въ религіозныя дѣла. Иногда въ 5 вѣкѣ, когда начинаются крупныя пораженія, начинаются вторженія полчищъ гунновъ, готовъ и вандаловъ - римскій епископъ является какъ

бы свѣтскимъ властителемъ; папа Левъ Великій по отношенію къ гуннамъ является уже не представителемъ императора, а представителемъ патріархата.

Вообще говоря, вслѣдствіе удаленности отъ главнаго центра государственныхъ и религіозныхъ контроверсъ, Римъ, оставаясь такимъ образомъ вдали, мало по малу самостоятельно начинаетъ развивать взглядъ, что въ случаѣ спора надо спрашивать римскую церковь. Первый случай, когда это было провозглашено всенародно, произошелъ во время борьбы Констанція за Арія, борьбы, когда Западъ безусловно держался противъ Арія. Въ это время Константъ, представитель Констанція - созываетъ въ 343 г. въ Сардикѣ соборъ, куда является 94 западныхъ и 76 восточныхъ епископовъ. Соборъ въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ держится точки зрѣнія Афанасія, т.е. точки зрѣнія православной, но кромѣ того, онъ поддерживаетъ свои постановленія ссылкой на авторитетъ римскаго патріарха. Третьимъ и четвертымъ канономъ Сардикскаго собора устанавливается, что ни провинціальные епископы, ни государственная власть не имѣютъ права смѣщать епископа безъ апелляціи къ Риму. Это было сдѣлано въ видахъ защиты Афанасія Александрійскаго, смѣщеннаго какъ разъ въ это время и вмѣстѣ съ нимъ цѣлаго ряда православныхъ епископовъ, также тогда смѣщенныхъ. Воспользовавшись этимъ для того, чтобы такимъ образомъ удержаться на своихъ мѣстахъ, восточные епископы, заручившись сочувствіемъ западныхъ, устроили демонстрацію противъ аріанскаго императора. Слѣдовательно вопросъ объ авторитетности римскаго патріарха впервые возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о такой важной мѣрѣ, какъ смѣщеніе епископа,

будь онъ александрійскій или антіохійскій. Вотъ первый соборъ, въ которомъ подъ вліяніемъ фактическихъ условій и историческихъ обстоятельствъ римскій приматъ является въ осязательной формѣ. Затѣмъ любопытно выражаются эти притязанія въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ 4 вѣка, когда послѣ гоненія начинается возвращеніе къ православію при Феодосіи II; въ это время выступаетъ папа Дамасъ, который высказываетъ взглядъ о первенствующемъ значеніи римскаго первосвященника, о необходимости обращаться въ Римъ по поводу смѣщенія епископовъ и по всѣмъ церковнымъ спорамъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить ту роль, которую пріобрѣло папство на Халкидонскомъ соборѣ, какъ извѣстно, установившемъ формулу по вопросамъ объ отношеніи естества. Эта формула была установлена соборомъ на основаніи письма папы Льва Великаго къ Флавіану, константинопольскому патріарху, въ которомъ папа высказывается за примиреніе. Это однако не значитъ, что папа законодательствовалъ, но важно то, что весь громадный соборъ обратился за консультаціей къ римскому епископу.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, отдаленности отъ ревностныхъ контроверсъ и свободы по отношенію къ свѣтской власти, получается возможность выдвигать мало-по-малу хотя и спорную, точку зрѣнія, что римскій епископъ является первымъ и главнымъ хранителемъ православной традиціи.

2| МОНАШЕСТВО. ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЕ И РАЗВИТІЕ.

Говоря о церковной организаціи, какъ она сложилась въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ, мы не можемъ ограничиваться одной іерархіей

Кромѣ іерархіи церкви намъ недьзя не считаться съ направленіемъ, которое выходитъ за ея предѣлы и ищетъ себѣ особаго пути къ спасенію, которое своимъ началомъ знаменуетъ происхожденіе аскетическаго теченія въ церкви. Я разумѣю монашество.

Монашество въ своихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ свѣту и церковной организаціи есть теченіе историческое. Намъ приходится отмѣтить какъ теченіе, подготовлявшее его, такъ и кристализацію его въ опредѣленную форму въ 4-омъ вѣкѣ, которымъ мы занимаемся.

Нельзя не указать на то, что въ самомъ первоначальномъ христіанствѣ есть уже задатки къ тому аскетическому отреченію отъ міра, къ той борьбѣ съ плотью, которой посвящаетъ себя монашество. Вѣдь Христосъ сказалъ человѣку, который спрашивалъ его о томъ, что слѣдуетъ дѣлать: "прежде всего исполняй заповѣди, а если хочешь быть совершенъ - оставь свое имущество и слѣдуй за мной". Такимъ образомъ уже и Христосъ, не развивая это предписаніе въ опредѣленную программу, разъ указывалъ, что высшее совершенство должно заключаться въ отреченіи отъ всѣхъ благъ, въ отреченіи не только отъ имущества, но въ извѣстномъ случаѣ и отъ семьи. Но эти указанія и примѣры, которые давала первоначальная церковь I-го и 2-го вѣковъ не выходятъ изъ предѣловъ частныхъ стремленій. Въ церкви всегда были отдѣльные люди, которые посвящали себя исключительно религіознымъ дѣламъ: молитвѣ, заботамъ о больныхъ, заботамъ о нуждающихся, которые ради этихъ стремленій жертвовали всѣмъ остальнымъ. Но эти люди

выступали на свой подвигъ по иниціативѣ собственной совѣсти, безъ принужденія: церковь не указывала имъ опредѣленныхъ обѣтовъ, не ставила ихъ въ опредѣленный союзъ.

Нѣсколько иной характеръ принимаютъ эти отдѣльныя аскетическія стремленія въ борьбѣ съ плотью въ то время, когда церковь становится очень сильной и пріобрѣтаетъ въ обществѣ вліяніе.

Во 2-омъ вѣкѣ мы имѣемъ дѣло съ церковью еще не признанной оффиціально, но уже многолюдной, притянувшей самые разнообразные общественные элементы, вступившей въ опредѣленныя отношенія ко всѣмъ гражданскимъ формамъ, съ церковью, которая ведетъ уже опредѣленную политику и въ силу этой политики, въ силу необходимости считаться съ разными кругами общества предлагаетъ мораль среднюю, не слишкомъ строгую, не слишкомъ обременительную. И вотъ въ это самое время появляется стремленіе, которое указываетъ на то, что такого рода смягченная мораль не соотвѣтствуетъ высокимъ цѣлямъ церкви. Церковь явилась въ міръ для того, чтобы его исправить и обратить, а не за тѣмъ, чтобы подчиниться его внушеніямъ, его соблазну. Противъ оппортюнистовъ, которые по необходимости являются господствующимъ классомъ, поднимается направленіе крайнее, которое призываетъ всю церковь къ борьбѣ съ міромъ, съ антихристомъ, указывая, между прочимъ, что второе пришествіе близко, и что въ это время особенно не годится служить міру и подчиняться какимъ либо требованіямъ съ его стороны. Во второмъ вѣкѣ

это направленіе слагается въ цѣлое еретическое теченіе. Аскетическое ученіе требуетъ, чтобы всѣ участники въ вѣрѣ и исповѣданіи церкви отказывались отъ мяса, крови и брака, и устанавливаетъ, такимъ образомъ, обрядовое вегетеріанство, постоянный постъ съ цѣлью ослабленія плотскихъ инстинктовъ и стимуловъ, и полное безбрачіе, которое выражаетъ разрывъ съ семьей. Это направленіе является собственно основой одной изъ раннихъ ересей, такъ называемой ереси "монтанистовъ", которая возникла во Фригіи около половины второго вѣка. Здѣсь дѣло идетъ не о монашествѣ, не о добровольномъ отдѣленіи нѣкоторыхъ лицъ, а о порывахъ со стороны всей церкви; это направленіе чисто враждебное общему теченію, которое встрѣчаетъ отпоръ со стороны церкви; этотъ отпоръ находитъ характерные аргументы въ томъ, что церковь уже несетъ въ себѣ, въ самомъ своемъ строеніи извѣстную дань крови, дань мученичества. Общая іерархическая церковь защищается тѣмъ, что въ каждый данный моментъ гонители христіанства могутъ предъявить вѣрующимъ тяжелое требованіе, изъ которыхъ одинъ выходъ - исповѣдничество и мученичество. Іерархическая церковь побѣдоносно встрѣчаетъ монтанистовъ, какъ еретиковъ, стоя на той точкѣ зрѣнія, что тѣ уступки, которыя дѣлаются обычному образу жизни - это уступки, которыя всякій христіанинъ, всякій вѣрующій обязанъ сдѣлать порядку міра, предназначеннаго самимъ Богомъ, міра, который есть твореніе Бога, а не дьявола. Церковь, какъ цѣлое, не отступаетъ передъ борьбой и готова защищать вѣрующихъ кровью.

Рядомъ съ этимъ порывомъ, который я отмѣтилъ, какъ движеніе, подготовляющее будущій монашескій аскетизмъ, является и другое теченіе, сливающееся съ первымъ, хотя оно вытекаетъ изъ совершенно другого источника. Навстрѣчу церковному аскетизму, который вырастаетъ изъ непримиримой вражды ко всему языческому, изъ основъ чисто религіозныхъ, идетъ теченіе философское, имѣющее свои источники далеко въ древности - въ платонизмѣ. Самъ Платонъ находитъ свой крайній идеалъ въ рѣзкой противоположности съ гражданскимъ строемъ родины и признаетъ философовъ отойти отъ этого строя; онъ надѣется, что отдѣленіе дастъ имъ силу реорганизовать общество; съ этой точки зрѣнія онъ и нарисовалъ утопію своей гражданской республики. Но идея, что философъ не есть просто обыкновенный гражданинъ, а человѣкъ, выступившій изъ общества, сосредоточившій свое вниманіе на высшихъ задачахъ и знаніяхъ, созерцающій, мыслящій, уединившійся - эта идея даетъ людямъ возможность удерживать свой идеализмъ и находить успокоеніе при той тяжелой, удручающей обстановкѣ, которая мало-по-малу создается соціальными и политическими условіями. Въ неоплатонизмѣ, въ новопивагорействѣ и стоической школѣ разными путями философская мысль относитъ въ нравственной силѣ все одинъ и тотъ же выходъ - приведеніе философа въ состояніе апатіи, атараксіи, состояніе, такъ сказать, неприступное страстямъ и волненіямъ, приходящимъ извнѣ. Съ точки зрѣнія этой философской апатіи стоикъ находилъ въ себѣ силу равнодушно и, какъ бы радостно, встрѣчать и гоненія императоровъ, и побѣды вар-

варовъ, и общій развратъ, который его окружалъ. Онъ сосредоточивался въ своей внутренней крѣпости и никого туда не пускалъ; это было уже въ своемъ родѣ бѣгство въ пустыню. Любопытно, что въ той христіанской школѣ, которая во второмъ вѣкѣ является наиболѣе сильной - въ школѣ Оригена - эти идеи борьбы мысли находятъ себѣ прямое выраженіе въ христіанской оболочкѣ, которая напоминаетъ уже собой обстановку будущихъ монастырей. Самъ Оригенъ развиваетъ ту мысль, что слѣдуетъ всѣми средствами бороться съ чувственностью, но главнымъ образомъ характеръ монастырскаго подвижничества придаетъ его ученикъ Гіераклъ, который основываетъ коптскія общины, уже на началѣ совмѣстнаго сожительства съ цѣлью религіозно-научнаго и философскаго созерцанія. Надъ этой общиной возвышается крестъ, такъ какъ она совершаетъ богослуженіе. Это община монаховъ, отшельниковъ, но въ то же время и мудрецовъ. Одна изъ ихъ цѣлей - сосредоточеніе мысли, осуществленіе идеи, что надо совершенно покончить съ polüpragmosüne, съ тѣмъ разнообразіемъ заботъ, которыя въ мірѣ отводятъ человѣка отъ самаго главнаго, отъ воспитанія своей собственной души.

Наконецъ, въ видѣ теченій, которыя подготовляютъ этотъ аскетизмъ, нельзя забыть и о давнихъ восточныхъ проявленіяхъ аскетическихъ порывовъ, которые часто принимаютъ формы смѣны бурныхъ страстей бурнымъ отреченіемъ от чувственности. Такого рода порывы были въ культѣ Кибелы, культѣ Адониса. Вліяніе этихъ давнихъ традицій встрѣчается на первыхъ порахъ монастырскаго

подвижничества христіанъ.

Но всѣ эти отдѣльныя теченія - теченіе христіанское, греческое и восточное,- порывъ отъ страстей страстный самъ по себѣ - являются разрозненными и не слагаются въ какую нибудь опредѣленную организацію до 4-го вѣка. Въ 4-омъ вѣкѣ характерное образованіе монашества становится силою, и на условія, при которыхъ создалась эта сила, играющая такую громкую роль въ 4-омъ вѣкѣ, условія существующія и до сихъ поръ, надо конечно обратить особое вниманіе.

Можно сказать, что рѣшительный толчекъ для образованія монашества былъ данъ образованіемъ государственной церкви. Когда церковь, вмѣсто того, чтобы оставаться церковью мученической, стала церковью іерарховъ; когда она вступила въ разнообразныя сношенія съ государствомъ и вполнѣ примирилась съ нимъ, въ эту минуту съ новой силой явился вопросъ, волновавшій монашество: имѣетъ ли право истинный христіанинъ мириться съ отступленіемъ отъ правилъ, которое предполагаетъ извѣстный союзъ церкви съ государствомъ. Въ церковь нахлынула вся масса людей дурныхъ, отпадающихъ, которые составляютъ обыкновенно общественный матеріалъ; вмѣсто напряженной, героической нравственности, соотвѣтственно тому геройскому положенію, которое занимала церковь въ первые вѣка - явилось новое, во многихъ отношеніяхъ удобное, положеніе, при которомъ политическій оппортунизмъ расчитывалъ на среднюю натуру человѣка, и при которомъ уступки средней его слабости сдѣлались необходимымъ правиломъ. Въ это время мы и замѣчаемъ безпокойство совѣсти въ средѣ

самой іерархіи, отдѣльныя попытки стать лицомъ къ лицу съ требованіями обыкновеннаго человѣка, замѣчаемъ появленіе той мысли, что церковь должна протестовать противъ слабыхъ сторонъ общества, учить его. Самымъ благороднымъ представителемъ церкви въ этомъ отношеніи является Іоаннъ Златоустъ, святитель, который открываетъ, собственно говоря, 5-ий вѣкъ. Онъ все время не могъ примириться съ соціальнымъ строемъ, не хотѣлъ признавать обыкновенный классъ общества, дерзость богатыхъ, ихъ излишества и обо всемъ говорилъ откровенно, указывая прямо пальцемъ на нахальную роскошь двора; у него завязалась съ императрицей личная борьба, которая въ короткій срокъ, въ 5, 6 лѣтъ, привела его въ изгнаніе, сломила его и, наконецъ, привела его въ глубь Скифіи, на берегъ Чернаго моря, гдѣ онъ и умеръ въ 407 году. Такимъ образомъ, тутъ же съ патріаршей кафедры является протестъ противъ обычнаго порядка міра, протестъ, не имѣвшій успѣха.

Важный для дальнѣйшаго развитія церкви историческій моментъ заключается въ томъ, что этотъ безпокойный элементъ, который въ каждую данную минуту грозилъ ей раздоромъ, броженіемъ, былъ отведенъ въ особое русло. Монашество сдѣлалось отводнымъ каналомъ этихъ элементовъ. Мало того, оно явилось оправданіемъ для церкви, такъ какъ людямъ, предъявляющимъ особыя требованія явилась возможность пристать къ монашеству, а остальнымъ слушать

ихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ плакать по поводу ихъ подвиговъ и жизни и въ то же самое время жить въ обычныхъ формахъ свѣтской жизни. Съ этой точки зрѣнія крайне важно и любопытно, что монашество возникаетъ во второй половинѣ 4-го вѣка. Легендарный разсказъ относитъ появленіе первыхъ замѣчательныхъ монаховъ къ болѣе ранней эпохѣ, къ концу 3-го вѣка; но, повидимому, ихъ дѣятельность не имѣла съ послѣдующей эпохой ничего общаго: это были отдѣльные случаи отшельничества, которые бывали всегда. Но послѣ признанія государственности церкви Константиномъ, въ 40-хъ годахъ 4-го вѣка, начинается выходъ массы неудовлетворенныхъ людей въ монастыри, бѣгство въ Фиваиду, въ египетскія пустыни. Оно любопытно еще съ другой точки зрѣнія: она разъяснится, если мы посмотримъ на жизнь одного изъ самыхъ вліятельныхъ руководителей, Пахомія въ Фиваидѣ; это бывшій жрецъ Сераписа, который воспользовался въ Египтѣ старыми традиціями одного изъ культовъ. Жрецы Сераписа практиковали въ извѣстныхъ случаяхъ схимничество, уединеніе навсегда; были пещеры, въ которыя они сходили, туда имъ подавали пищу и тамъ они были замурованы до конца жизни. Пахомій, которому все это было извѣстно, обратилъ эту практику въ христіанское русло, воспользовался отчасти примѣромъ египетскихъ жрецовъ. Въ Сиріи, въ началѣ 5-го в., Семеонъ Столпникъ является однимъ изъ проводниковъ этихъ давнихъ традицій: онъ сидѣлъ на грудѣ камней и никогда не сходилъ съ нея. Но и онъ въ данномъ случаѣ былъ не первымъ: эту форму самоистязанія уже издавна практиковали жрецы Астарты. Такимъ образомъ, потребность уйти изъ міра, уединиться, закрыть глаза на все, что происходитъ въ мірѣ, эта потребность особенно начинаетъ давать себя чувствовать около

40-хъ годовъ 4-го вѣка.

Но чрезвычайно важный шагъ былъ сдѣланъ тогда, когда эти разрозненные порывы и усилія получили извѣстную сплоченность, постоянство и правило, когда отъ монаховъ киновитовъ, которые жили вмѣстѣ, такъ сказать, въ чисто механическомъ смыслѣ, потому что ихъ кельи стояли рядомъ, началъ совершаться переходъ къ монастырскому общежитію. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи дѣятельность каппадокійскихъ святителей. Около 375 года подъ главенствомъ Василія Великаго являются первыя обширныя монашескія общества людей, которые говорятъ другъ съ другомъ, служатъ вмѣстѣ обѣдню, постоянно сносясь другъ съ другомъ и помогая другъ другу. Направленіе этихъ монастырей, основанныхъ Василіемъ Великимъ, очень любопытно: въ нихъ видно смѣшеніе христіанской и греческой аскетической струи. Василій Великій точно также настаиваетъ на занятіяхъ науками, философіей, какъ и на молитвѣ, чего онъ самъ былъ яркимъ примѣромъ. Вслѣдствіе этого состоянія весь видъ каппадокійскихъ монастырей отличался отъ строгаго вида сирійскихъ, и отъ того вида, который приняли монастыри впослѣдствіи. Самоистязаніе въ этихъ монастыряхъ „askesis", упражненіе, борьба, работа надъ собой, была главнымъ образомъ нравственнаго свойства. Въ обстановкѣ этихъ монастырей не было никакой ненависти къ природѣ, какъ къ таковой; напротивъ, въ писаніяхъ Василія Великаго и его сподвижниковъ чувствуется любовь къ ней, пониманіе ея красоты, стремленіе сдѣлать любовь къ природѣ однимъ изъ средствъ увлеченія людей отъ государственной жизни и отъ общественной работы, разъ они способны на монашество; эти монастыри имѣли своей задачей доставлять удо-

вольствія и радости тихой и мирной жизни. Всѣми этими чертами ихъ уставъ значительно отличался отъ строя египетскихъ обителей. Едва-ли будетъ ошибкою признать, что въ данномъ случаѣ философскія тенденціи, которыя были такъ сильны въ этихъ монастыряхъ, не остались безъ вліянія на направленіе, впослѣдствіи особенно сильно выразившееся въ западномъ монашествѣ: какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ изъ его орденовъ, напр. у бенедиктинцевъ, занятія наукой сдѣлались однимъ изъ главныхъ устоевъ жизни. Такимъ образомъ, монашество, какъ организація тѣмъ болѣе совершенная, выработалась не въ борьбѣ съ церковью, а въ извѣстномъ согласіи съ ней.

Но, если монашество сдѣлалось въ это время солью земли; если изъ среды его стали раздаваться голоса, которые снискали въ обществѣ наибольшій авторитетъ, то все-таки нельзя сказать, чтобы эти голоса могли сдѣлать все, могли всего достигнуть: имъ приходилось считаться съ тѣмъ, какъ сложилось само общество, что оно представляло изъ себя и въ какихъ образахъ воплощалось христіанство.

3| ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО.

I| ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ВѢРОИСПОВѢДНЫХЪ СПОРОВЪ.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ новаго отдѣла нашего изложенія, къ разсмотрѣнію того, какъ церковь вліяла на общество, какія были въ ея распоряженіи средства и какихъ она достигла результатовъ. Прежде всего мы принуждены будемъ указать на то, что общество было чрезвычайно заинтересовано и вполнѣ охвачено церковными спорами и церковными интересами. Въ настоящее время трудно понять ту страстность, съ которою относились тогда люди къ вопросамъ религіи. Насколько

тутъ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, объ этомъ свидѣтельствуютъ вся исторія церкви тѣхъ вѣковъ. Стремленіе къ различнымъ діалектическимъ тонкостямъ, царившее въ то время, поражало даже людей того времени. Я приведу цитату одного изъ выдающихся писателей, Григорія Нисскаго, который даетъ намъ картину ежедневной жизни города: "Пройдитесь", пишетъ онъ, "по улицамъ и рынкамъ, зайдите къ портному, къ мѣнялѣ, къ продавцу съѣстныхъ припасовъ: если отберете что нибудь и спросите, что стоитъ, вамъ отвѣтятъ о "сотворенномъ и несотворенномъ". Вамъ нужно узнать цѣну хлѣба, а вамъ говорятъ: "Отецъ выше Сина, Синъ подчиненъ Отцу". Я спрашиваю, готова ли ванна: мнѣ отвѣчаютъ, что Синъ созданъ изъ ничего".

Исторію всякихъ религіозныхъ споровъ можно разсматривать съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Можно интересоваться религіозными спорами съ богословской стороны, съ точки зрѣнія опредѣленія того вклада, который они дѣлаютъ въ развитіе богословской науки; каждый изъ нихъ такъ или иначе двигаетъ богословскую доктрину, отсѣкаетъ извѣстный рядъ толкованій, обязываетъ къ извѣстному мнѣнію. Но тѣ же самыя явленія имѣютъ глубокій интересъ съ точки зрѣнія культурно-исторической, т.е. со стороны того, что представляютъ они для общества, въ которомъ они совершаются, что высказываетъ въ этихъ спорахъ общество, въ какомъ отношеніи стоятъ эти споры къ общественной жизни, и едва ли есть болѣе интересная эпоха для наблюденій этой стороны дѣла, этого

культурно-историческаго значенія религіозныхъ споровъ, какъ 4 и 5 вв., которыми мы занимаемся.

Я уже указалъ на то, что по свидѣтельству самаго общества споры между различными еретическими и православными направленіями глубоко интересовали всѣхъ, были, дѣйствительно, злобой дня и давали поводъ къ захватывающему интересу, къ самоотверженному преслѣдованію извѣстной точки зрѣнія не только среди очень образованныхъ людей, но и въ глубинѣ общества, въ низахъ его. Уже это внѣшнее свидѣтельство показываетъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ процессомъ, который долженъ былъ отразиться не только на одномъ катехизисѣ и представлялъ интересъ не только для лицъ его изучающихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ общей характеристикѣ этихъ споровъ съ культурно-общественной стороны, мы въ цѣломъ рядѣ противорѣчій наталкиваемся на вопросы, которые касаются всего міросозерцанія людей, всей постановки ихъ нравственныхъ взглядовъ, т.е. существенной части общественной жизни. Цѣлый рядъ этихъ споровъ ведется на почвѣ, которая близко соприкасается съ этикой. Вы уже знаете какъ сложилась монтанистская ересь, ересь несговорчивыхъ, непримиримыхъ, которые требовали отъ всего современнаго христіанскаго общества строгаго аскетизма, подготовленія къ концу міра, къ страшному суду. Это было воззваніемъ не только на почвѣ догматизма, это было нравственнымъ порывомъ, противъ котораго въ крайнихъ его выводахъ вооружилась церковь въ ея большинствѣ, въ ея благоразумной части. Но возьмемъ, напр., другую ересь очень сильно распространенную въ 5 вѣкѣ - пелагіанство. Эта ересь въ основѣ сво-

ей опять таки этическая. Главная мысль пелагіанства заключалась въ томъ, что человѣкъ свободенъ въ своемъ спасеніи и погибели, что воля человѣка свободна, поэтому всю тяжесть нравственныхъ обязанностей онъ принимаетъ на себя, ни Богъ, ни церковь, ни религія не могутъ направить его направо или налѣво, онъ лично, индивидуально находитъ себѣ и то и другое. Теорія, которая, будучи открыто исповѣдуема, привела бы въ случаѣ своей побѣды къ чрезвычайно широкимъ, важнымъ послѣдствіямъ, теорія, въ корнѣ которой лежитъ пока еще не совсѣмъ открытое ученіе о правѣ критики,- пелагіанство заключаетъ въ себѣ отторженіе отдѣльной личности отъ церкви, и пониманіе всего теченія исторической и церковной жизни, какъ теченія, совершающагося въ силу чисто земныхъ условій. Сами пелагіане не заглядывали такъ далеко: они не вполнѣ понимали конечные результаты своей доктрины; но тѣ, кто боролся противъ нихъ, доказывали, что это будетъ конечнымъ послѣдствіемъ ихъ доктрины и развивали идею предопредѣляющей благодати. При этомъ противники пелагіанства не боялись сдѣлать Бога и Промыселъ отвѣтственными за грѣхи людей, поскольку Богъ является всевѣдущимъ и создателемъ всего міра. Этотъ церковный фатализмъ, очень сильно выражавшійся у Августина, былъ гораздо мягче у другихъ представителей церкви, и хотя онъ не отливался въ такія законченныя формы, какъ у кальвинистовъ, но зачатки его лежали въ основномъ признаніи, руководящей роли Промысла, обезпечивавшей единство церкви, но подавлявшей свободу воли и свободу совѣсти. Понятно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не только со спорамъ церковныхъ учителъ. Свобода воли и необходимость, о которыхъ мы и доселѣ споримъ,-

это такіе принципы, которые имѣютъ не только метафизическое значеніе, но обусловливаютъ все пониманіе жизни и нравственности. Возьмите такое еретическое направленіе, какъ манихейство, которому подпалъ сначала, но отъ котораго впослѣдствіи отказался Блаженный Августинъ. Манихейство приводитъ къ извѣстнымъ опредѣленнымъ догматическимъ построеніямъ, но въ основѣ его лежитъ особое міросозерцаніе. Оно вытекаетъ изъ мысли объ исконной непобѣдимой силѣ зла. Зло является не производнымъ и подчиненнымъ началомъ, надъ которымъ окончательно восторжествуетъ добро, манихейство есть дуализмъ, въ силу котораго божеское начало ведетъ исконную и безполезную борьбу со зломъ; послѣднее нельзя удалить и уничтожить; отсюда вытекаетъ дуализмъ нравственныхъ и общественныхъ требованій. На всѣхъ этихъ примѣрахъ можно видѣть, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ одними догмами, не съ однимъ катехизисомъ.

Но пойдемъ дальше и спросимъ, какое значеніе имѣли такъ называемые христологическіе споры, которые занимаютъ главную часть церковной исторіи четвертаго и пятаго вѣковъ? Этимъ спорамъ о положеніи Христа въ Троицѣ, о Его значеніи, о Его естествахъ посвящены всѣ главныя, всѣ первыя событія церковной исторіи. На первый взглядъ, особенно людямъ, которымъ трудно оторваться отъ современныхъ обстоятельствъ, отъ современныхъ требованій логики, христологическіе споры кажутся до нельзя запутанными, вращающимися въ безысходной и безполезной діалектикѣ. Какими способами берутся рѣшать по традиціямъ, что Богъ Сынъ является совершенно однороднымъ и одно-

великимъ Отцу, что Онъ не есть созданіе, какъ выражался Арій, какимъ образомъ, на основаніи какихъ твердыхъ критеріевъ возможно безусловно рѣшать, что два естества въ Іисусѣ Христѣ соединяются несліянно и нераздѣльно? Подобныя выраженія, какъ несліянно и нераздѣльно, направляютъ мысль на такія отношенія, которыя не возможны для логики и отъ пониманія которыхъ она должна отказаться. Между тѣмъ эти христологическіе споры занимаютъ все общество, ведутся съ крайнимъ ожесточеніемъ и напряженіемъ и занимаютъ важную роль въ жизни такихъ замѣчательныхъ людей, какъ, напримѣръ, Афанасій Александрійскій. Почему эти люди вложили столько глубины остроумія, можно прямо сказать - жизненной энергіи въ эти споры? Вслѣдствіе этого къ нимъ нельзя не присмотрѣться ближе. Не трудно показать, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ общими противоположностями міровоззрѣнія, со стоящими другъ противъ друга взглядами на роль божества въ мірѣ. Это хорошо видно на болѣе простомъ примѣрѣ Арія. Отношеніе Арія къ подобнымъ вопросамъ, въ противоположность мистическому направленію его противниковъ, прежде всего раціоналистическое, требующее единства, складности и послѣдовательности всей системы. Такая послѣдовательная, раціональная система не допускаетъ, конечно, полнаго смѣшенія идеи божества и идеи человѣчества. Но кромѣ этого въ борьбѣ съ аріанствомъ, повторяющейся въ спорѣ объ естествахъ, есть еще одна сторона важная въ нравственномъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что стремленіе противниковъ Арія ввести

Христа, какъ равную ипостась, въ Троицу стоитъ въ связи со всѣмъ религіознымъ направленіемъ эпохи. Эпохѣ нуженъ былъ не столько Богъ-Создатель, Богъ-Промыслитель, сколько Богъ-Спаситель, Искупитель. Вотъ ради чего противники Арія и Несторія, добивались во что бы то ни стало, чтобы Богъ-Сынъ вошелъ бы несліянно въ Троичность. Они порываютъ съ тѣми понятіями, что божество непричастно или мало причастно къ жизни, страданіямъ людей. Жизнерадостные боги древнихъ грековъ стоятъ безконечно выше людей именно этой своей жизнерадостностью и блаженствомъ. Но съ теченіемъ времени, правда медленно, начинаетъ пробиваться мысль, что богамъ приходится выручать людей - и выручать своими собственными подвигами, своими страданіями. Съ другой стороны стоитъ еврейское, въ результатѣ своемъ строго монотеистическое пониманіе божества. Еврейскій Іегова руководитъ, правитъ народомъ, но онъ не годится въ спасители міра: онъ командуетъ, ведетъ свой народъ къ преобладанію, онъ не Богъ, пострадавшій на крестѣ. Этотъ символъ страданія на крестѣ, который сдѣлался символомъ всего христіанскаго міра подчеркиваетъ пессимистическое пониманіе земной жизни, но указываетъ и на выходъ - въ искупленіи людей Богомъ, принявшимъ страданіе.

Въ греческой философіи дошли до того же вывода о Богѣ, какъ Посредникѣ, путемъ анализа: приходится объяснять, какъ природа происходитъ изъ божества и промежуточной формой является Божественное слово, Божественный разумъ въ природѣ.

Этотъ разумъ, переходящій на природу, понимается сначала отвлеченно, а потомъ начинаетъ персонифицироваться.

Является попытка представить дѣятельность Бога, какъ личное общеніе Его съ міромъ. Этотъ переходъ совершается въ формѣ развитія ученія Платона о Божественномъ планѣ природы |Тимой| и ученія неоплатониковъ о духахъ, посредникахъ между Богомъ и природой. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше религіозно-нравственныя представленія, вытекающія изъ практическихъ потребностей общества, сливаются съ философіей. Съ одной стороны надо найти выходъ изъ тягостей жизни, которая подчасъ становится невыносимой, и потому рамки ея раздвигаются: человѣкъ ищетъ спасенія въ общеніи съ Богомъ, приближается къ Богу. Къ этому присоединяется практика, упражненіе (askesis), благодаря которой онъ получаетъ возможность достигнуть нравственнаго совершенства, которое и будетъ все болѣе и болѣе одухотворять его. Съ другой стороны, разсуждая о мірѣ, онъ стремится объяснить себѣ, какъ Божественное начало спустилось въ міръ. Объясненіе міра постепеннымъ истеченіемъ изъ божества, постояннымъ ослабленіемъ Божественнаго начала послужило началомъ пантеистической теоріи гностиковъ; но и въ признанномъ церковью направленіи замѣтна подобная же идея, хотя она и не такъ рѣзко выражена: Божественный планъ объясняетъ и предполагаетъ, что Богъ не только сотворилъ міръ, но и находится въ связи съ нимъ, при чемъ заботится о немъ не отвлеченно, а жертвуя самимъ собой. Такимъ образомъ, двоякое теченіе нравственное и философское является основой, ферментомъ богословскихъ споровъ. Результатомъ этого фермента является, такъ называемое, правосла-

вное, т.е. побѣдившее въ церкви вѣроученіе.

Переходя къ тому, какъ оно сформировалось въ своей совокупности, я укажу на нѣкоторыя черты, которыя проходятъ черезъ эту церковь и которыя отразились на многихъ отрицательныхъ и положительныхъ ея свойствахъ. Если вы обратитесь къ результатамъ споровъ и пересмотрите исторію еретическихъ направленій, то вы замѣтите, во первыхъ, что церковь все время старается прекратить крайнія стремленія, вооружается противъ убѣжденій, которыя могутъ довести ее до крайнихъ, радикальныхъ выводовъ. Она вооружается противъ монтанизма, противъ Арія, а во время спора объ естествахъ и противъ обѣихъ крайностей: монофизитовъ и несторіанъ. Всѣ крайнія точки зрѣнія, которыя съ точки зрѣнія логики имѣютъ даже преимущество, отвергаются. Съ точки зрѣнія чисто логической, принятое церковью ученіе является обыкновенно компромиссомъ, который иногда замѣтно грѣшитъ одновременнымъ признаніемъ началъ, взаимно исключающихъ другъ друга. Церковь не смущается логическими противорѣчіями, такъ какъ имѣетъ ключъ для ихъ разрѣшенія. Она освобождена отъ логическихъ противорѣчій м и с т и ч е с к о й точкой зрѣнія. То, что съ логической точки зрѣнія не имѣетъ смысла, легко объясняется съ точки зрѣнія мистической. Эта послѣдняя точка зрѣнія, совершенно выходящая изъ обычнаго мѣрила отношеній, предполагаетъ все относящееся къ области церкви устроить на таинственномъ пониманіи, недоступномъ обыкновеннымъ средствамъ познанія; она проходитъ черезъ всю церковь во всѣхъ ея отношеніяхъ. Эта мистическая точка зрѣнія важна не

только съ познавательной стороны, какъ противоположность чистой логикѣ: она является основой для пониманія всего строя церкви. Утверждаясь на ней, церковь представляетъ себя тѣломъ, которое получаетъ жизнь непосредственно отъ Бога, которое освобождено отъ обычныхъ временныхъ раздѣленій; къ ней принадлежатъ какъ мертвые, такъ и живые. Съ другой стороны, церковь можетъ дѣлиться тамъ, гдѣ въ обыкновенномъ человѣческомъ строѣ дѣленія нѣтъ. Среди нея выдѣляется и плотно организуется известное ядро - духовество. Духовенство представляетъ въ церкви дѣятельное начало, міряне, паства - начало пассивное. Духовенство производитъ таинства, сообщаетъ благодать, которая необходима для спасенія вѣрующихъ, и силу для такой дѣятельности духовенство почерпаетъ само изъ таинства - священства. Это выдѣленіе духовенства изъ общаго состава церкви, не осталось безъ вліянія на постановку религіозной жизни въ ея обыденной практикѣ: руководящіе круги готовы были сдѣлать многочисленныя уступки невѣжеству и суевѣрію паствы, лишь бы только сохранить для себя строго проведенные принципы и обезпечить себѣ вліяніе на общество.

Всякій знаетъ, что самые религіозные люди рѣдко могутъ держаться на отвлеченныхъ высотахъ. И имъ такъ или иначе приходится считаться въ религіи съ богослужебными обычными правилами и обыденными требованіями. Чѣмъ дальше религія углубляется въ народъ, тѣмъ больше становится значеніе безсознательныхъ привычекъ, механически совершаемыхъ обрядовъ. Скажу прямо къ какому общему выводу мы приходимъ въ этомъ отношеніи. Онъ за-

ключается въ томъ, что обычныя религіозныя правила, богослужебные обряды и молитвы являются въ результатѣ тѣснаго сліянія христіанскихъ идей и языческаго прошлаго, всѣ обряды котораго такъ или иначе реципируются черезъ народную религію и передѣлываются согласно христіанскимъ мнѣніямъ. Въ этомъ отношеніи приходится столкнуться съ могущественнѣйшимъ теченіемъ антропоморфизма, стремленія массы народонаселенія представить себѣ божество не какъ отвлеченную формулу, а какъ живую личность. Божество безжизненно, когда оно опредѣляется одними прилагательными: вездѣсущій, всемогущій и т.п.; въ широкихъ кругахъ общества является потребность воплотить эту формулу, воплотить возможно понятнѣе и живѣе. Изъ этого антропоморфическаго творчества вышли въ свое время политестическія религіи, которыя грѣшатъ главнымъ образомъ тѣмъ, что это творчество было обращено на подробности, разрушавшія сознаніе единства природы и Божества. Въ новой рецепціи народныхъ вѣрованій, которую совершаетъ христіанство, этого недостатка нѣтъ: христіанство заботится о томъ, чтобы вездѣ сохранились высшіе объединяющіе принципы, но оно заботится также и о томъ, чтобы народъ сохранилъ стародавнія условія своего общенія съ божествомъ, свои старыя культовыя формы. Чрезвычайное развитіе получаетъ культъ святыхъ, и при томъ въ формахъ, которыя являются сродными языческимъ. Сплошь и рядомъ легенды о святыхъ выростаютъ изъ почвы погибшихъ языческихъ культовъ. Языческій культъ рѣдко отвѣргается вполнѣ, да и не только философами и наиболѣе интеллигентными

людьми; обыкновенно же съ нимъ дѣлается одно изъ двухъ: народъ и средніе классы принимаютъ его какъ реальность и аттрибуты его переносятся или на святого или на демона |діавола|. Многое изъ прежнихъ культовъ становится достояніемъ демонологіи, многое передается народному почитанію святыхъ. Точно также и цѣлый рядъ отправленій жизни, всѣ ея отдѣльные акты освящаются язычествомъ. Обиходъ жизни, ея работъ, трудностей, обычаевъ, болѣзнь,роды, жатва, засуха, падежъ и приплодъ скота - всѣ эти акты, которые издавна совершались подъ охраной языческихъ боговъ, продолжаютъ совершаться подъ охраной христіанскихъ святыхъ.

Это противорѣчіе иногда проходитъ въ сознаніе людей, и наиболѣе образованные и послѣдовательные люди протестуютъ противъ него. Въ 4-мъ вѣкѣ выступаютъ Вигиланцій и Іовиніанъ, которые подобно Лютеру, упрекаютъ церковь въ потворствѣ язычеству. Противъ нихъ выступаетъ блаженный Іеронимъ, который доказываетъ, что церковь должна сообразоваться съ бытомъ народа и что, принимая подъ свое покровительство обряды и даже извѣстные культы,она нисколько не отступаетъ отъ своихъ задачъ. Все дѣло въ смыслѣ и связи. Благодаря такой политикѣ церковь получаетъ возможность захватить въ свое лоно массу людей, которые дѣлаются христіанами, не переставая быть язычниками.

Мы познакомились съ двумя теченіями въ церковной жизни, оказавшими громадное вліяніе на общественное положеніе церкви. Л.IO.

Съ одной стороны намъ пришлось отмѣтить развитіе крайне напряженной, аскетической религіозности, приводящей къ образованію среди церкви монашества, съ другой, тотъ фактъ, что вся обыденная жизнь христіанской церкви была проникнута языческими традиціями: богослуженіе, крестные ходы, кажденіе, свѣчи - все это перешло отъ обычаевъ, которые употреблялись еще въ языческой церкви. На праздники: Рождество, Богоявленіе были перенесены обряды, взятые изъ культа боговъ; наслѣдіе боговъ отчасти было перенесено къ святымъ, отчасти было объявлено достояніемъ демона. Сама іерархія поддерживаетъ мнѣніе, что не слѣдуетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ разрывать съ прошлымъ, что слѣдуетъ воспринять наслѣдіе этого прошедшаго, освятивъ его. Это общее теченіе имѣло своимъ послѣдствіемъ то обстоятельство, что, когда первые дни религіознаго энтузіазма прошли, и порывъ, вызвавшій обращеніе, энергію и силу въ борьбѣ съ гоненіями, остылъ, обычное благочестіе общества, обычная религіозная практика вновь, какъ и въ языческое время, обратилась на отправленіе цѣлаго ряда правилъ и мелкихъ обязанностей. Этими правилами была обставлена вся жизнь въ ея календарномъ обиходѣ и чѣмъ человѣкъ былъ вѣрнѣе къ исполненію этихъ правилъ, тѣмъ онъ въ то же время заслуживалъ одобреніе своихъ духовныхъ руководителей.

Эти послѣдствія, которыя являются результатомъ своего рода двоевѣрія, компромисса христіанскихъ и языческихъ тенденцій, съ все болѣе и болѣе распространявшимся въ лучшихъ кругахъ церкви убѣжденіемъ, что церковь, какъ духовество является лучшимъ строемъ, изолированнымъ отъ мі-

ра, призваннымъ руководить всей массой, такъ сказать, Христова стада, и не только учить, но и спасать мірянъ. Это пастыри, а передъ ними овцы, которыхъ они пасутъ; они отвѣчаютъ за нихъ - имъ активное, тѣмъ пассивное.

Замѣтьте, что то и другое теченіе, несомнѣнно, должны были, смѣшиваясь, поддерживать другъ друга, потому что, если проникновеніе церкви языческой тенденціей признавалось уступкой малодушнымъ, слабымъ, то съ другой стороны, внутри церкви происходила дифференціація на два разряда: на людей вполнѣ стоящихъ на высотѣ задачи христіанства и на людей, которые сами не видятъ, сами не могутъ ни къ чему придти и которымъ нужно указывать истинный путь. И вотъ въ результатѣ, уже въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми общими началами въ общественной жизни церкви; все болѣе и болѣе вырабатываются взгляды на благочестіе мірянъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ добрыхъ дѣлъ, взгляды, съ которыми мы все время будемъ встрѣчаться въ средніе вѣка. Вы знаете, какую остроту принимаетъ этотъ вопросъ во время реформаціи и какъ горько первые реформаторы обвиняли церковь въ томъ, что она обратила христіанство въ лавочку, въ которой можно пріобрѣсти освобожденіе отъ духовныхъ обязанностей, которыя каждый, собственно говоря, долженъ перестрадать и перенести самъ. Этотъ взрывъ протестантизма, этотъ выходъ реформаціи на борьбу подготовленъ

Исторія Среднихъ Вѣковъ. Лекціи Проф. Виноградова.
Лит. Фельтманъ. Невскій № 122. Листъ 7.
Директоръ Курсовъ

средневѣковою церковью. Въ данномъ случаѣ церковныя указанія и поученія прежде всего гласятъ, что пусть жертвуютъ церкви, пусть совершаютъ извѣстныя молебствія, пусть ставятъ свѣчи съ искренней вѣрой, то есть пусть основной обиходъ вѣрующихъ сводится главнымъ образомъ на эти обязанности. Это быстрое распространеніе грубаго обряда благочестія находилось въ связи съ представленіемъ о добрыхъ дѣлахъ, какъ объ отдѣльныхъ поступкахъ, не исходящихъ отъ самаго сердца; этотъ взглядъ и эта практика начинаютъ широко вырабатываться въ первые вѣка. Уже въ это время мы встрѣчаемся съ разсказами о людяхъ, которые, будучи великими негодяями, въ то же самое время умѣютъ стать подъ защиту церкви, давая ей жертвы, и сохраняя все таки свое злое сердце. Это теченіе, конечно, является фактомъ, съ которымъ приходится считаться при оцѣнкѣ соціальной роли церкви.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО: 2| СОЦІАЛЬНОЕ ВЛІЯНІЕ ЦЕРКВИ.

Теперь, заручившись основными взглядами на то, какъ понимались вѣроисповѣдные споры, какія обязанности налагала церковь на паству, мы можемъ обратиться къ послѣдней части нашей задачи, къ вопросу о томъ, какъ церковь организовала и обставила себя въ качествѣ соціальнаго, не государственнаго, а именно соціальнаго учрежденія. Въ этомъ отношеніи опять-таки то, что за-

ключено въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ является основнымъ для средневѣковой практики. Мы встрѣчаемся тутъ съ однимъ основнымъ положеніемъ: все общество признаетъ, что церковь того времени - самая могущественная, самая идеально сильная корпорація эпохи. Для всѣхъ ясно чувствуется, что она живетъ не однимъ принужденіемъ. Государство, вооруженное своими легіонами, располагающее массой чиновниковъ, вездѣ встрѣчается съ коснымъ сопротивленіемъ, отвращеніемъ отъ исполненія его элементарныхъ требованій. Церковь, напротивъ, имѣетъ за себя людей, руководитъ ими въ силу ихъ собственнаго подчиненія. Эта идеальная сила чувствуется во всемъ обществѣ. Понятно, что если есть такая противоположность мертвеннаго государства и все возрастающей въ своей силѣ церкви, то общественныя силы сами потекутъ къ этой жизненной корпораціи. И мы дѣйствительно видимъ, что всѣ, кому трудно въ общественной борьбѣ, ищутъ убѣжища въ церкви, и она по своему отвѣчаетъ на различные запросы.

Прежде всего приходится обратить вниманіе на то, что она не отстраняетъ отъ себя очень опаснаго положенія, въ которое ставитъ ее это предпочтеніе. Къ ней идутъ люди, пострадавшіе отъ властей, отъ притѣсненій,- люди, которые не могутъ мириться съ деспотичностью государственной власти. Церковь въ это время еще смѣло становится на ихъ сторону, на ихъ защиту. Въ этомъ отношеніи она не положила оружія передъ государствомъ, ея политическія соображенія и

убѣжденія не заставляютъ ее отказаться отъ защиты притѣсненныхъ. Это выражается въ цѣломъ рядѣ вмѣшательствъ крупныхъ представителей іерархіи и монаховъ въ положеніе отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ и, наконецъ, находитъ себѣ выраженіе, что имѣетъ особую цѣну въ цѣломъ учрежденіи. На это учрежденіе, служащее прямымъ и фактическимъ доказательствомъ того, что мы имѣемъ дѣло съ важной тенденціей, я и обращу теперь ваше вниманіе. Однимъ изъ главныхъ условій, затрудняющихъ правильность теченія въ римской имперіи, была смѣсь личнаго произвола властей съ тѣми правами, которыя давалъ законъ. Законы были строги, но все же это были законы, и въ этомъ отношеніи съ ними можно помириться. Но тѣ, которые исполняли законы, были не только жестоки и чрезвычайно суровы, но пользовались правомъ исполнять законы, чтобы пускать въ ходъ произволъ. Для того, чтобы оградить отъ этого произвола, церковь въ случаѣ уголовнаго или полицейскаго преслѣдованія открывала лицамъ, подвергавшимся опасности, двери своего храма и давала имъ тамъ убѣжище. Посмотримъ на это съ точки зрѣнія современнаго положенія дѣлъ. Представьте, что тотъ, кого намѣрены схватить и арестовать, убѣжитъ въ церковь и будетъ требовать тамъ себѣ защиты. Конечно, такое положеніе не мирится съ представленіемъ объ единствѣ власти. Только государство можетъ гарантировать свободу и лишать ея. Въ данномъ случаѣ, однако, благодаря тому, что это былъ важный общественный вопросъ, власть становилась на сторону церкви,

торговалась и, такъ сказать, договаривалась объ условіи выдачи преступниковъ; начинало вырабатываться ПРАВО УБѢЖИЩА. Сплошь и рядомъ кончалось тѣмъ, что бѣжавшаго выдавали; ему приходилось выйти, подчиниться власти, но епископы выговаривали, на какихъ условіяхъ онъ выйдетъ, какой формѣ заключенія онъ будетъ подвергнутъ; а иногда добивались даже того, что его совершенно прощали. Намъ съ точки зрѣнія нашихъ понятій трудно представить себѣ образованіе этихъ убѣжищъ въ церкви, въ которыхъ сила, не подвергающаяся никакому сомнѣнію, заступалась за бѣжавшихъ. Это прямое выраженіе того, что церковь начала получать особое положеніе въ уголовномъ и полицейскомъ правѣ. Она, конечно, могла угрожать божественнымъ гнѣвомъ: въ то время это было страшной угрозой, и ея боялись.

2) Второе обстоятельство, которое рисуютъ намъ авторы исторіи церкви и которое привело къ замѣчательнымъ послѣдствіямъ - это общее довѣріе, которое ей оказываютъ въ случаѣ гражданскихъ споровъ. Съ точки зрѣнія гражданской все стоитъ незыблемо и твердо. Есть рядъ государственныхъ судовъ, которые руководятся опредѣленными процессуальными правилами и располагаютъ однимъ изъ лучшихъ, извѣстныхъ когда-либо, гражданскихъ правъ. Но именно тутъ для церкви и открывается возможность привести дѣла къ своему суду, къ суду епископа. Во множествѣ случаевъ вмѣсто того, чтобы подавать въ судъ исковое прошеніе, подаютъ его епископу и просятъ его разобрать дѣло. Епи-

скопъ вмѣшивается первоначально на началахъ третейскаго посредничества, какъ человѣкъ, который хочетъ устроить миръ между спорящими сторонами. Спорящіе приходятъ къ соглашенію на основаніи рѣшенія третьяго - безпристрастнаго. Но третейское посредничество, которое въ Римѣ для частныхъ людей было трудно и которое теперь является такимъ рѣдкимъ, въ церковныхъ судахъ стало обычнымъ дѣломъ и туда потекла масса гражданскихъ дѣлъ. Почему? Лучше ли были юристы церковные, чѣмъ гражданскіе? Нѣтъ. Гражданскіе практики въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ были на высотѣ своего положенія и дѣла рѣшались опытными, знающими свое дѣло юристами. Почему же шли въ церковь? Потому во-первыхъ, что вѣрили въ неподкупность и нравственный авторитетъ представителей церкви, а во-вторыхъ, потому, что епископъ въ своемъ судѣ рѣшалъ дѣла не на основаніи техническихъ правилъ, такъ какъ онъ не былъ юристомъ по профессіи, а руководствовался главнымъ образомъ соображеніями общей справедливости и гуманности; и эти соображенія, оказывалось, перевѣшивали всѣ техническія преимущества гражданскаго суда.

Третья сфера, въ которой дѣйствуетъ церковь, это сфера благотворительности. Вопросъ о благотворительности является у насъ въ настоящее время въ своихъ своеобразныхъ проявленіяхъ съ такою настоятельностью, что мы хорошо уже знаемъ, какъ велика эта дѣятельность. Въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ, въ эпоху страшно тяжелаго государственнаго положенія, вопросы общественнаго

призрѣнія и благотворительности, были вопросами чуть не самыми важными, потому что разорялись не отдѣльныя лица, но все общество жило въ постоянномъ страхѣ разорѣнія; и всетаки государство и общество не хотятъ и не могутъ помочь: не могутъ потому, что главное вниманіе они обращаютъ на изысканіе финансовыхъ средствъ, а не хотятъ потому, что они спеціализировались на своихъ чисто внѣшнихъ принудительныхъ средствахъ. И вотъ въ это время, какъ громадное благотворительное учрежденіе, развивается церковь, которая считается со всѣми вопросами благотворительности, какіе только она встрѣчаетъ. Она выпускаетъ взятыхъ варварами плѣнныхъ, собираетъ для этого деньги, устраиваетъ общіе сборы; она оказываетъ заботы тѣмъ, кто взятъ римскими войсками въ плѣнъ; заботится о больныхъ, о странникахъ, устраивая такъ называемыя ксенодохіи; заботится о сирыхъ и безпріютныхъ. Она является со своими столовыми во время голодовки, а въ случаѣ хозяйственнаго кризиса оказываетъ помощь въ народномъ бѣдствіи. Однимъ словомъ, тутъ является чрезвычайно обширная дѣятельность церкви, обращающейся къ обществу съ требованьемъ любви и милосердія къ ближнимъ. Въ этомъ отношеніи церковь снискала себѣ въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ большое уваженіе.

Но остается спросить, проводила ли церковь какіенибудь опредѣленныя правила по вопросу о соціальномъ строѣ, мирилась ли она съ основами этого соціальнаго строя въ томъ видѣ, какъ онъ образовался въ древности или нѣтъ? Дѣлала ли она попытки реформировать этотъ строй?

Вы знаете, какія были главныя черты общественнаго строя того времени, какъ строй былъ основанъ на цѣломъ рядѣ сословныхъ противоположностей и какъ въ основѣ его лежало рабство. Отношеніе церкви къ рабству, къ тѣмъ сторонамъ строя, которыя представляютъ эксплуатацію рабовъ, крайне характерно. Оно двойственно: съ одной стороны, въ церкви никогда не было недостатка въ людяхъ, которые, подобно Іоанну Златоусту, признавали весь соціальный строй результатомъ условности, которые видѣли въ этихъ искусственныхъ проявленіяхъ эксплуатаціи и принужденія результатъ основной болѣзни общества и объясняли всю эту неестественную сѣть тѣмъ, что общественный строй основанъ на силѣ, на принужденіи. Они полагали, что этотъ строй надо передѣлать и что передѣлать этотъ строй можетъ только церковь и религія. Но съ другой стороны идетъ другая тенденція, которая не рѣшается поднять острое оружіе церковнаго краснорѣчія, церковнаго проклятія противъ такихъ глубокихъ основъ древняго міра, какъ рабство, въ которой, наконецъ, дѣйствуетъ расчетъ людей, являющихся также должниками. Эти оппортунисты и политики связали руки радикаламъ церкви, и получилось положеніе, которое собственно признавало всѣ сословія, но которое старалось, однако, смягчить ихъ; все-таки евангельская проповѣдь нѣтъ-нѣтъ, да и вскажетъ мысль, что съ нѣкоторыми сторонами жизни какъ-то нехорошо мириться. Это какъ разъ особенно рѣзко видно на положеніи рабовъ. Церковь не уничтожала рабства общественнымъ постановле-

ніемъ, которое провозглашало бы свободу рабовъ, но въ постановленіяхъ помѣстныхъ соборовъ, занимавшихся общественными дѣлами, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ правилъ, имѣющихъ цѣлью такъ или иначе смягчить условія рабскаго труда. Настаиваютъ на томъ, что не слѣдуетъ безпощадно эксплуатировать ихъ, не слѣдуетъ разстраивать рабскія семьи, не слѣдуетъ смотрѣть на раба, какъ на предметъ купли или продажи, гдѣ мужа продаютъ направо, а жену налѣво. Является попытка установленія не рабочаго дня - объ этомъ тогда не говорили,- а рабочей недѣли. Дѣлаются постановленія, чтобы рабъ три дня работалъ на господина, а остальное время, если онъ находится на оброкѣ, могъ работать на себя. Такимъ образомъ, является рядъ попытокъ фактически улучшить положеніе рабовъ. Но главное то, что здѣсь проходитъ одна чрезвычайно важная тенденція - тотъ взглядъ, что въ отношеніи къ церкви, таинствамъ, къ Христу нѣтъ разницы между свободными и рабами; признается, что свободный можетъ погибнуть, а рабъ спастись, и эта основная точка зрѣнія приводитъ къ тому, что церковь при составленіи завѣщаній, которыя находились подъ ея вліяніемъ, старается содѣйствовать отпуску рабовъ на волю. Рабы отпускаются на волю десятками и сотнями; въ этомъ случаѣ церковь, такъ сказать, платитъ дань своимъ основнымъ положеніямъ. Не смотря на то, что церковь на практикѣ не высказывается рѣшительно за отмѣну рабства и приходитъ только къ компромиссамъ - съ этимъ общимъ признаніемъ человѣческаго душевнаго равенства между рабами и свободными все-таки

приходится считаться: оно имѣло большое значеніе при фактѣ паденія рабства.

Въ заключеніе этой общей характеристики церковнаго порядка въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ, я еще разъ обращу ваше вниманіе на основную противоположность между церковью и государствомъ. Не смотря на то, что церковь и государство при Константинѣ какъ будто помирились, подали другъ другу руку и до нѣкоторой степени повліяли другъ на друга - противоположность эта чрезвычайно рѣзка и необыкновенно поучительна. Императоры гнали церковь, назвали христіанъ врагами и по своему были правы, если разумѣть только римское государство и древнее человѣчество. Церковь, дѣйствительно, была врагомъ государства, потому что оттягивала къ себѣ всѣ живыя силы общества. Государство мало-по-малу слабѣло и умирало и въ данную минуту мы присутствуемъ при процессѣ, который можно назвать упадкомъ Рима въ гражданскомъ отношеніи и возвышеніемъ въ церковномъ. Эта противоположность очень любопытна потому, что она приводитъ насъ къ критикѣ одного очень распространеннаго взгляда, будто мы имѣемъ здѣсь дѣло съ паденіемъ общества. Нѣтъ, мы имѣемъ дѣло не съ паденіемъ общества, а съ паденіемъ римскаго государства: поскольку мы встрѣчаемъ здѣсь для государства черты вырожденія, постольку для церкви начинается новая жизнь. Съ этой стороны и происходитъ раздѣленіе средней и древней исторіи. Съ данной точки зрѣнія для пониманія общей эволюціи приходится оцѣнивать одно основное положеніе: всякое ученіе объ эволю-

ціи общественной единицы должно считаться не съ какимъ либо однимъ положеніемъ, не съ одной формой соединенія, а со всею совокупностью формъ, которая наблюдается въ данномъ обществѣ. Если такъ разсматривать наши наблюденія, то то, что слыветъ въ обществѣ эпохой упадка,- оказывается эпохой возрожденія, эпохой новыхъ вліяній, новаго движенія, и въ данномъ случаѣ мы несомнѣнно отвергаемъ обыкновенную классификацію на исторію древнюю, которая оканчивается паденіемъ римской имперіи и начинается изображеніемъ варварскихъ племенъ. Должно принять во вниманіе, что римское общество было двойственно и что въ одномъ отношеніи оно не только не умирало, но только что начинало жить.

3| ЖИЗНЬ ОТДѢЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. Мы познакомились съ главными общественными группами римской имперіи четвертаго и пятаго вѣковъ, съ тѣми основаніями, на которыхъ стояло государство съ одной стороны, церковь - съ другой, съ тѣми отношеніями, которыя установились между этими двумя направляющими силами. Теперь намъ предстоитъ поставить самостоятельно еще одинъ вопросъ, съ которымъ часто мы встрѣчались и ранѣе и для отвѣта на который у насъ уже собранъ отчасти матеріалъ. Это вопросъ объ общемъ міросозерцаніи этого времени, о томъ, къ чему сводились главныя основы внутренняго міра человѣка, и какія цѣли ставила себѣ дѣятельность отдѣльнаго человѣка, какъ члена общества.

Несмотря на то, что многое въ этомъ отношеніи было затронуто ранѣе, желательно было бы остановиться на этомъ вопросѣ и попробовать характеризовать основные взгляды. Безъ всякаго сомнѣнія оттѣнковъ отношеній къ міру, къ обществу, въ это время было много, но общее настроеніе въ значительной степени было объединеннымъ, потому что матеріальныя и нравственныя условія, въ которыхъ приходилось жить, были настолько ясны, обозначались такими крупными, яркими чертами, что рѣзкаго различія на два противоположныхъ лагеря въ то время не было. Если мы возьмемъ писаніе передовыхъ людей того времени, то повсюду найдемъ одни и тѣ же мотивы, одни и тѣ же настроенія. Вопросъ только заключается въ томъ, что у однихъ эти взгляды болѣе разрѣжались, у другихъ передавались въ болѣе цѣльной сплошной формѣ.

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИНЪ. Для простоты и ясности характеристики намъ лучше всего остановиться на міровыхъ общественныхъ взглядахъ, выраженныхъ въ крупныхъ работахъ одного изъ крупнѣйшихъ мыслителей всѣхъ временъ. Я разумѣю Блаженнаго Августина. То, что Блаженный Августинъ выразилъ въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ "Исповѣди", "О градѣ Божіемъ", "Отреченіе"- находится мѣстами у другихъ писателей того времени; все это является у него только въ болѣе законченной формѣ. Для того, чтобы оцѣнить это, такъ сказать, кафолическое значеніе Блаженнаго Августина, смыслъ его, какъ выразителя стремленій, сказнвающихся въ различныхъ кругахъ

общества, надо вспомнить самые основные факты его біографіи.

Это былъ человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ центральный, который родился и сложился не въ какомъ либо одномъ соединеніи, или, такъ сказать, сосредоточеніи, а который прошелъ черезъ цѣлый рядъ общественныхъ оттѣнковъ того времени. Уже въ самой его семьѣ выражается разность направленій, которая является однимъ изъ элементовъ его натуры. Мать его была искренняя, ревностная христіанка; отецъ - язычникъ, крестившійся только передъ самою смертью. Затѣмъ его біографія показываетъ, что этотъ пытливый, самостоятельный, всегда искренній человѣкъ, проходилъ черезъ цѣлый рядъ школъ того времени, собственно говоря, прошелъ черезъ всѣ главныя школы. Онъ былъ намѣченъ отцомъ на положеніе ученаго, литератора; онъ долженъ былъ быть риторомъ, учителемъ краснорѣчія, учителемъ діалектики и первое время, предавался этой свѣтской наукѣ съ увлеченіемъ. Онъ не былъ монахомъ, съ самаго начала ушедшимъ въ пустыню, не знающимъ ничего кромѣ монастыря; наоборотъ, онъ прежде всего искалъ выхода въ свѣтской жизни и наукѣ. Онъ изучаетъ латинскихъ ораторовъ съ полною любовью къ дѣлу, съ желаніемъ вложить въ него душу, и въ то же самое время является выдающимся преподавателемъ и выдающимся мыслителемъ. Какъ мыслитель онъ подыскиваетъ себѣ основы то въ одномъ, то въ другомъ теченіи мысли не потому, чтобы онъ былъ человѣкомъ разсѣяннымъ, легкомысленнымъ, а потому, что онъ

былъ человѣкомъ глубокимъ, который не могъ остановиться на какомъ либо рѣшеніи, пока оно не удовлетворяло вполнѣ его пытливой мысли. Прежде всего, въ соотвѣтствіе съ бурной молодостью, съ той внутренней борьбой, между страстью и разумомъ, которую ему пришлось пережить, онъ бросается въ дуализмъ и является ревностнымъ представителемъ восточнаго манихейства, съ его понятіемъ борьбы зла и добра, съ его мистическимъ настроеніемъ. Но эта сторона дѣла очень скоро перестаетъ его удовлетворять. Онъ старается пробиться къ болѣе яснымъ результатамъ и отступаетъ отъ манихейства въ греческую философію, въ "неоплатонизмъ". Неоплатонизмъ привлекаетъ его тѣмъ, что съ одной стороны въ немъ еще хранятся завѣты классической философіи, что онъ тѣсно связанъ съ идеей "платонизма"- съ другой потому, что онъ давалъ богатую пищу для чувственнаго пониманія міра и попытокъ въ религіозной формѣ воплотить то, что философія Платона давала въ отвлеченной формѣ. Пониманіе "неоплатонизма" придавало большое значеніе роли живыхъ посредствующихъ существъ между Богомъ и міромъ. Но опять и это является лишь временнымъ и онъ на короткое время проходитъ черезъ вліяніе скептическаго направленія. Академія, которая являлась представительницей этого направленія, считаетъ его одно время своимъ адептомъ. Перепробовавъ всевозможныя философскія колебанія, упражняя надъ ними всю свою сильную діалектику, онъ вездѣ находитъ положенія, которыя можно защищать и которыхъ нельзя не признавать, но нигдѣ не на-

ходитъ положеній, передъ которымъ падали бы всѣ остальныя. Съ этой точки зрѣнія онъ на нѣкоторое время дѣлается скептикомъ. Но скептицизмъ для такого человѣка невозможенъ. Онъ не можетъ примириться съ скептическими результатами, въ немъ дѣйствуетъ не только умъ, онъ желаетъ жить, понять жизнь, и поэтому стремится къ какому-нибудь окончательному и прочному рѣшенію. Вотъ это то время, которое занято послѣдней смѣной трехъ направленій, внѣшнимъ образомъ выражается въ его преподавательской дѣятельности, которую онъ закончилъ въ Миланѣ. Въ Миланѣ онъ начинаетъ подпадать вліянію чисто христіанскому. Здѣсь его привлекаетъ Амвросій Миланскій, который производитъ на него впечатлѣніе особою силою и практической свѣжестью своей натуры. Но окончательный толчекъ въ сторону религіознаго пониманія христіанства былъ данъ ему, о чемъ онъ самъ подробно разсказываетъ, не примѣромъ Миланской церкви, а вѣстями и разсказами о египетскомъ подвижничествѣ и монашеской жизни. Къ нему начинаютъ приходить вѣсти и легенды о подвижничествѣ Антонія, объ аскетахъ, отвергающихъ міръ и побѣдившихъ его тѣмъ, что они вышли изъ него, и этотъ-то типъ оказывается ему наиболѣе сроднымъ. Этотъ выходъ является естественнымъ продолженіемъ скептическаго настроенія; Блаженный Августинъ принимаетъ результаты этого направленія и остается съ полнымъ презрѣніемъ ко всему тому, что дѣлается въ мірѣ, что связано съ знаніемъ міра. Въ этомъ отношеніи его скептицизмъ только укрѣпляется отъ новаго монашескаго аскетическаго вѣянія:

къ міру дѣйствительно нужно относиться съ презрѣніемъ, съ скептицизмомъ. Въ этомъ отношеніи философы и скептики были правы, но они неправы въ томъ, что они на этомъ останавливаются. Этотъ скептицизмъ есть только начало; надо отвернуться отъ міра, отъ знанія и примкнуть со всею силою къ Творцу міра, искать Творца міра въ уединеніи. Вотъ на этомъ то и совершился внѣшній переломъ его карьеры и дѣятельности. Онъ бросилъ преподаваніе, перестал ходить въ школу и сначала удалился въ деревню около Милана, а потомъ покинул въ свою родную Африку. Въ то же время случилось событіе, которое глубоко потрясло его и быть можетъ также оказало на него въ этомъ отношеніи вліяніе,- это смерть матери.

Всѣ эти факты имѣютъ значеніе, потому что рисуютъ намъ то настроеніе, въ которомъ складывалась постепенно его склонность къ христіанству. Это было настроеніе отреченія отъ всего существующаго въ мірѣ, недовѣріе ко всему, что дѣлается въ немъ, скорбь въ своей личной жизни и стремленіе найти для нея новые источники въ сосредоточеніи на религіозныхъ вопросахъ. Подъ вліяніемъ этого настроенія Августинъ окончательно забросилъ свѣтскія занятія и былъ выдвинутъ на родинѣ, какъ іерархъ, хотя никогда не искалъ подобнаго положенія, никогда не интересовался имъ, не былъ представителемъ тѣхъ хозяйственныхъ и политическихъ стремленій, которыя къ тому времени развились въ церкви; силою вещей и силою своего характера онъ сразу занялся въ руководители церкви. Его выбрали въ священники, какъ тогда иногда выбирали: его выбрала паства въ церкви, пригласивъ его стать священни-

комъ. Затѣмъ вскорѣ послѣ этого ему пришлось сдѣлатся епископомъ, опять таки не ища этого; и въ своемъ епископскомъ положеніи въ Гиппонѣ ему пришлось пережить начало конца, время, когда варвары глубоко потрясали всѣ провинціи, и когда Римъ былъ взятъ Аларихомъ. Онъ умеръ, когда варвары проникли въ самую Африку, когда Гиппона была осаждена вандалами. Обо всѣхъ первыхъ годахъ своей жизни, о тѣхъ годахъ, которые предшествовали его обращенію, онъ самъ разсказываетъ въ своей "Исповѣди", которая имѣетъ мало произведеній равныхъ себѣ по силѣ выраженія, и которой интересовались такіе различные люди, какъ провозвѣстникъ гумманизма Петрарка, и какъ представитель просвѣтительной философіи - Руссо. Въ этой "Исповѣди", которую мѣстами всякому стоитъ прочесть, изображена вся сердечная исторія этого человѣка. Я укажу на то, какими требованіями рождается эта исторія христіанства въ душѣ Августина. Мало того, что онъ требуетъ отреченія отъ всѣхъ благъ: всѣ свои лучшія стремленія, все, чѣмъ когда то онъ жилъ и интересовался, онъ обозначаетъ, какъ увлеченіе и соблазнъ. Съ психологической прозорливостью, которая всегда отличаетъ его, съ нравственной чуткостью, также у него неотъемлемой, онъ указываетъ на три главныхъ источника всѣхъ своихъ заблужденій: гордость, сладострастіе, любопытство. Гордость эта не есть гордость только во внѣшнемъ, матері-

---

альномъ смыслѣ этого слова, не тщеславіе человѣка, который кичится своимъ положеніемъ, богатствомъ, именемъ. Гордость, какъ понимаетъ ее Августинъ,- это мнѣніе человѣка, что онъ стоитъ въ мірѣ на своихъ ногахъ. Отъ этого гордаго мнѣнія онъ отказывается: съ его точки зрѣнія каждый отдѣльный человѣкъ является, какъ бы былинкой на одеждѣ Божества; онъ всецѣло зависитъ отъ опредѣляющаго промысла; отъ гордости, самостоятельности совершенно отказывается Августинъ. Сладострастіе, отъ котораго онъ также отказывается, есть не только сладострастіе внѣшней чувственности, оно есть самая любовь къ красотѣ. Онъ прямо указываетъ, что человѣкъ не долженъ стремиться къ красотѣ, что красота не должна служить идеаломъ человѣка, потому что, когда онъ ищетъ въ поэзіи красоты образовъ, когда схватываетъ красоту въ словахъ,- онъ уже на вѣрной дорогѣ къ погибели. Надо отказаться отъ этого стремленія къ красотѣ. Любопытство, которое является третьимъ корнемъ погибели, это любознательность; онъ называетъ ее "*curiositas*". Здѣсь говорится не о стремленіи заглянуть туда, куда не слѣдуетъ, а о желаніи проникнуть въ тайны міра, въ науку, въ знаніе, однимъ словомъ въ то, что составляло одно изъ главныхъ стремленій его жизни.

Всѣ его стремленія находятъ теперь у него осужденіе опять таки съ той точки зрѣнія, что съ ними можно попасть на суетную дорогу. И вотъ этотъ человѣкъ, котораго никакъ нельзя заподозрить ни въ мракобѣсіи, ни въ предвзятомъ отношеніи къ древней культурѣ, мало-помалу вырабатываетъ себѣ эти строго-аскетическія тре-

бованія. Съ точки зрѣнія этого нравственнаго результата приходится судить и о его общественныхъ доктринахъ, которыя изложены въ его сочиненіи " *De civitate Dei* ". Это сочиненіе прямо переноситъ насъ въ дѣйствительную, исключительную обстановку того времени, когда всѣ были подъ впечатлѣніемъ взятія и разгрома Рима Аларихомъ, когда всѣ спорили и судили объ этомъ событіи и старались найти философскій, такъ сказать, его смыслъ. Язычники и люди, потерявшіе сильную вѣру, смущались, указывали на то, что до тѣхъ поръ, пока богамъ приносились жертвы, до тѣхъ поръ было хорошо: Римъ былъ побѣдителемъ, а теперь, когда вынесена статуя Побѣды - онъ падаетъ; они обращались къ представителямъ церкви съ вопросомъ, отчего Промыселъ Божій не даетъ Риму спасенія и отчего римляне побѣждали, когда ими руководила Фортуна.

Съ этого, дѣйствительно, труднаго для древности вопроса и начинаетъ Августинъ. Прежде всего онъ объясняетъ своимъ читателямъ, что бѣдствія, несчастія, кара и казнь могутъ быть различны, смотря по тому, къ какому духу, къ какому сердцу они обращаются. Бѣдствія въ одномъ случаѣ являются тяжелымъ наказаніемъ, казнью, когда падаютъ на человѣка неочистившагося: подобнымъ людямъ бѣдствія ниспосылаются, чтобы ихъ наказать. Римляне вполнѣ заслужили эти бѣдствія, потому что въ своей исторіи они предоставляютъ яркій примѣръ постояннаго упадка, постояннаго развращенія человѣчества. Для людей возродившихся

вѣрою, новыми взглядами тѣ же бѣдствія есть не наказаніе, а испытаніе, ниспосылаемое Богомъ, надъ которымъ человѣкъ можетъ возвыситься, которое онъ можетъ побороть; все дѣло въ томъ, какъ онъ внутренне принимаетъ эти бѣдствія. Если смотрѣть на нихъ, какъ на самое главное и послѣднее событіе жизни, то, конечно, кромѣ гибели и отвращенія увидать ничего нельзя. И вотъ, высказавши мысль, что бѣдствія не есть нѣчто объективное, что главныя силы въ субъективномъ къ нимъ отношеніи, онъ начинаетъ характеризовать исторію Рима, какъ цѣпь непрерывныхъ злодѣяній, какъ выраженіе постояннаго упадка. Сами римляне въ лицѣ своихъ лѣтописцевъ признали, что какъ только они стали могущественны и сильны, такъ стала падать ихъ древняя добродѣтель, явился всякаго рода развратъ: греческій, азіатскій, латинскій. Чѣмъ шире раздвигались ихъ владѣнія,- тѣмъ больше становился развратъ. Это - плоды, которые показываютъ, что древо было дурно, что оно было гнилое. И въ самомъ дѣлѣ - это было древо испорченное, если посмотрѣть на то, во что вѣрили древніе, такъ какъ главное для людей - это ихъ вѣра. Они слушались боговъ, которые по ихъ собственному описанію были злодѣями и прелюбодѣями; Поэтому и въ ихъ жизни были только злодѣянія и прелюбодѣйства. Правда, и въ римской исторіи Августинъ видитъ проблески другого начала. Онъ нисколько не закрываетъ глаза передъ отдѣльными подвигами, онъ высоко ставитъ древнюю "*virtus*", какъ подвигъ, давшій римлянамъ, именно благодаря этой способности,

вынести все ради отечества; эту "*virtus*" онъ выдвигаетъ впередъ. Но въ чемъ была основа "*virtus*"? Она коренилась именно въ желаніи могущества, въ чувствѣ, которое нельзя назвать абсолютно хорошимъ: изъ этого вытекаетъ то, что всѣ хотятъ одолѣть, борются другъ съ другомъ; по этому самому уступка, которую дѣлаетъ Августинъ въ этомъ случаѣ является слѣдствіемъ того, что подчиненіе личности цѣлому признается основою всякаго рода успѣха. Хотя самоотверженіе, которое обращено на службу такому дурному цѣлому, какъ Римъ, можетъ существовать, но оно имѣетъ результаты только на нѣсколько часовъ, дней, лѣтъ, вѣковъ.

Отсюда Августинъ переходитъ къ политическимъ противоположностямъ. Онъ дѣлаетъ различіе между двумя градами, двумя общинами: одна унижаетъ, другая безконечно возвышаетъ. Онъ различаетъ - градъ земной, земное государство и градъ небесный - царство Божіе. На этомъ различіи покоится и развивается вся его философія исторіи. Противоположность эта исконная, онъ ее возводитъ, собственно, къ сотворенію міра. Градъ Господенъ явился тогда, когда Богъ создалъ ангеловъ, градъ земной,- когда одинъ изъ ангеловъ отпалъ отъ Бога. Градъ Господенъ получаетъ свое освященіе, когда Господь создаетъ людей, градъ земной,- когда среди людей произошло грѣхопаденіе. Градъ земной поддерживается Каиномъ, градъ Господенъ - Авелемъ. Такимъ образомъ, начиная съ сотворенія міра, Августинъ не находитъ достаточно словъ, чтобы доказать и разъя-

снить, что все государственное устройство есть сущій разбой. Нельзя представить себѣ болѣе радикальнаго осужденія политики.

Въ результатѣ наблюденій Блаженнаго Августина надъ исторіей дѣйствительности и надъ жизнью своего государства получилась совершенно отрицательная характеристика. Въ жизни исторической, насколько она отражается въ смѣнѣ политическихъ явленій и связанной съ ними культуры, ему представляется не прогрессивное движеніе, не ростъ цивилизаціи, не улучшеніе условій, не улучшеніе внутренняго нравственнаго строя, а ухудшеніе, паденіе, регрессъ, развратъ. Земной градъ является для него безусловно градомъ дьявола и въ своемъ происхожденіи и въ своихъ плодахъ.

Кореннымъ вопросомъ для него является вопросъ объ отношеніяхъ между этимъ градомъ и градомъ небеснымъ: вопросъ о томъ, что представляетъ онъ для человѣка и что призванъ онъ совершить на землѣ и внѣ ея.

Безъ всякаго сомнѣнія, только убѣгая въ этотъ небесный градъ христіане, по мнѣнію Блаженнаго Августина, имѣютъ надежду на свое личное спасеніе и на спасеніе человѣческаго рода. Но чего они тамъ ищутъ? Ищутъ ли они въ небесномъ градѣ, въ его постепенномъ установленіи и ростѣ, началъ, которыя помогли бы исправить, перестроить градъ земной, подчинить условія гражданскія и политическія новымъ идеаламъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ освятить эти условія, направить ихъ къ лучшему прогрессу? Это было бы однимъ изъ возможныхъ выхо-

довъ изъ затрудненія, и если бы только мы нашли данныя для такого выхода, можно было бы сказать, что онъ является провозвѣстникомъ теократіи, потому что теократія складывается изъ двухъ понятій: царствовать долженъ Богъ, но царствовать онъ долженъ на землѣ. Царствіе, о которомъ здѣсь говорится, есть устройство историческихъ и политическихъ условій, а не просто переходъ къ отношеніямъ неземнымъ, неполитическимъ, негражданскимъ. Такимъ образомъ, если мы теперь поставимъ этотъ вопросъ относительно Блаженнаго Августина, то отвѣтъ, конечно, будетъ имѣть очень большое значеніе. Будетъ ли итти рѣчь о томъ, чтобы церковь реформировала государство и установила свое теократическое управленіе, или будетъ рѣчь о томъ, чтобы церковь приготовляла людей къ другому неземному обществу, враждовала съ государствомъ?

Суть дѣла заключается въ томъ, что Августинъ по своимъ основнымъ стремленіямъ и взглядамъ избираетъ второй выходъ. Онъ нигдѣ не примиряется съ земнымъ государствомъ, и не считаетъ ни желательнымъ, ни возможнымъ, чтобы небесное государство перестроило земное; его небесное государство, насколько оно выражено у него, постоянно враждуетъ съ земнымъ. Въ исторіи выразителемъ небеснаго государства былъ ничтожный еврейскій народъ, который именно для того и былъ постоянно управляемъ Промысломъ Божіимъ, чтобы показать, какое значеніе имѣетъ руководительство Божіе. Еврейскій народъ съ его первосвященниками, съ его религі-

ознымъ направленіемъ есть выразитель на землѣ небеснаго государства, выразитель временный, котораго замѣнила церковь христіанская, находящаяся въ полной противоположности съ римской имперіей, народъ которой былъ высшимъ завершителемъ земного государства. Еврейскій народъ и церковь христова посланы не для одолѣнія не для внѣшней побѣды, не для внѣшняго господства, а для борьбы; поэтому имъ и пришлось вынести гоненія отъ могущественной римской имперіи. Но вѣдь имперія съ церковью примирилась, имперія потребовала благословенія, освященія; въ этомъ благословенія ни церковь, ни Августинъ ей не отказываютъ. Но это было только временное соглашеніе на почвѣ тѣхъ отношеній которыя сами по себѣ существеннаго значенія не имѣютъ. Имперія всетаки остается для Августина чѣмъ то дурнымъ по своему происхожденію, обреченнымъ поэтому на паденіе. Онъ смотритъ на паденіе ея, именно какъ на кару справедливости. Это, конечно, важное условіе, важное отношеніе, потому что оно совершенно отнимаетъ почву въ предположеніи, что Августинъ - этотъ представитель имперскаго епископства, признаетъ возможность дѣйствовать примирительно съ имперіей. Онъ продолжаетъ считать ее языческой, хотя на престолѣ сидитъ христіанскій императоръ; да и въ будущемъ Августинъ нисколько не ожидаетъ того, что первосвященникъ сядетъ на престолѣ и будетъ управлять міромъ. Онъ ожидаетъ того, что церковь будетъ реагировать всей своей духовной силой противъ испорченности, противъ сѣмени антихриста, будетъ бороться противъ дурныхъ усло-

вій, пока не настанетъ второе пришествіе и не освободитъ ее отъ этого земного испытанія. Въ этомъ смыслѣ Августинъ не предполагаетъ теократіи; повторяю - это основной строй мыслей, по которому приходится судить объ Августинѣ и который чрезвычайно важенъ при его оцѣнкѣ по отношенію къ послѣдующимъ средневѣковымъ мыслителямъ.

Когда впослѣдствіи начало появляться представленіе о мистической роли германской имперіи и папства, то нельзя было просто воспроизводить мнѣнія Бл.Августина, ихъ слѣдовало воспринять значительно измѣненными. Мнѣнія Бл.Августина всецѣло исходятъ отъ эпохи, которая была эпохой отреченія и отчаянія во всѣхъ свѣтскихъ отношеніяхъ и которая держалась исключительно послѣдованія аскетизму.

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы эти гордые отрѣшившіеся люди отказывались отъ власти, отъ вмѣшательства. Они не могли лишить себя жизни, потому что эта жизнь дана имъ Богомъ; они должны были до тѣхъ поръ жить, питаться и признавать извѣстныя власти, пока не выручитъ ихъ смерть. Такъ дѣлалъ и самъ Августинъ. Но все это только временные компромиссы, которые ни на одну минуту не придавали нормальности существовавшимъ отношеніямъ и не подготовляли почвы для какой бы то ни было теократіи церкви на землѣ. Съ этой стороны и Августиномъ, и тѣми, кто думалъ, какъ онъ, внушалось презрѣніе къ міру и чрезвычайно гордое отношеніе ко всѣмъ представителямъ свѣтской власти. Въ этомъ гордомъ отношеніи къ свѣтской власти лежитъ и причина побѣды надъ нею. Церковь апеллируетъ отъ земного къ небесному, отъ императора къ Богу.

Такимъ образомъ сочиненіе Августина проводитъ идею контраста и непримиримой противоположности въ мірѣ и исторіи. Онъ проводитъ эту идею контраста и осужденія земной жизни и по отношенію къ себѣ. Прежде чѣмъ оставить эту замѣчательную книгу, которая является послѣднимъ крупнымъ идейнымъ сочиненіемъ древняго міра, я на одну минуту напомню вамъ, до какой степени эта книга и этотъ взглядъ чужды мнѣнію, проводимому въ лучшую пору античной исторіи. Противоположность эту можно иногда выразить эпиграмматически, подобравъ характерныя слова и выраженія полныя контраста. Вспомните, какъ Фукидидъ, словами якобы Перикла, стремится изобразить греческое "kalos kai agathos". Онъ говоритъ въ самомъ характерномъ мѣстѣ, что такой художникъ жизни долженъ любить красоту и мудрость /philosophumen kai philokalumen/ , а Августинъ говоритъ, что стремленіе къ красотѣ есть сладострастіе: „voluptas" , а стремленіе къ мудрости - любопытство: „coriositas". Затѣмъ возьмите общее настроеніе всѣхъ мыслителей, которые закончили въ своемъ развитіи эволюцію политической жизни: Аристотеля, болѣе стойкаго изслѣдователя, подводящаго итоги дѣйствительности, и Платона, порывистаго идеалиста, подсказывающаго жизни идеалъ и выходъ изъ тяжелаго положенія. Одинъ въ своемъ опредѣленіи государства и его значенія говоритъ, что государство есть высшая этическая сила, что въ мірѣ только благодаря политикѣ можетъ сложиться этика, что люди становятся общительными и гуманными только живя въ обществѣ. Для Августина государство есть величайшій разбой (latrocinium) Платонъ, который былъ недоволенъ

греческимъ государствомъ своего времени, мечтаетъ объ утопіи. Все таки, къ чему сводится эта утопія? къ тому, чтобы людьми управляли мудрецы. Для Августина это пустяки, потому что мудрецы - люди; они ничего не знаютъ и ничего не могутъ знать; истина дается людямъ Промысломъ и Откровеніемъ. Такимъ образомъ въ этотъ моментъ является въ рѣзкомъ контрастѣ точка зрѣнія, съ которой начинается развитіе среднихъ вѣковъ и надъ которой средніе вѣка мало-по-малу одерживаютъ побѣду. Теперь, оканчивая характеристику древняго міра, намъ остается коснуться еще одного вопроса, отвѣтъ на который уже не лежитъ ни въ какомъ отдѣльномъ сочиненіи, а имѣетъ въ виду всю совокупность жизни. Это вопросъ о томъ, что представляютъ изъ себя въ это время, такъ сказать, низы образованности.

4. ОБРАЗОВАННОСТЬ ОБЩЕСТВА.

Всякая эпоха въ ея гражданской характеристикѣ можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ. Важно знать, какъ смотрѣли на дѣла, что думали, что представляли изъ себя лучшіе люди; но важно также знать, въ чемъ заключается и образованіе массы. Образованность массы не можетъ быть выражена отвлеченной философской формулой: она представляетъ изъ себя смѣшеніе практическихъ условій и теоретическихъ началъ. Если мы поставимъ этотъ вопросъ объ общей образованности массы 4 и 5 вв., то первое, что придется сказать, первое, на что придется обратить вниманіе - это на общее направленіе общества. Наблюдая надъ образованіемъ массы, мы наталкиваемся на одно изъ капитальныхъ условій, заключающееся въ томъ, что римская имперія

перемолола, переработала племена, которыя имѣли въ древнемъ обществѣ національную самостоятельность и свои культы. Имперія покончила со всѣми распрями, все подчинила одной власти и устроила съ нѣкоторымъ однообразіемъ одну общую среднюю культуру для всѣхъ племенъ: въ этомъ вѣдь и заключалась ея основная задача. Правда, этого однообразія преувеличивать не слѣдуетъ, потому что на почвѣ имперіи приходится считаться, по крайней мѣрѣ, съ двумя главными направленіями культуры - романизмомъ и эллинизмомъ. Впрочемъ, романизмъ и эллинизмъ были родные братья.

РОМАНИЗАЦІЯ. Что же такое представляетъ романизація? На это слѣдуетъ обратить вниманіе, потому что намъ придется имѣть дѣло съ западными романскими народами и встрѣчаться съ вопросами о наслѣдіяхъ римской имперіи, да и не только о наслѣдіяхъ, но и о практическихъ отношеніяхъ. Что же представляетъ изъ себя романизація племенъ и какъ широко хватаетъ эта романизація? Конечно, она проходитъ не всегда съ равной силой. Мы знаемъ, что такія страны, какъ Галлія и Испанія до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о своей глубокой романизаціи. Національные языки были забыты или совершенно измѣнились: иберское и кельтское нарѣчіе остались только кличками въ какой нибудь Гасконіи или дальней Бретани; въ общемъ народъ значительно, глубоко перемѣнился, если не въ своемъ составѣ, то въ своихъ взглядахъ и понятіяхъ. Швейцарія, не смотря на приливъ народовъ нѣмецкаго происхожденія, также глубоко романизована - это старая Ретія, народонаселеніе которой и теперь еще гово-

рить мѣстами на "ладинскомъ нарѣчіи", на нѣсколько измѣненной *lingua vulgaris*, грубой по своему лексикону и грамматическому строю. Въ Норикумѣ |Тироль| часто являются отпрыски этого "ладинскаго" нарѣчія. Въ рейнской Германіи, въ дунайскихъ провинціяхъ замѣчаются слѣды сильной романизаціи не въ языкѣ, но въ цѣломъ рядѣ учрежденій городского строя и сельскихъ порядковъ: замѣчаются слѣды этой романизаціи и въ культурѣ и въ идеяхъ. Рѣзкимъ примѣромъ того, какъ сильна была имперія въ своей романизаціи, является одна изъ дунайскихъ провинцій - Румынія: она говорила на романскомъ нарѣчіи, хотя въ племенномъ отношеніи состояла изъ народовъ славянскаго и германскаго происхожденія. Это, повторяю, примѣръ очень замѣчательный, на который я буду ссылаться для характеристики романизаціи провинцій.

Остановимся на другой провинціи, болѣе далекой сравнительно съ этими сильно романизованнными мѣстностями. Посмотримъ, какъ глубоко шла романизація въ Африкѣ, которая подверглась въ свое время передѣлавшему ее мусульманскому нашествію. Въ 3, 4 и 5 вв., даже при вандалахъ, Африка была не менѣе романизована, чѣмъ Галлія, и только на границахъ пустыни начинается опять туземное варварство, туземная жизнь. Гораздо слабѣе была романизована Британія. Римскій языкъ былъ распространенъ лишь на южномъ берегу, потому что на сѣверномъ слѣдовъ его не оказывается. Въ Уэльсѣ, который никогда не былъ завоеванъ германскими племенами, сохранившіяся кельтскія нарѣчія свидѣтельствуютъ о томъ, что кельты не были сильно романизованы, хотя гражданское и хозяйственное измѣненіе

проходило. Такимъ образомъ можно отмѣтить различные оттѣнки, различныя степени романизаціи.

Присмотримся теперь къ элементамъ, проводившимъ романизацію, и прежде всего къ тому изъ нихъ, который производилъ довольно глубокія измѣненія, это элементъ военный. Значеніе военнаго элемента въ данномъ случаѣ было громадное. Тутъ важны не завоеванія, а то обстоятельство, что римскій военный лагерь, римскія военныя границы становились центральнымъ органомъ для окрестныхъ племенъ. Римскій лагерь, особенно въ послѣднее время, представляетъ изъ себя смѣшеніе всякаго рода племенъ. Но во 2 и 3 вв. всѣ эти варварскія племена научаются говорить полатыни. Разумѣется, они говорятъ неправильно, не умѣютъ справиться съ грамматическими и синтаксическими требованіями, вмѣшиваютъ массу своихъ словъ, но все таки вырабатывается нѣкоторый средній слогъ, въ родѣ той „lingua franca" , которой до сихъ поръ говорятъ въ портахъ Востока. Замѣтьте, что римскій лагерь былъ не только мѣстомъ, гдѣ жили солдаты, особенно въ томъ случаѣ, если онъ не переносился съ мѣста на мѣсто, а оставался крѣпостью: онъ мало-по-малу выпускалъ изъ себя рядъ отростковъ въ окружающую мѣстность, притягивалъ къ себѣ изъ мѣстности массу населенія. Очень большое значеніе имѣло еще и то обстоятельство, что солдаты служили очень долго - по 15, 20 лѣтъ, а затѣмъ, становясь ветеранами, не возвращались на родину, а оставались на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого у нихъ образовались чисто гражданскія отношенія, являлись незаконныя жены, которыя потомъ становились законными, являлась масса дѣтей и около лагеря рас-

полагались поселки, которые должны были удовлетворять гражданскимъ потребностямъ лагеря. Мы можемъ до сихъ поръ прослѣдить фактически, какое большое значеніе имѣли военные лагери для своихъ окрестностей. Напримѣръ, въ Алжирѣ есть большое военное поселеніе - Ламбесса, представляющее намъ цѣлый рядъ надписей. Надъ нимъ расположилась нѣкогда мусульманская культура. Затѣмъ, когда французы сбросили эту культуру, можно было разобрать, что осталось, можно было анализировать, какъ образовался лагерь, какъ выросъ городъ. Подобный же характеръ имѣетъ и цѣлый рядъ городовъ, выроставшихъ изъ военныхъ поселеній въ Англіи, именно тѣхъ городовъ, которые оканчиваются въ своемъ имени на "честеръ, сестеръ"; такихъ именъ городовъ масса въ географической номенклатурѣ Англіи. Первымъ и самымъ замѣчательнымъ результатомъ вліянія военнаго элемента было превращеніе дунайскихъ провинцій, гдѣ образовалось румынское государство. Это государство было сначала за Дунаемъ, затѣмъ придвинулось къ нему и такимъ образомъ прошло цѣлый рядъ измѣненій.

Но это только первое условіе, которое могло дѣйствовать на романизацію провинцій. Второе также могущественно дѣйствующее условіе - это постепенное распространеніе городовой системы и городской культуры, ростъ городовъ, не какъ военныхъ становъ, а какъ хозяйственныхъ, промышленныхъ центровъ, ростъ, который быстро начинается въ это время. Съ этой стороны особенно любопытна исторія Галліи. Галлія временъ Цезаря - это собраніе кантоновъ и племенъ; люди живутъ еще совершенно

на началахъ кочевого состоянія; они еще не привыкли къ городской культурѣ.

Посмотрите на ту же Галлію въ 4 вѣкѣ и вы увидите, что она покрыта такими городскими общинами. Въ южной части, въ Норбонской Галліи мы встрѣчаемся съ городовой культурой, съ промышленными центрами и центрами образованія. Вотъ два начала, которыя сильно работаютъ въ пользу романизаціи. Теперь является вопросъ, чего они достигаютъ, что дала романизація и до какой степени она подавила вліяніе варваровъ, которое начало сказываться вслѣдствіе перехода ихъ на римскую почву.

Мы познакомились съ объемомъ и общимъ характеромъ процесса романизаціи Теперь намъ необходимо остановиться нѣсколько ближе на тѣхъ пріемахъ, которые были пущены въ ходъ въ этомъ случаѣ,и на результатѣ этого процесса. Отъ того и другого въ значительной степени зависитъ устойчивость полученныхъ послѣдствій этого процесса и значеніе его для исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени.

Первое, что приходитъ въ голову при обсужденіи этого процесса, это - перемѣна національности, перекрашиваніе одного народа въ другой цвѣтъ, въ цвѣтъ, такъ сказать, другого народа, перемѣна, вызывающая вопросы о томъ, какое вліяніе имѣла примѣсь новыхъ національныхъ элементовъ, появленіе колонистовъ изъ того общества, которое такъ или иначе производитъ свою культурную работу. Имѣло-ли въ данномъ случаѣ значительное вліяніе на результатъ романизаціи, напр. относительно кельтской

общины, то обстоятельство, что въ Галлію перешла масса переселенцевъ: римлянъ, латинянъ, италиковъ? Разумѣется колонизація является одною изъ силъ романизаціи и съ ея вліяніемъ приходится считаться. Оно уже косвенно и отрицательно замѣтно въ томъ, что, какъ свидѣтельствуютъ наши серьезные историки, сама Италія въ лучшее для нея время запустѣла благодаря тому, что множество ея населенія было выведено въ колоніи. Это выведеніе было постояннымъ процессомъ въ республиканское время, а въ періодъ имперіи оно прямо приняло характеръ выѣзда поселянъ въ Испанію, въ Африку. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ именно вслѣдствіе этого присутствія колонистовъ, повидимому получаются массовые результаты: таковъ, очевидно, былъ характеръ процесса, напримѣръ въ Южной Франціи и Испаніи, гдѣ былъ массовой переходъ изъ Италіи.

Но если мы возьмемъ всю совокупность странъ Западной Европы и поставимъ себѣ вопросъ, какую роль игралъ матеріальный переходъ колонистовъ, то отвѣтъ будетъ если не отрицательный, то значительно ограничивающій вліяніе этой стороны дѣла. Колонизація въ общемъ не была настолько значительна, по числу своихъ представителей, чтобы путемъ значительнаго этнографическаго подмѣна и этнографическаго смѣшенія крови, создать новую національность. Сами по себѣ такіе случаи

Исторія Среднихъ Вѣковъ. Лекціи Проф. Виноградова.
Лит. Фельтманъ. Невскій № 122. Листъ 9.
Директоръ Курсовъ

возможны и бываютъ; такой характеръ во многихъ мѣстахъ носитъ, напримѣръ, русская колонизація и руссификація. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мы имѣемъ, если не полное замѣщеніе націи иноземцами, то полученіе этнографически-новой націи. Въ этомъ смыслѣ колонизація итальянцами провинцій уже потому не могла имѣть значенія, что Италія по численности населенія не представляла преобладанія надъ провинціями. Для такой колонизаціи всетаки нуженъ былъ избытокъ населенія: поселенцы Италіи не были настолько многочисленны, чтобы дать колонизаціи этотъ характеръ. Такимъ образомъ, кромѣ исключительныхъ и отдѣльныхъ случаевъ въ Испаніи и въ южной Франціи колонизація, въ данномъ смыслѣ, значенія не имѣла.

Кромѣ тѣхъ мѣстъ, которыя прямо были заселены итальянскими колонистами, надо считаться съ романизаціей мѣстъ, гдѣ туземцы были вытѣснены не римскими, не латинскими, не италійскими колонистами, а смѣшеніемъ иноземцевъ, бывшихъ не римлянами, не италиками, не латинянами, а представлявшихъ смѣсь, принявшую латинскій языкъ и формы быта. Это то, что совершается въ Румыніи, Иллиріи и Фракіи. Здѣсь фигурируютъ не италики, а такое смѣшеніе народностей, которое теряетъ первоначальный характеръ и перемѣшивается на общей основѣ римской культуры въ ея самой первоначальной и грубой формѣ.

Прежде чѣмъ оставить вопросъ о колонизаціи, я отмѣчу теперь же, что онъ имѣетъ двухсторонній

характеръ. И з ъ И т а л і и жители переливались не такъ сильно, какъ в ъ И т а л і ю. Приходится считаться съ тѣмъ фактомъ, что процессъ романизаціи есть не только процессъ перехода римскихъ элементовъ на варварскую почву, но также и переходъ варварскихъ элементовъ на римскую почву. Это обратное движеніе, колонизація варваровъ, чрезвычайно важно: оно ввело въ провинцію цѣлую массу новыхъ элементовъ, которые принимали языкъ, взгляды и обычаи, но все-таки въ значительной степени оставались варварами.

Остановившись на первомъ, если не отрицательномъ, то ограничивающемъ указаніи слабой роли матеріальной колонизаціи, намъ приходится спросить себя, что же все-таки главнымъ образомъ дѣйствуетъ въ этомъ процессѣ романизаціи?

Второе, съ чѣмъ мы должны считаться, обсуждая колонизаціонныя процессы, сравнительно съ тѣмъ, что происходитъ въ настоящее время - это значеніе принужденій, то есть сознательной колонизаціи, связанной съ принудительнными мѣрами, запрещеніями пользоваться извѣстнымъ языкомъ, мѣстными обычаями, мѣстной религіей, стремленіемъ навязать государственный языкъ, обычаи и религію. Какую роль игралъ этотъ процессъ? былъ-ли онъ употребляемъ въ римской имперіи въ обширномъ смыслѣ? Прежде всего нужно сказать, что принудительныя мѣры, поскольку онѣ были мѣрами запрещенія, чрезвычайно мало были въ ходу въ имперіи. Запрещеніе, напримѣръ, мѣстныхъ культовъ и мѣстныхъ особенностей явля-

етося иногда въ имперіи, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти культы и особенности являются прямо противогосударственными, открыто становятся центрами борьбы и востанія противъ Рима. Можно сказать, что въ общирномъ смыслѣ такой рѣдкій случай извѣстенъ только одинъ - это борьба имперіи съ кельтскимъ друидизмомъ. Имперія не допускала друидизма, потому что онъ былъ политической организаціей: онъ былъ не только соединеніемъ кельтскихъ племенъ, но и единой церковью, и притомъ воинствующей. Поэтому имперія не примирялась съ друидизмомъ и искоренила его въ Галліи. Но къ восточнымъ культамъ, напротивъ, она относилась съ чрезвычайной терпимостью и реципировала ихъ въ свой "Пантеонъ". Христіанство и іудейство были одно время предметомъ гоненія потому только, что идеи ихъ считались противогосударственными.

Вообще говоря, прямое запрещеніе является въ римской имперіи фактомъ чрезвычайно рѣдкимъ; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы характеръ принудительнаго вліянія отсутствовалъ совершенно. Принудительное вліяніе есть, и оно проходитъ главнымъ образомъ тремя путями.

Прежде всего, благодаря тому, что государственный языкъ, или лучше сказать, государтсвенные языки, такъ какъ и греческій языкъ на востокѣ былъ на правахъ государственнаго языка, являются на практикѣ обязательными. Греческій и латинскій языки были языками судовъ и канцелярій; вслѣдствіе этого въ сношеніяхъ

съ государственнымъ управленіемъ приходилось пользоваться ими; всѣ народности поневолѣ учатся этимъ языкамъ. Эта исключительность государственныхъ языковъ производитъ, разумѣется, свое вліяніе.

2) Затѣмъ - школьное дѣло. Правительство заботилось, чтобы въ школахъ былъ государственный языкъ, но надо помнить, что школьная политика не имѣла тогда такого значенія, какъ въ современной жизни: школъ было не такъ много, онѣ обращались по преимуществу къ верхнимъ слоямъ, и поэтому ихъ вліяніе не было такъ глубоко. Однако приходится констатировать тотъ фактъ, что греческая и римская школа развивалась, а варварская исчезала; происходитъ это, конечно, благодаря глубокому значительному преимуществу греко-римской цивилизаціи.

3) Третье, съ чѣмъ здѣсь приходится считаться, это то, что церковь усвоила себѣ латинскій и греческій языки. Надо замѣтить однако, что здѣсь могли быть различныя комбинаціи и отклоненія: въ восточной церкви, напримѣръ, многія проповѣди писались на сирійскомъ языкѣ, такъ что объ этомъ вліяніи можно говорить только отчасти и преимущественно примѣнительно къ западной имперіи.

Такимъ образомъ, въ общемъ принудительныя давленія, запрещенія и наказанія были гораздо слабѣе, чѣмъ можно было бы себѣ представить по общему централизованному и деспотическому характеру имперіи. Централизація и деспотизмъ не проявлялись въ такой мѣрѣ, какъ можно

было этого ожидать. На чемъ же главнымъ образомъ держалось вліяніе римской народности? Оно проходитъ благодаря распространенію культуры. При этомъ главное значеніе нужно придать успѣхамъ примѣра. Тутъ стоитъ обратить вниманіе на то, что сдѣлала имперія со всѣмъ тѣмъ, что она встрѣчала въ варварскихъ провинціяхъ, въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи благодаря процессу романизаціи. Громадное значеніе подобнаго примѣра особенно легко замѣтить на той перемѣнѣ, которая происходитъ въ провинціи благодаря вліянію римскихъ успѣховъ въ техникѣ, между прочимъ, въ области сельскаго хозяйства. Появляются винодѣліе и плодоводство благодаря исключительно римскому вліянію. Если до сихъ поръ рейнскія области славятся виномъ, то надо сказать, что порядокъ и навыкъ въ пріемахъ его производства сложился въ римское время: римляне намѣтили мѣста и дали пріемы, которыхъ держались въ теченіе среднихъ вѣковъ и которые держатся и до сего времени. Болѣе утонченные пріемы были связаны у римлянъ съ техникой: въ ней римляне были большіе мастера. Они даже преобразуютъ технику, когда имъ приходится переходить на новыя условія климата и почвы. Въ этомъ отношеніи я обращу ваше вниманіе на исторію плуга. Плугъ несомнѣнно является въ Западной Европѣ орудіемъ, введеннымъ римлянами; онъ лишь въ средніе вѣка сдѣлался орудіемъ спеціально германскимъ. Что бы тамъ ни говорили нѣкоторые нѣмецкіе ученые, плугъ все-таки является орудіемъ римскаго происхожденія. Любо-

пытно, что къ сѣверу отъ Альпъ римляне пропагандировали не тотъ плугъ, который употребляли у себя въ Италіи. На Итальянской легкой почвѣ они пользовались легкимъ крючковатымъ плугомъ, которымъ пахали сначала въ горизонтальномъ, а потомъ въ вертикальномъ направленіи, царапая почву крестъ на крестъ. Совершенно другой характеръ получаетъ плугъ на тяжелой почвѣ. Плиній отмѣчаетъ въ Ретіи у римскихъ колонистовъ тяжелый плугъ, который тащатъ 8 - 10 лошадей; идея его сводится на заступъ, который очень глубоко взрыхляетъ и переворачиваетъ почву и отрѣзываетъ ея верхній слой. Это то обстоятельство и было корнемъ развитія тяжелаго плуга къ сѣверу отъ Альпъ, плуга, исторію котораго приходится свести на вліяніе римской техники.

Само собою разумѣется, что эта техника была техникой не только чисто хозяйственныхъ, но и соціальныхъ условій: на глазахъ и кельтовъ и германцевъ римляне стали примѣнять капиталъ, вводить плодопеременное хозяйство; они научили ихъ системамъ сложныхъ арендныхъ и плантаціонныхъ отношеній, системамъ, въ которыхъ хозяйство составляетъ одно обширное цѣлое и управляется изъ центра. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ римское вліяніе было громадно и его можно оцѣнить по тому факту, что Британія, одна изъ наименѣе романизованныхъ провинцій, на столько подвинулась въ своемъ сельскохозяйственномъ развитіи, что въ четвертомъ вѣкѣ изъ нея стали вывозить хлѣбъ въ Галлію; такъ много

воздѣлывалось тамъ въ его время хлѣба.

Въ ремеслахъ и въ торговлѣ, какъ и въ области соціальной организаціи, мы точно также встрѣчаемся съ условіями техники идущей отъ римлянъ. Ремесленники группируются по городамъ въ корпораціи, которыя ручаются за выучку ремесленника, устанавливаютъ извѣстные техническіе пріемы, организуютъ мастерскія, ремесленную полицію - все это устраивалось и на почвѣ варварской и мало-по-малу пускало глубокіе корни.

Древніе средневѣковые цехи въ нѣмецкихъ городахъ были устроены въ связи съ этими римскими корпораціями.

Нечего и говорить, что торговля первое время находилась въ рукахъ римскихъ купцовъ. Мы знаемъ, что римскіе торговцы ходили за оловомъ и янтаремъ на берега Балтійскаго и Сѣвернаго моря. Клады монетъ литовскихъ, прусскихъ и русскихъ связаны съ распространеніемъ римской торговли. Вмѣстѣ съ монетами мы находимъ въ данномъ случаѣ цѣлый рядъ орудій и вещей римскихъ фабрикъ или лучше сказать фабрикъ римской имперіи, потому что выраженіе "римскихъ" не слѣдуетъ никакъ смѣшивать съ понятіемъ италійскихъ. Въ самой имперіи обмѣнъ пріобрѣтаетъ живой интересный характеръ, потому что устанавливаются хорошіе пути сообщенія, возникаютъ города, центры распредѣленія труда и обмѣна. До сихъ поръ можно указать, какъ на важныя артеріи передвиженія культуры на римскія дороги въ Британіи *Icknild way, Foss way, Irmin Street*; ихъ не только можно указать на картѣ, но можно даже

сказать, что онѣ и доселѣ являются путями движенія культуры съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Затѣмъ образуются города. Образованіе городскихъ общинъ имѣетъ большое значеніе. Напомню вамъ, что цѣлый рядъ самыхъ могущественныхъ, самыхъ богатыхъ нѣмецкихъ городовъ, которые держали въ своихъ рукахъ торговлю, основанъ римлянами. Таковы: *Magontiacum* |Майнцъ|, *Col. Agrippina* |Кельнъ|, *Aug. Trevirorum* |Триръ|, *Argentoratum* |Страсбургъ|, *Confluentes* |Кобленцъ| - въ бассейнѣ Рейна; *Aug. Vindelicorum* |Аугсбургъ|, *Regina* |Регенсбургъ| - въ бассейнѣ Дуная. Эти города имѣютъ не только археологически римскій характеръ: они служатъ главными центрами римской торговли между Германіей и Италіей. Здѣсь устанавливаются нервные центры торговаго движенія для всѣхъ среднихъ вѣковъ вплоть до открытія Америки. Только открытіе Америки и совершившаяся вслѣдствіе него перемѣна торговыхъ путей уничтожили капитальное значеніе этихъ торговыхъ центровъ, которые были намѣчены римлянами. Эти города вступили въ постоянное общеніе съ Ливанской линіей, которая шла отъ Венеціи къ Востоку. Этимъ и объясняется необыкновенное богатство и блескъ южно-германскихъ городовъ, которые, повторяю, намѣчены еще въ римское время. Былъ одинъ клочекъ Германіи, который особенно интересенъ въ этомъ отношеніи, это -"*agri decumates*", которыя лежали на юго-западѣ Германіи и представляли изъ себя связь оборонительной системы Рейна съ систе-

мой Дуная. Клочекъ этотъ былъ закрѣпленъ цѣлымъ рядомъ замковъ и крѣпостей и окруженъ такъ называемымъ *limes* |слѣды этого *limes* показываютъ и теперь|. За этимъ *limes* римляне такимъ образомъ отхватили полосу земли, въ которой жили тоже чисто германцы, но подъ римскимъ владычествомъ, подвергаясь сильному вліянію романизаціи. Надо сказать, что этотъ клочекъ земли сдѣлался фабрикой римской колонизаціи и отсюда проходило въ Германію вліяніе римской техники, римскихъ обычаевъ.

Въ связи съ этой матеріальной стороной стоитъ и духовная сторона дѣла: вліяніе науки, краснорѣчія. Обращу ваше вниманіе на то, что славные писатели лучшаго времени Римской имперіи - это галлы, испанцы, германцы. Нужно замѣтить также, что это духовное вліяніе принимаетъ нравственный характеръ, который хорошо описанъ у Тацита, въ его біографіи Агриколы. Говоря о политикѣ Агриколы въ Британіи, Тацитъ замѣчаетъ, что онъ не только устраивалъ хозяйственные центры и лагери, но, что города получаютъ значительное вліяніе на населеніе благодаря распространенію изнѣженности и роскоши. Въ Британіи появляются бани |термы|, мягія одежды, условія комфорта жизни. Это сторона, которая заслуживаетъ также большого вниманія. Такимъ образомъ, романизація прошла благодаря успѣхамъ цивилизаціи, и ей настолько удалось передѣлать народы, что они заговорили такъ или иначе на испорченномъ латинскомъ языкѣ.

ВАРВАРИЗАЦІЯ. Романизація провинцій, населенныхъ варварскими племенами, была не только повышеніемъ культуры этихъ варварскихъ племенъ, переработкой этихъ племенъ съ точки зрѣнія высшаго общественнаго и государственнаго строя Рима, она имѣла и свою обратную сторону: она въ то же самое время была переработкой римской цивилизаціи и римскаго строя - переработкой, результаты которой дѣлались достояніемъ варваровъ; поскольку романизація была рецепціей древней культуры, постольку она обусловливала и пониженіе этой культуры, и въ этомъ отношеніи процессъ перехода къ среднимъ вѣкамъ, процессъ упадка культуры, начинается задолго до внѣшняго упадка Римской имперіи.

На эту сторону дѣла нельзя не обратить вниманія, потому что, если ея не принять въ расчетъ, то многія явленія среднихъ вѣковъ придется объяснять только изъ условій седьмого и восьмого вѣковъ, вѣковъ уже завѣдомо средневѣковыхъ, между тѣмъ какъ ихъ дѣйствительныя причины кроются гораздо глубже, такъ какъ ихъ появленіе относится ко времени гораздо болѣе раннему. Этотъ фактъ чрезвычайно замѣтенъ въ цѣломъ рядѣ любопытныхъ и характерныхъ подробностей.

Обратите вниманіе хотя бы на то, что извѣстно каждому изъ элементарныхъ учебниковъ, что послѣдніе вѣка имперіи даже въ высшихъ слояхъ общества представляютъ дѣятельность людей варварскаго происхожденія. Все больше и больше руководителями общества,

вершителями судебъ государства, являются варвары, плохо романизованные, даже сохранившіе часто варварскіе имена. Мы встрѣчаемъ варваровъ среди военныхъ предводителей, среди совѣтниковъ императоровъ, даже среди самихъ императоровъ. Великій предводитель римскихъ войскъ въ пятомъ вѣкѣ Стилихонъ - вандалъ. Главный руководитель всѣхъ отношеній въ концѣ пятаго вѣка Репитеръ - свевъ. Напомню вамъ, что сами императоры послѣднихъ временъ были варвары. Такая фигура, какъ фигура Діоклетіана, для своего полнаго объясненія нуждается въ упоминаніи о варварахъ: онъ иллиріецъ, варваръ романизованный, но сохранившій въ значительной степени свойства своего племени, свойства своей страны. Но если мы, такимъ образомъ, на самомъ верху общества замѣчаемъ такой притокъ варварскихъ элементовъ, то что же должно было быть въ серединѣ и внизу его, куда варварамъ легко было проникнуть? Безъ всякаго сомнѣнія общество четвертаго и пятаго вѣковъ было полно варваровъ и "варварскаго" повсюду.

И вотъ, въ результатѣ мы видимъ, что романизація четвертаго и пятаго вѣковъ начинаетъ принимать оборотъ варваризаціи всѣхъ отношеній. Я не буду говорить о томъ, что произошло въ языкѣ, хотя языкъ даетъ намъ наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія. Но для нашей общей характеристики не лишнее бросить взглядъ на чрезвычайно характерное вырожденіе и измѣненіе формъ искусства. Въ искусствѣ, которое говоритъ глазамъ, говоритъ внѣшнимъ чувствамъ, чрезвычайно рѣзко замѣтно измѣненіе,

которое иначе обозначить, какъ словомъ "варваризація"- нельзя. Чувство формы, гармоніи и красоты, которое отличало античное искусство, которымъ оно сильно до сихъ поръ, и которое составляетъ высшее стремленіе современнаго искусства - это чувство совершенно исчезаетъ въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ. Техника осталась, учатся по старымъ образцамъ, дѣлаютъ старыя фигуры боговъ, героевъ, но мало-по-малу все это теряетъ смыслъ и сама техника начинаетъ постепенно перерождаться. Если хотятъ возвеличить выдающагося человѣка въ третьемъ вѣкѣ, то для этого находятъ единственное средство поставить ему громадную статую, сдѣлать его колоссальнымъ. Для того, чтобы изобразить Перикла надобно было выбрать, такъ сказать, изъ его личности все, что было въ немъ характернаго и такъ представить его въ благородномъ и природномъ видѣ, въ человѣческій ростъ. Для того, чтобы возвеличить Галліена пришлось поставить ему статую въ двести футовъ, и придумать для нея такія подробности, чтобы копье, которое держитъ императоръ, имѣло внутри винтовую лѣстницу, по которой могъ взбараться ребенокъ до самаго его верха. Для того, чтобы возвеличить Константина надобно было поставить ему статую не изъ мрамора, а изъ порфира, потому что мраморъ обрабатывается легко, а порфиръ трудно, и потому что послѣдній дорогъ. Эти грубые пріемы свидѣтельствуютъ о полномъ непониманіи, о полномъ упадкѣ вкуса. Возьмите изображенія дѣйствительности, какъ они являются въ концѣ четвертаго вѣка: одно, наиболѣе характерное изъ нихъ, это - орнаментальный щитъ

или такъ называемый дискъ, который былъ сдѣланъ въ честь Феодосія Великаго. На немъ вы видите разныя фигуры; внизу сидитъ аллегорическая женская фигура Рима, а около нея другія эмблематическія изображенія въ видѣ людей; они сдѣланы по античнымъ традиціямъ, красиво задрапированы и имѣютъ классическія формы лица, въ выраженіи которыхъ видна греческая традиція. На томъ же дискѣ фигуры Феодосія и его спутниковъ, фигуры въ значительной степени портретныя и характерныя: лица грубы, плоски, съ громадными ушами, чрезвычайно некрасивыя, хотя энергичныя. Постановка фигуръ свидѣтельствуетъ о томъ, что забыли изображать природу; руки и ноги неестественно вывернуты, одежда тяжелая, похожая на кафтаны, нѣтъ рѣчи о хитонѣ съ его свободными складками: тутъ же мы имѣемъ дѣло съ расшитымъ золотомъ мундиромъ, оружіе также всюду блеститъ золотомъ. Такимъ образомъ, грубое матерьяльное пониманіе, стремленіе къ колоссальному, блистающему, а не къ блестящему - вотъ что выдвигается въ искусствѣ того времени. Но тотъ же самый регрессъ, упадокъ вы замѣтите и въ литературѣ, и въ государственныхъ и въ общественныхъ отношеніяхъ. Чѣмъ занимается литература? Это - безконечно тщательное описаніе пейзажей. Это - еще лучшее что она можетъ дать. Хуже, когда она пытается говорить къ личности и о людяхъ, потому что въ этихъ случаяхъ является лживая, пустая риторика, изъ которой нельзя добыть ничего. Искусство обращается на то, чтобы вмѣстить стихи въ какую-нибудь форму акро-

стиха, чтобы его можно было читать и сначала и съ конца и сбоку, и чтобы всюду выходилъ смыслъ, правда варварскій. Такого рода литературные идеалы свидѣтельствуютъ о томъ, что общество совершенно забыло истинные образцы, совершенно утратило истинное чувство и стремленіе къ красотѣ.

Замѣтьте, что въ томъ же направленіи, хотя въ формахъ менѣе схватываемыхъ чувствомъ, идетъ дѣло и въ хозяйственно-соціальныхъ отношеніяхъ. Я уже говорилъ объ этомъ и потому только напомню вамъ, до какой степени здѣсь идетъ дѣло объ историческомъ разложеніи сложныхъ отношеній, основанныхъ на кровообращеніи большого тѣла, на раздѣленіи труда, на затратахъ капитала, на долгихъ расчетахъ. Обращу ваше вниманіе только на два факта изъ этой области хозяйственнаго регресса.

Само собой разумѣется, что въ то время, когда древнее общество было органически сильно, денежное хозяйство стало центромъ всего; подати платились деньгами, повинности взыскивались деньгами. Характерно, что въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ опять получаетъ первенство въ податной системѣ, въ системѣ повинностей - барщина и натуральная повинность, поставка хлѣба натурой, такъ называемая,-"аннона", барщина при жатвѣ хлѣба, при молотьбѣ - все это напрягается, устраивается съ государственной точки зрѣнія.

Затѣмъ второй, чрезвычайно важный фактъ, съ которымъ мы здѣсь встрѣчаемся - это общій отливъ отъ горо-

да къ деревнѣ; начинается, собственно, новый періодъ общественной жизни. Вѣдь, если, въ самомъ дѣлѣ, дѣлить, такъ называемую, общую исторію, то есть исторію Европы на періоды, то, пожалуй, можно было бы раздѣлить ее до 1500 г. на періодъ городской и періодъ деревенскій. Періодъ древней исторіи - это періодъ городской жизни, періодъ "*poleis*", "*civitates*", въ которомъ жизнь такъ или иначе сосредоточивается около гражданскихъ кружковъ, жившихъ въ городѣ. Средневѣковая жизнь есть въ существенной своей части жизнь деревенская: деревня около замка - это характерное ея выраженіе; эта - то характерная обстановка жизни и начинаетъ уже слагаться подъ кровомъ имперіи. Имперія старается удержать всѣхъ въ городахъ, но оттуда бѣгутъ и мало того, что бѣгутъ: въ деревняхъ начинаютъ строиться иначе, начинаютъ укрѣпляться, начинается движеніе въ пользу, если не возведенія укрѣпленій, то во всякомъ случаѣ - укрѣпленныхъ усадьбъ. Большой *saltus*, крупное имѣнье поссессора пятаго вѣка представляетъ уже въ этомъ отношеніи въ значительной степени подобіе среднихъ вѣковъ. Вилла этого поссессора состоитъ изъ цѣлаго ряда службъ и изъ большого строенія, снабженнаго извѣстнымъ комфортомъ. Эта вилла была окружена арендными участками и мелкими крестьянскими постройками "*in modum munitii*", по выраженію одного изъ писателей, и въ значительной части дворъ виллы представляетъ уже какъ бы укрѣпленіе, окруженное полисадомъ.

Такимъ образомъ, благодаря этому характерному, двухстороннему процессу смѣшенія двухъ обществъ, мы

встрѣчаемся въ это время съ формами, впослѣдствіи развившимися въ формы среднихъ вѣковъ. Нечего и говорить, что окончательнний поворотъ къ среднимъ вѣкамъ создался тогда, когда римское общество смѣшалось съ германскимъ, сидѣвшимъ ранѣе за Рейномъ и Дунаемъ.

Исторія Среднихъ вѣковъ. Лекціи проф. Виноградова.
Лит. Фельтманъ. Невскій № 122.
Листъ 10-й.
Директоръ Курсовъ

Г Е Р М А Н Ц Ы.

Г Е Р М А Н Ц Ы.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЫТА ГЕРМАНЦЕВЪ У ЦЕЗАРЯ.

Теперь, послѣ характеристики римскаго общества, мы должны перейти къ характеристикѣ того, что представляли изъ себя тѣ германскія племена, съ которыми намъ придется впослѣдствіи считаться. Я беру только племена германскія, потому что они болѣе всѣхъ для насъ важны, но считаю нужнымъ выдвинуть прежде всего тѣ особенности германскаго быта, которыя выразились еще до завоеванія провинцій.

Германцы появляются въ Европѣ сравнительно очень поздно. Около 3-го вѣка до Р.Х. они начинаютъ уже обозначаться на Востокѣ. Свѣдѣнія о нихъ поступаютъ къ намъ впервые черезъ разсказы Пифеаса изъ Марселя. Затѣмъ они становятся болѣе подробными по мѣрѣ того, какъ факты давленія со стороны германцевъ начинаютъ усиливаться, и когда около конца 2-го вѣка образуется цѣлое нашествіе, такъ называемыхъ кимвровъ и тевтоновъ. Но настоящее и сколько нибудь обстоятельное описаніе относится къ эпохѣ Цезаря, эпохѣ борьбы между Римомъ и германскими племенами. Эта борьба происходитъ въ критическій моментъ не только для исторіи перваго, но и для исторіи послѣднихъ. Въ Римѣ въ это время совершается переходъ отъ республики къ имперіи, и онъ выдвигаетъ своего лучшаго полководца, чтобы управиться съ кельскими племенами. Но какъ разъ, когда Цезарь попалъ въ Галлію, онъ былъ принужденъ прежде всего обратиться противъ грозившаго обрушиться нашествія

переселяющихся народовъ. То, что онъ описываетъ - это цѣлое движеніе народовъ, которое вытолкнуло гельветовъ, бросило ихъ на кельтскую почву, и выразилось, какъ извѣстно Цезарю,, въ передвиженіи цѣлыхъ племенъ въ южной Германіи. Этотъ потокъ былъ имъ остановленъ, онъ поставилъ ему плотину, которая впослѣдствіи была усилена главнымъ образомъ Тиберіемъ и Друзомъ.

Намъ приходится обратить особое вниманіе на самыя слова свидѣтельствъ, потому что отъ того или иного толкованія словъ зависитъ многое въ томъ, какъ мы представимъ себѣ бытъ этихъ германцевъ. При этомъ придется непремѣнно раздѣлить характеристику Цезаря и Тацита, потому что Цезарь захватилъ германцевъ въ болѣе раннее время, чѣмъ Тацитъ. Что представляютъ германцы во время Цезаря, - что это народъ бродячій, кочевой или осѣдлый? Если присмотрѣться ближе къ тому, что онъ говоритъ, то надо будетъ отвѣтить отрицательно на всѣ три вопроса. Это, конечно, не бродячіе охотники, въ родѣ нашихъ зырянъ; не народъ кочевой, въ родѣ киргизовъ или монголовъ, у которыхъ весь бытъ основывается на довольно систематической организаціи скотоводства, съ правильной смѣной пастбищъ и съ довольно культурной эксплуатаціей того матеріала, который даетъ скотъ. Менѣе всего - это народъ осѣдлый: земледѣліемъ они занимаются очень мало. „*agriculturae non studient*." Скотоводство имѣетъ значеніе: стада у нихъ довольно большіе; живутъ они больше молокомъ и мясомъ, какъ говоритъ Цезарь, но тѣмъ не менѣе жить въ средней Германіи въ качествѣ кочевого народа было всего труднѣе: средняя Германія была въ то время покрыта густыми лѣсами и поэтому

надо представить себѣ германскіе народы въ совершенно переходномъ неустановившемся состояніи, съ нѣкоторыми данными для осѣдлости, съ нѣсколько болѣе значительными данными для скотоводства, но съ извѣстной подготовкой къ этому не вполнѣ сложившемуся строю жизни. И дѣйствительно, то что говоритъ Цезарь о германцахъ указываетъ на общее броженіе отношеній, на переходъ изъ одного состоянія въ другое.

Онъ описываетъ бытъ довольно хаотическій, который временно устраивается въ извѣстныя формы, но формы, которыя сами по себѣ долго продержаться не могутъ. Онъ говоритъ относительно обработки земли: „*Agriculturae non student maiorque pars eorum victus in lacte, caseo, carne consistit. Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui tum una coierunt, quantum et quo loco visum est agri, attribuunt atque anno post alio transire cogunt*" *

Ни у кого нѣтъ опредѣленнаго количества земли и опредѣленныхъ собственныхъ границъ, но выборные начальники "*magistratus*" и вожди отводятъ родамъ и союза свойства | *cognatio* | столько земли, сколько нужно на одинъ годъ, а въ слѣдующій годъ заставляютъ передвигаться ихъ на новое мѣсто. Обратите вниманіе на нѣкоторыя подробности этого описанія; вспомните, что Цезарь всегда пишетъ ясно и точно, что онъ человѣкъ практическій, которому важно совершенно опредѣ-

* *L. VI. C. 22.*

ленно и правдиво сказать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. У него поэтому нѣтъ ни малѣйшей риторики и онъ говоритъ весьма сжато, придавая точный смыслъ каждому отдѣльному выраженію.

Цезарь сказалъ напр.: не просто, что отводится земля родовымъ союзамъ, но прибавилъ, что она отводится „cognationibusque." „Cognatio" - это союзъ, основанный на родствѣ по женщинамъ. Къ сожалѣнію Цезарь не развилъ этого положенія, но брошенное имъ указаніе имѣетъ большое значеніе, показывая, что родство по матери играло играло большую роль въ бытѣ германскихъ племенъ того времени. Къ этому мы еще вернемся при характеристикѣ родства. Во всякомъ случаѣ цѣлые большіе союзы получаютъ земли, а не отдѣльныя хозяйства; да и эти большіе союзы получаютъ ее на годъ. Все это могло существовать при передвиженіи, при совершенно неустановившихся, неустроившихся отношеніяхъ.

Съ этимъ ладится и то описаніе, которое даетъ Цезарь въ 4-ой книгѣ своихъ „Commentarii" говоря о свевахъ; тамъ сказано, что разсказы о свевахъ передаютъ подробности, которыя сначала даже кажутся мало вѣроятными. Это извѣстное мѣсто:× „Hi centum pagos habere dicuntur, ex quibus quotannis singula milia armatorum bellandi causa ex finibus educunt. Reliqui, qui domi manserunt, se atque illos alunt; hi rursus in vicem anno post in armis sunt, illi domi remanent."

× L. IV. C. 1.

Такимъ образомъ здѣсь 100 областей; изъ каждой области по 1000 идетъ на войну, остальные остаются дома; черезъ годъ роли мѣняются: прежніе воины возвращаются домой и имъ даются земельныя участки для обработки, а оставшіеся идутъ на войну. Когда Цезарь говоритъ о тысячахъ, онъ, вѣроятно, разумѣетъ какую нибудь крупную цифру; онъ представляетъ себѣ всю массу воиновъ въ 100000 человѣкъ, при которыхъ были люди, занимавшіеся хозяйствомъ. Но важны не эти круглыя цыфры; онѣ обозначаютъ, такъ сказать, общее впечатлѣніе: важна самая характеристика быта. Замѣтьте, что этотъ бытъ предполагаетъ значительное вмѣшательство правительственной власти въ его устройство. Въ первомъ отрывкѣ „*magistratus ac principes*" должны каждый годъ устраивать передѣлъ земли. Во второмъ - эта смѣна воиновъ не можетъ быть устроена безъ вмѣшательства власти и безъ опредѣленной организаціи того ополченія, которое воздвигается. Но правительственная власть и дѣятельность, очевидно, такого рода, что онѣ предполагаютъ совершенно исключительный бытъ. Подобный бытъ долго немыслимъ, подобная постоянная форма жизни для массы народа невозможна. Такой бытъ можетъ составится лишь при переходѣ. Для иллюстраціи я разскажу о передвиженіи китайскихъ войскъ въ Кульджу. Когда китайцы чуть не поссорились съ Россіей изъ за Кашгара, то они стали собирать огромныя войска, но дѣлали это чрезвычайно своеобразно. Это войско, двигаясь отъ Тихаго океана, по дорогѣ дѣлало посѣвы и собирало жатву; оно переходило въ теченіе года чрезвычайно мед-

ленно и такимъ образомъ года въ три добралось до китайскаго Туркестана. Повторяю, такого рода отношенія возможны только въ видѣ исключенія; они являются любопытной комбинаціей простѣйшихъ формъ быта и сложной организаціи, натуральной постановкой всѣхъ повинностей, и значительнымъ вмѣшательствомъ правительства въ бытъ народа. Точно также какая нибудь монгольская орда, при всей некультурности ея членовъ, въ то же самое время дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чрезвычайно строгой іерархіи, устроенной для организаціи какъ войска, такъ и правительства. Въ такомъ же, собственно, родѣ представляется движеніе евреевъ въ землю Ханаанскую, если читать Библію осмысленно. Повторяю, кочевой бытъ не исключаетъ сложныхъ формъ организаціи и сильнаго правительственнаго давленія.

Но въ то же время совершенно ясно, что если эта масса гдѣ нибудь осядетъ, если она достигнетъ своей цѣли, то она несомнѣнно сейчасъ же разсыплется. Но до этого въ данномъ случаѣ не дошло, потому что движеніе варваровъ разбилось о сопротивленіе римлянъ.

Вотъ тѣ характерныя отношенія быта, съ которыми намъ приходится считаться въ характеристикѣ Цезаря. Въ параллель этимъ отношеніямъ можно поставить тотъ же бытъ черезъ 150 лѣтъ у Тацита. Вы уже встрѣтите значительный прогрессъ. Отношенія измѣнились, потому что главное ихъ условіе, притокъ варваровъ прекращается и приходится такъ или иначе усаживаться на мѣстѣ. Мы перейдемъ теперь къ слѣдующей характеристикѣ германцевъ по Тациту. Замѣтьте только, что эта характеристика

значительно труднѣе, чѣмъ у Цезаря. Вмѣсто дѣлового человѣка мы будемъ имѣть тутъ дѣло съ моралистомъ и ритором, который тѣмъ не менѣе хорошо зналъ германцевъ и далъ намъ прекрасное описаніе ихъ быта.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЫТА ГЕРМАНЦЕВЪ У ТАЦИТА.

Я характеризовалъ общія черты хозяйственнаго и культурнаго быта германцевъ, пользуясь главнымъ образомъ описаніемъ Цезаря. Теперь я долженъ обратиться къ тому описанію, которое составляетъ его естественное продолженіе - къ описанію Тацита. Описаніе это опредѣлено по времени не особенно большимъ промежуткомъ, всего въ 150 лѣтъ, но и за этотъ періодъ совершилось важное событіе, именно движеніе Германцевъ на Западъ было пріостановлено. Вслѣдствіе этого внутри Германіи должна была выработаться большая устойчивость отношеній и въ то же самое время нѣсколько большая хозяйственная интенсивность. Къ этому то описанію Тацита мы и обратимся.

Мы прежде всего выберемъ тѣ данныя, которыя характеристика Тацита даетъ для опредѣленія общаго культурнаго состоянія. Это общее культурное состояніе во времена Цезаря нельзя назвать ни бродячимъ, ни кочевымъ, ни осѣдлымъ. Можно сказать, что оно вмѣщаетъ въ себѣ черты всѣхъ трехъ состояній. Оно представляется бытомъ переходнымъ и въ значительной степени безпорядочнымъ. Тотъ порядокъ, который существуетъ, является внесеннымъ

въ ходъ развитія подъ вліяніемъ искуственныхъ условій военныхъ отношеній. Что же мы видимъ у Тацита? Нельзя, конечно, не отмѣтить въ его "Германіи" тѣхъ мѣстъ, которыя указываютъ на психологическія отношенія германцевъ къ труду рукъ, къ труду упорному, производительному. Такихъ мѣстъ не мало разсѣяно въ различныхъ частяхъ описаній. Типичные германцы очень не любили работать. У Тацита, напр., сказано: „*Non multum in venationibus, plus per otium transigunt, relicta domus atque agrorum cura feminis senibusque.*" "Нѣсколько времени они проводятъ въ охотѣ, а больше пребываютъ въ бездѣйствіи: работы по хозяйству - какъ домашнія, такъ и полевыя производятся женщинами, стариками и слабыми членами семьи". Эти характерныя извѣстія показываютъ намъ народъ въ очень дикомъ состояніи: трудъ женщинъ эксплуатируется въ очень значительной степени; здоровые же члены семьи ходятъ на охоту или бездѣйствуютъ. Замѣчательно, что въ этомъ описаніи общихъ чертъ германскаго быта не говорится о рабахъ. Изъ этого ясно, что хотя рабы были, какъ показываютъ это другія мѣста, но они не играли серьезной хозяйственной роли. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о рабовладѣльческой общинѣ. Это съ отрицательной стороны важный характерный фактъ. Но что же при такихъ условіяхъ дѣлаютъ женщины? Сильные и способные къ труду элементы пренебрегаютъ работой, предпочитая драться, биться на войнѣ; они считаютъ позорнымъ: „*sudore adquirere quod possis sanguine parare*": пріобрѣтать работой въ потѣ лица то, что можно пріобрѣсти кровью на войнѣ". Затѣмъ, если войны нѣтъ, то они про-

водятъ время въ полусонномъ состояніи бездѣлія: „ipsi hebent mira diversitate naturae, cum iidem homines sic ament inertiam et oderint quietem." Въ ихъ душѣ вырастаетъ странное противорѣчіе: одни и тѣ же люди до такой степени пренебрегаютъ спокойствіемъ мирной жизни и въ то же самое время являются поклонниками бездѣлія. Если отбросить риторическую игру словъ, то все таки остается общее впечатлѣніе характеристики, въ которой весь центръ тяжести кладется на необходимость и на неохоту къ послѣдовательному, упорному труду. Съ этимъ обстоятельствомъ намъ приходится считаться: намъ нельзя предположить существованіе прочнаго, пустившаго глубокіе корни, интенсивнаго земледѣльческаго труда. Было бы странно, если бы мы нашли здѣсь слѣды такой интенсивности и твердости обработки. Что же, однако, представляютъ изъ себя германцы: кочевое, бродячее или осѣдлое племя? И на это у Тацита есть отвѣтъ, отвѣтъ опять таки опредѣленный, хотя обставленный оговоркой. Въ своемъ описаніи различныхъ племенъ, наполняющихъ среднюю Европу, онъ постепенно переходитъ отъ юга и запада къ востоку и сѣверу и, наконецъ, доходитъ до племенъ, относительно которыхъ не знаетъ, принадлежатъ ли они къ германскимъ племенамъ, или должны быть причислены къ сосѣднимъ племенамъ, напримѣръ, къ сарматамъ. Объ одномъ такомъ племени онъ упоминаетъ, что оно сидѣло въ то время въ углу Балтійскаго моря. Онъ называетъ ихъ венетами (Veneti)* и при этомъ даетъ имъ такую характеристику: „Veneti inter Peucinos et Fennos quicquid silvarum porrigitur latrociniis

* Очевидно онъ имѣетъ здѣсь въ виду славянское племя „вендовъ"

perecrunt. Dibium est aut inter Germanos, aut inter Sarmatos potius referuntur"-

"Вся область, которая лежитъ между Peucini и Fenni занята венетами, которые бродятъ по этой странѣ и занимаются грабежомъ. Ихъ слѣдуетъ скорѣе причислить къ германцамъ, хотя относительно этого можетъ быть споръ",- „quia et domos figunt, et scuta gestans, et pedum pernicitati gaudent, omnia diversa sarmatis in plaustro equoque viventibus",
"потому что они строятъ дома и бьются со щитами и пользуются искусно пѣшимъ строемъ. Все это отличаетъ ихъ ота сарматовъ, которые живутъ въ кибиткахъ и на коняхъ". Такимъ образомъ, онъ отличаетъ эту народность отъ сарматовъ и причисляетъ ее къ германцамъ, потому что послѣдніе уже народъ осѣдлый и не живутъ въ кибиткахъ. Итакъ представленіе о германцахъ ладится у Тацита съ представленіемъ о народѣ осѣдломъ, хотя осѣдлость здѣсь мало устроенная и мало похожа на осѣдлость въ Галліи и Испаніи.

Съ точки зрѣнія такого общественнаго быта, проникнутаго элементами неустойчивости и стремленія къ передвиженію, имѣющему военную окраску, приходится судить о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя представляетъ земледѣльческій, землевладѣльческій, аграрный, какъ теперь называютъ, строй Германіи того времени. Относительно этого строя у Тацита есть знаменитое мѣсто въ 26 главѣ "Германіи," которое породило цѣлую литературу. Мѣсто это очень

любопытное и важное, и поэтому мы внимательно разсмотримъ его: оно гласитъ: "agri pro numero cultorum ab universis invicem occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praebent. Arva per annos mutant et superest ager." Для того, чтобы истолковать это мѣсто и извлечь изъ него все, что можно, для культурной характеристики,- надо заручиться основными предположеніями и наблюденіями.

Во-первыхъ, нельзя думать, что можно составить себѣ понятіе объ аграрно-хозяйственномъ строѣ путемъ исключительно филологическаго толкованія мѣста. Филологическое толкованіе должно быть возможно точное и интенсивное, но одно оно не даетъ полной картины. Не надо забывать, что Тацитъ пишетъ моральный, а не этнографическій трактатъ. Его этнографическое описаніе слишкомъ коротко и слишкомъ ораторски изложено. Онъ дорожитъ красотою слога и скрываетъ до нѣкоторой степени сухія очертанія фактовъ. Въ виду этого, единственное средство, которымъ можно воспользоваться въ данномъ случаѣ - это сравненіе филологическаго анализа съ тѣмъ бытомъ, который болѣе полно описанъ въ хозяйственную эпоху. Безъ всякаго сомнѣнія просто перенести описаніе позднѣйшей эпохи, было бы громадной критической ошибкой. Но мы имѣемъ возможность избѣгнуть ея при соблюденіи нѣкоторыхъ предосторожностей: именно, мы имѣемъ право призвать на помощь сравненіе. Мы можемъ не просто взять описаніе позднѣйшей эпохи, но взять наименованіе, такъ сказать, интенсивныя, встрѣчающіяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ у

розобщенныхъ между собой народовъ проявленія и на нихъ опираться при толкованіи мѣста. Безъ иллюстрацій позднѣйшей эпохи въ данномъ случаѣ обойтись нельзя.

Второе, съ чѣмъ намъ слѣдуетъ считаться, это то обстоятельство, что римлянинъ въ данномъ случаѣ пишетъ для римлянъ. Это не простое описаніе фактовъ, но описаніе, которое дано, сообразуясь съ запросами читателей. Тацитъ не призванъ былъ къ такому простому описанію: онъ давалъ лишь изображеніе того, что достопримѣчательно и ново въ состояніи Германіи. Весь трактатъ составленъ такъ, что онъ представляетъ въ контрастѣ условія обыденной римской жизни и условія жизни новыхъ народовъ за Рейномъ и Дунаемъ. Такъ какъ Тацитъ пишетъ для римлянъ, то нужно имѣть въ виду, что онъ сообщаетъ нѣчто непохожее на римскій бытъ, старается подчеркнуть обстоятельства, представляющія съ нимъ контрастъ.

Заручившись этимъ предварительнымъ соображеніемъ, можно всмотрѣться поближе въ слова Тацита. Прежде всего не трудно видѣть, что слова эти расположены въ двухъ правильныхъ рядахъ: одинъ длинный - вначалѣ, другой болѣе короткій - въ концѣ; первый рядъ: „agri pro numero cultorum ab universis invicem occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praebent," а второй рядъ „arva per annos mutant et superest ager." Такимъ образомъ получается извѣстный параллелизмъ: тамъ "agri", здѣсь "arvi"; тамъ "occupantur" и "partiuntur", здѣсь: "mutant";

тамъ: "*ab universis* ", здѣсь: " *per annos* ". Этотъ общій параллелизмъ чрезвычайно сильно навязываетъ читателю представленіе о постоянной смѣнѣ: сначала говорится, по отношенію ко всему обществу, что дѣлалось въ общинѣ въ совокупности племенъ, и затѣмъ,- что дѣлалось относительно отдѣльныхъ племенъ и отдѣльныхъ личностей. Значитъ, сначала идетъ характеристика захвата земли, занятія землевладѣнія, а затѣмъ, какъ пускали ее въ обращеніе, какъ пользовались ею. Захватъ земель дѣлается всей совокупностью племенъ, а пользованіе - отдѣльными лицами. Замѣтьте, что тутъ разница становится уже весьма ясной: замѣчается значительный прогрессъ въ сравненіи съ описаніемъ Цезаря. Въ описаніи Цезаря земля выдѣляется " *gentibus* ", а у Тацита - отдѣльнымъ лицамъ: " *singulis* ". Но впечатлѣніе постояннаго перехода и неустойчивости еще остается. Посмотримъ, какъ точнѣе характеризуются эти элементы. Всего яснѣе видно это во второй половинѣ, съ нея мы и начнемъ. Во второй половинѣ сказано: " *arva per annos mutant et superest ager* ". " *Arva* "- значитъ "пахатное поле", значитъ, тутъ говорится о тѣхъ поляхъ, которыя обрабатываются подъ хлѣбъ. Эти поля германцы берутъ въ перемѣшку на одинъ годъ; въ слѣдующемъ году ихъ забрасываютъ. Присмотримся къ этой характеристикѣ. Очевидно, Тацитъ сообщалъ тутъ нѣчто необычайное: въ римской обработкѣ такого забрасыванія не было и не могло быть. Здѣсь приходилось имѣть дѣло съ тѣснымъ мѣстомъ, въ которомъ дорожили каждымъ клочкомъ земли, и въ которомъ забрасываніе

земли не могло имѣть мѣста. У германцевъ "superest ager". Такимъ образомъ, обработка у нихъ, какъ мы выражаемся,- экстенсивная. Мы узнаемъ, что въ 5, 6 и даже въ послѣдующіе вѣка была масса земли, которая обрабатывалась именно по системѣ, вполнѣ подчиняющейся характеристикѣ Тацита: была масса земли, гдѣ люди жили настолько свободно, что пахали и искали себѣ жатву каждый въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ; пользовались клочками, какъ хотѣли, пока было можно, пока онъ былъ удобенъ; а затѣмъ переходили на другіе. При этомъ для того, чтобы усилить возможность богатаго урожая, они выжигали лѣсъ или траву, дѣлали, такъ называемые, запалы; оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ два или три года; пожинали жатву и переходили на другое мѣсто, а то, которое было обрабатываемо, возвращали подъ скотъ, пастбищу. Эта система, которая засвидѣтельствована для различныхъ мѣстностей Германіи, система обыкновенная повсюду, гдѣ мѣста много, а обрабатывающихъ мало; она называется "переложной" и основана на томъ, чтобы то тамъ, то здѣсь, вырывать изъ пастбища клинъ. Основа хозяйственной системы германцевъ - то же самое пастбище. Племя только что начинаетъ переходить изъ одного состоянія въ другое: оно перестаетъ передвигаться постоянно, выходитъ изъ пастушескаго состоянія, но оно еще не руководствуется никакими опредѣленными сѣвооборотами. Это хозяйство самъ Тацитъ характеризуетъ, какъ чрезвычайно экстенсивное |et superest ager|. Такимъ образомъ, германцы имѣли систему неправильно переложнаго хозяйства.

Въ первой половинѣ дѣло идетъ не о хозяйствѣ, а о занятіяхъ земли и о владѣніи ею.. Для того, чтобы владѣніе было подъ стать такому хозяйству, и чтобы отдѣльныя хозяева могли передвигаться, имъ нужно было поле, гдѣ они могли бы разойтись; и дѣйствительно, это обусловливается порядкомъ владѣнія, описаннымъ въ первой части, гдѣ говорится объ "agri", т.е. о пастбищахъ. "Agri" это земли, занимаемыя всей совокупностью племени, чтобы потомъ поступить въ раздѣлъ. Но, какъ онѣ поступаютъ въ раздѣлъ? Занятіе и раздѣлъ земли опредѣлены двумя условіями: "pro numero cultorum" и "secundum dignitationem". Очевидно, первое условіе указанс Тацитомъ, чтобы внушить читателю, что земли очень много, что она не давитъ на "cultores" и что ея захватываютъ столько, сколько есть обрабатывающихъ; здѣсь нѣтъ такого спроса и тѣсноты, которые извѣстны въ культурныхъ странахъ, напр.- въ Римѣ. Въ данномъ случаѣ не приходится считаться съ какими-нибудь внѣшними, ограничивающими обстоятельствами. Затѣмъ, когда земля занята, ее дѣлятъ "secundum dignitationem" Относительно "dignitatio" можно спорить и о немъ много спорили; нѣкоторые понимали "dignitatio" въ смыслѣ оцѣнки качества земли, но подобное пониманіе мало вѣроятно, потому что при такой чрезвычайно экстенсивной системѣ хозяйства, какою представляется неправильная переложная система, точная оцѣнка прямо немыслима. Въ томъ

Директоръ Курсовъ

случаѣ, когда землю занимаютъ на одинъ годъ, ее нельзя строго оцѣнить, строго уравнять. Гораздо возможнѣе другое толкованіе, что "*dignitatis*", какъ впрочемъ обозначаетъ само слово, указываетъ на соціальную оцѣнку, такъ что тотъ, кто принадлежалъ къ разряду "*nobiles*" - получалъ очень много; "*ingenuus*" - свободный человѣкъ средняго состоянія - получалъ средній надѣлъ, "*libertus*" - полусвободный - еще меньше. Во всякомъ случаѣ "*dignitatis*" было сообразованіемъ съ общественнымъ положеніемъ лица, съ его достоинствами. Впрочемъ, эта сторона дѣла не такъ важна: главное дѣло заключается въ томъ, что все занятіе представляется опять таки не совсѣмъ устойчивымъ, потому что прибавлено: "*invicem*" - поочередно. Предполагается, значитъ, что племя можетъ занять землю на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ перемѣститься. Предупреждаю, что относительно "*invicem*" сомнѣвались и предлагали поправки, но никакія поправки не нужны, если онѣ не строго необходимы. Здѣсь нѣтъ строгой необходимости вводить подобную поправку, такъ какъ дѣло объясняется весьма просто и при такомъ чтеніи мѣста: земли много, спора изъ-за нея нѣтъ и племена не стѣсняются тѣмъ, сколько нужно ея захватить.

Въ общемъ получается картина, которая не даетъ намъ достаточно опредѣленныхъ свѣдѣній объ отношеніи между племенами съ одной стороны, семьей - съ другой стороны и опредѣленнымъ лицомъ - съ третьей, но которая, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о порядкѣ владѣнія, связаннаго тѣсно съ правами совокупнаго обладанія землей,

не могущаго быть сильно индивидуализированнымъ. Индивидуализированное владѣніе всегда связано съ радвитіемъ примѣненія индивидуальнаго труда. Тотъ, кто мало вкладываетъ труда въ обработку, мало имѣетъ притязаній къ тому, чтобы сдѣлать извѣстный клочекъ земли, такъ сказать, индивидуальнымъ. Наоборотъ, при постоянныхъ переходахъ, при необходимости захватывать землю всѣмъ скопомъ, право совокупности - необходимо. Эта необходимость навязывалась вновь и вновь и поэтому изъ мѣста Тацита вытекаетъ совершенно ясно, что землевладѣніе это находится въ тѣснѣйшей связи съ коллективной, а не съ индивидуальной организаціей. Отношеніе индивидуумовъ къ землѣ - слабое, а отношеніе коллективныхъ соединеній - значительное и постоянно освѣжающееся. Указанныя мною черты хозяйственной организаціи германцевъ являются главными и основными при анализѣ соціальнаго устройства въ дальнѣйшемъ теченіи средневѣкового развитія. Пора теперь перейти къ вопросу, какъ на основаніи подобной организаціи устроилась организація политическая, съ какими государственными соединеніями намъ приходится имѣть дѣло. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получимъ опять таки изъ сопоставленія повѣствованій Цезаря и Тацита.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.

ЭПОХА ЦЕЗАРЯ. Выдающаяся черта политическаго устройства, описаннаго Цезаремъ, состоитъ въ томъ, что у гер-

манцевъ нѣтъ общаго племенного правительства. Каждая область, каждый *pagus* управляется своимъ князькомъ. Это, конечно, чрезвычайно низкое состояніе политической жизни, если запросы на государственную организацію еще такъ слабы, что единство государствъ, а въ данномъ случаѣ единство племенъ, ничѣмъ не осуществляется. *In pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum atque pagorum inter suos ius dicunt controversiasque minuunt.* X) Но любопытно, что уже Цезарь тотчасъ же указываетъ, какъ подъ вліяніемъ одной постоянной силы, одного политическаго условія начинаютъ образовываться и общія власти. Именно онъ говоритъ, что, когда начинается война, то разрозненныя области принуждены бываютъ сомкнуться. *Quum bellum civitas aut illatum defendit, aut infert, magistratus, qui ei bello praesint, ut vitae, necisque habeant potestatem, deliguntur.* Такимъ образомъ, можно сказать, и это чрезвычайно характерно съ общесоціологической точки зрѣнія, что силой, сковывающей впервые разрозненныя части, является борьба, столкновеніе съ чужеземцами. Ради этого столкновенія впервые чувствуется необходимость болѣе крѣпкой организаціи, и эти недисциплинированные свободолюбивые люди соединяются подъ властъ одного какого-либо предводителя. Не будетъ большимъ предвосхощеніемъ послѣдующаго сказать, что мы тутъ видимъ власть, кото-

X) I. VI. C. 23.

рая будетъ сопровождать германскія племена - это власть герцога, военнаго предводителя, какъ такового, власть того, кто ведетъ войско. Замѣтьте, что власть эта очень значительна: въ военное время герцогъ имѣлъ право казнить, право *vitae necisque*, въ то время какъ *principes* въ мирное время имѣютъ право только *minuere controversias* - уменьшать и разрѣшать столкновенія. Всѣ эти выраженія, подобранныя по обыкновенію Цезаря очень точно, хотя и кратко, указываютъ на возможность возникновенія болѣе сильной и сосредоточивающей власти. Но рядомъ съ этимъ, по Цезарю, вліяніе военныхъ потребностей выражается и въ другой формѣ, уже содѣйствующей совсѣмъ не дисциплинѣ, а скорѣе внесенію въ нее постояннаго элемента броженія и колебанія. Дѣло въ томъ, что кромѣ большихъ войнъ, которыя требуютъ сильнаго напряженія общественности и вызываютъ существованіе дисциплинирующей власти съ значительными правами, племена этого времени встрѣчаются лицомъ къ лицу съ набѣгами, мелкими стычками и пограничными распрями: въ данномъ случаѣ не ощущается никакой потребности во власти такого постояннаго предводителя съ опредѣленной и строгой командой. Тутъ нужна была другая власть и потребность въ ней вспыхиваетъ и затухаетъ постоянно. Въ виду этого на удовлетвореніе потребности такого рода формируется другая власть: на вѣчѣ безъ всякаго опредѣленнаго указанія вокругъ отдѣльныхъ наиболѣе подходящихъ лицъ образуются шайки для грабежа. Цезарь описываетъ это такимъ образомъ: онъ говоритъ, что можетъ случиться, на вѣчѣ

или собраніи затѣется какое-либо важное предпріятіе; тогда встаетъ кто либо изъ князей и разъясняетъ, въ чемъ дѣло и какой набѣгъ онъ хочетъ устроить. Вслѣдъ за этимъ поднимаются тѣ, которые сочувствуютъ этому дѣлу и этому предводителю, и собираются вокругъ него.[X] Очевидно мы тутъ имѣемъ дѣло съ добровольной дружиной, которая отличается тѣмъ, что связь ея основана исключительно на условіяхъ общаго дѣла и общаго желанія. Нѣтъ никакихъ принудительныхъ вспомогательныхъ связей: люди идутъ не потому, что подчиняются какой-либо власти, а потому что хотятъ этого, хотятъ въ настоящее время и можетъ быть черезъ нѣсколько времени перестанутъ хотѣть.

Само собою разумѣется, что сущность подобнаго политическаго соединенія чрезвычайно характерна для первоначальной организаціи этого времени. Замѣтьте, что тутъ Цезарь проронилъ слово еще объ одномъ учрежденіи. Вызовъ въ шайку, дружину совершается *in consilio* и, очевидно, здѣсь онъ разумѣетъ не совѣтъ вождей, а совѣтъ общеплеменной, то есть вѣче, потому что *in consilio* встаютъ не только вожди, но и тѣ, которые къ нимъ присоединяются, значитъ народъ, вооруженные люди. Но больше Цезарь о вѣчѣ ничего не говоритъ и такъ какъ у него

---

[x] *Atque ubi quis ex principibus in consilio dixit, se ducem fore, qui sequi velint, profiteantur, consurgunt ii, qui causam et hominem probant, suumque auxilium pollicentur atque ab multitudine collaudantur.* (L. VI. C. 23)

нѣтъ никакого отдѣльнаго его описанія, то онъ, слѣдовательно, не считаетъ вѣче особенно важнымъ, особенно существеннымъ учрежденіемъ. Важнѣйшую роль по его мнѣнію играютъ представители власти, герцоги, начальники шаекъ и князья.

ЭПОХА ТАЦИТА. Переходя теперь къ гораздо болѣе подробному описанію Тацита, мы встрѣтимся съ значительнымъ развитіемъ на почвѣ всѣхъ этихъ политическихъ отношеній. Все то, что мы видимъ у Цезаря, встрѣчается и у Тацита, но эволюція за это время совершилась значительная, потому что условія измѣнились. Прежде всего то вѣче, которое однимъ только словомъ упомянуто у Цезаря, является у Тацита, какъ первое, главное, центральное политическое учрежденіе народа. Описывая порядокъ производства и рѣшенія дѣлъ, Тацитъ прямо говоритъ, что только менѣе важныя дѣла предоставлялись князьямъ, а болѣе важныя рѣшались вѣчемъ, на собраніи, но при томъ такъ, что даже то, что рѣшалось вѣчемъ, предварительно разсматривалось на съѣздѣ князей.[x] Власть принадлежитъ такимъ образомъ громадѣ, народу, сошедшемуся на вѣче.

Этому вѣчевому собранію посвящена Тацитомъ подробная и важная характеристика, которую намъ и нужно разсмотрѣть.

---

x| De minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen, ut ea quoque, quorum apud plebem arbitrium est, a principibus praetractentur.

Прежде всего, это собраніе вооруженныхъ людей. Затѣмъ, если мы будемъ искать въ немъ элемента верховенства, то есть если будемъ спрашивать, какая изъ двухъ властей направляетъ рѣшеніе въ случаѣ столкновенія, то надо сказать, что это власть народа. Германцы собираются на вѣче въ опредѣленные дни въ началѣ или въ концѣ мѣсяца.[x] Кромѣ этихъ обычныхъ собраній, конечно, могли быть и чрезвычайныя. Тацитъ подробно описываетъ открытіе этого обычнаго собранія и его дѣлопроизводство. Открывается оно жрецами, а не князьями, не постоянными начальниками.

Эти же sacerdotes имѣютъ въ своихъ рукахъ и руководство собраніемъ; они, если можно такъ выразиться, его предсѣдатели. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ весьма распространенныхъ и обыкновенныхъ условій, предсѣдательствуютъ въ собраніи не тотъ или другой начальникъ племени, а жрецы, и вовсе не потому, чтобы первые отсутствовали, но очевидно, что они уступаютъ первенство жрецамъ для того, чтобы быть равными членами собранія.[xx] Затѣмъ выслушиваютъ короля или князя, при чемъ обращаютъ вниманіе на его возрастъ, краснорѣчіе, знатность.[xxx] Но тѣмъ не менѣе рѣшеніе принадлежитъ собра-

---

x| Coeunt certis in diebus, cum inclinatur luna aut impletur.

xx| Silentium per sacerdotes, ex quibus tunc et coercendi arbitrium est, afficitur.

xxx| Tunc rex vel princeps, prout aetas cuique, aut nobilitas aut facundia est audiuntur.

нію: оно можетъ или принять предложеніе громомъ оружія или отвергнуть его ропотомъ. Итакъ, верховная власть принадлежитъ вѣчу, потому что всѣ остальныя существующія въ народѣ власти, имѣютъ подчиненное значеніе.

Это обстоятельство, эта демократическая организація, основанная на первоначальномъ грубомъ пониманіи равенства всѣхъ свободныхъ людей, способныхъ защищаться оружіемъ, объясняетъ многое и въ постановкѣ властей. Эти власти или начальники, съ которыми мы принуждены считаться, подводятся къ тремъ категоріямъ: мы слышимъ о князьяхъ - principes , герцогахъ - duces и, наконецъ, королякъ - reges . Относительно указывается преимущественно на ихъ судебное значеніе: это такъ же, какъ и у Цезаря, главари, старѣйшины, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ своимъ областямъ.

Можетъ быть, доказать этого въ настоящее время мы и не можемъ, но впослѣдствіи сдѣлаемъ нѣкоторыя указанія и соображенія. Весьма вѣроятно, что власть ихъ имѣла родовой характеръ, но такъ или иначе это областные, мѣстные главари, которые утверждаются на общественныхъ собраніяхъ. Principes , говоритъ Тацитъ, eliguntur in iisdem conciliis et principes qui jura pergagos vicosque reddunt.

Повидимому, мы имѣемъ тутъ какъ бы повтореніе Цезаревой характеристики Centeni singulis ex plebe consilium simul atque auctoritas.

Но въ данномъ слкчаѣ, Тацитъ сказалъ нѣсколько больше: онъ говоритъ о томъ, что эти главари судятъ не отдѣльно, не единолично, а въ совокупности съ значительной частью

помощниковъ, спутниковъ. По сотнѣ такихъ спутниковъ является у каждаго изъ нихъ: они подаютъ совѣты и придаютъ рѣшенію авторитетъ. Эти centeni comites подали поводъ къ различнымъ соображеніямъ и толкованіямъ. Буквально выходитъ, что это есть ни что иное, какъ римскій порядокъ, только въ нѣсколько измѣненной формѣ. Эти спутники были и въ Римѣ, но они признавались тамъ менѣе обязательными, чѣмъ въ данномъ случаѣ. Магистратъ судитъ, а при немъ находится "cohors consilium", который ему помогаетъ своими совѣтами и поддержкой. Но цѣлый рядъ соображеній, особенно въ сравненіи съ позднѣйшей исторіей, указываетъ на то, что Тацитъ передалъ намъ не совсѣмъ точно и съ нѣкоторыми недоразумѣніями одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ германской организаціи. Германскій судъ былъ не магистратурой, не судомъ должностного лица: онъ вытекалъ не изъ понятія приказанія, а изъ понятія совѣщанія и имѣлъ коллективный характеръ. Тѣ centeni', о которыхъ говорится въ данномъ случаѣ, являются неловкимъ римскимъ пересказомъ или перифразой. Сотня - это учрежденіе, которое встрѣчается на всемъ протяженіи разселенія германскаго племени, у готскихъ племенъ, у датчанъ и шведовъ: каждый князь судитъ со своей сотней, но авторитетъ заключается въ ней; эта сотня есть ни что иное, какъ извѣстный округъ, мѣстная часть племени, которая складывается подъ названіемъ сотни. Такое численное названіе для области довольно часто встрѣчается въ исторіи. Вы знаете, что напримѣръ, въ русской исторіи, особенно въ военной организаціи, значительную роль играетъ тысячное обозначеніе. Этимъ

обозначается, что приблизительно сто хозяевъ, сто дворовъ составляютъ извѣстный округъ, такъ какъ, разумѣется, точное перечисленіе невозможно. Такимъ образомъ, князья, *principes* выдвигаются прежде всего какъ носители судебной власти.

Совершенно другое представленіе составляется о герцогахъ; тутъ мы встрѣчаемся съ той общественной властью, которая возникаетъ въ случаѣ военной потребности. *Dux* - это *magistratus communis*, и при томъ избранный за доблесть |*duces a virtute sumunt*|.

Но любопытно, что подъ вліяніемъ постояннаго давленія военныхъ потребностей герцогская власть можетъ закрѣпиться. Отвѣчая на потребности отдѣльныхъ походовъ, она появляется въ качествѣ отдѣльнаго командованія; отвѣчая на потребности постоянной борьбы, она переходитъ во власть короля. Любопытный примѣръ стремленія образовать въ народѣ власть постояннаго командира даетъ исторія знаменитаго Арминія, побѣдителя въ Тевтобургскомъ лѣсу. Онъ стоялъ во главѣ херусковъ въ опредѣленномъ походѣ и одержалъ побѣду; но не смотря на это, племя продолжало оставаться въ чрезвычайно опасномъ положеніи; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Арминій постоянно стремился изъ герцога сдѣлаться королемъ. Что это значило? Это значило - пріобрѣсти лично для себя нѣкоторый большій почетъ, блескъ, но главнымъ образомъ закрѣпить власть за своими наслѣдниками. Разница, какъ говоритъ Тацитъ, въ томъ, что королевская власть уже имѣетъ династическій характеръ, а у гер-

цогской его нѣтъ. *Reges a nobilitate, duces a virtute sumunt.*

Любопытно обратить вниманіе на то, что эта концентрація власти страннымъ и на первый взглядъ непонятнымъ образомъ всего ранѣе развивается и всего болѣе имѣетъ успѣха не на западѣ, а на востокѣ. По описанію Тацита, тѣ племена, которыя представляютъ наиболѣе сильную организацію королевской власти, племена какъ разъ восточно-германскія. Это какъ будто бы противорѣчитъ нашему основному выводу, такъ какъ королевская власть, власть военачальника, появляется и развивается подъ вліяніемъ борьбы, заставляющей особенно югозападныя племена становится подъ одну общую, центральную команду. Но не надо забывать, что и на востокѣ происходила также военная нужда: тамъ тоже происходила борьба, только съ другими силами. На востокѣ германцы уже начали завоевывать другія племена - финновъ, насельниковъ сѣверной Россіи, и подъ вліяніемъ этого завоеванія у нихъ является усиленный запросъ на диктаторскую власть. Это самое вѣроятное предположеніе, объясняющее, почему готскія и вообще восточныя племена раньше начали вырабатывать королевскую власть, чѣмъ на западѣ. Но и на западѣ мы имѣемъ примѣры: неудачный примѣръ Арминія и удачный Марбода, начальника маркоманновъ.

Мы должны разсмотрѣть теперь еще одно учрежденіе, которое было намѣчено уже Цезаремъ и которое является у Тацита въ чрезвычайно характерной формѣ: это та же самая дружина. Есть ли это собраніе военныхъ спутниковъ

князя, какимъ оно является въ нашей лѣтописи, или оно имѣетъ болѣе случайный характеръ. Собираются около любого свободнаго человѣка, способнаго внушить довѣріе къ себѣ, какъ къ вождю. Дружинѣ Тацитъ посвящаетъ много мѣста и то, что онъ говоритъ, чрезвычайно важно. Обращу ваше вниманіе на то, что по поводу его словъ о дружинѣ были многочисленные и, по моему мнѣнію, пустые споры. Эти споры искажали истину и являлись только потому, что представители нѣмецкой исторической литературы все время стремились сдѣлать бытъ Тацита гораздо болѣе правильнымъ, цивилизованнымъ и придать ему болѣе законченный, чѣмъ это было въ дѣйствительности, болѣе порядочный, если можно такъ выразиться, видъ. Въ дѣйствительности главный интересъ этого изученія состоитъ именно въ томъ, что тутъ на глазахъ мы имѣемъ броженіе политическихъ формъ, выработки тѣхъ или другихъ государственныхъ управленій и учрежденій подъ вліяніемъ измѣняющихся обстоятельствъ.

Но принятіе такой общей точки зрѣнія съ большой долей колебаній и смутъ въ бытѣ германцевъ не подходитъ къ теоріи патріотическихъ нѣмецкихъ ученыхъ и поэтому они стараются доказать, что ихъ далекіе предки, эти полудикіе, едва переходящіе къ осѣдлому быту варвары были ничѣмъ не хуже тѣхъ римлянъ, съ которыми боролись. Яркій примѣръ этого мы видимъ въ ихъ отношеній къ дружинѣ. Цѣлый рядъ нѣмецкихъ писателей съ большимъ остроуміемъ доказываетъ, что дружина у Тацита имѣетъ исключительно оффиціальный характеръ: это гвардія, которая собиралась вокругъ племенного вождя

и которая, такимъ образомъ, входя въ организацію племени, не вносила въ нее никакого разрознивающаго вліянія.

Посмотримъ, какъ въ сущности описано у Тацита это добровольное политическое соединеніе людей. Прежде всего, если даже не строить доказательства на какихъ-либо мелочахъ, то въ центрѣ всего у Тацита стоитъ то обстоятельство, что дружина можетъ составляться изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ. Въ дружину собираются безъ различія племени. Если, напримѣръ, въ какомъ либо племени, хотя бы у хаттовъ, есть замѣчательный вождь и представляется случай пограбить и одержать побѣду, то къ хаттамъ бѣгутъ со всѣхъ сторонъ Германіи, собираются совершенно разноплеменные элементы, которые и ищутъ знаменитаго вождя, и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣгутъ на побѣду. Связь между дружиннымъ вождемъ и дружинникомъ не имѣетъ ничего общаго съ той связью, которая отличаетъ вѣче и князя. Самое характерное въ организаціи вѣча, это какъ разъ равноправность всѣхъ участвующихъ. Самое характерное въ дружинѣ это полное отсутствіе какихъ либо счетовъ между дружиной и предводителемъ: все въ дружинѣ дѣлается во славу и выгоду вождя, который даетъ дружиннику оружіе, коня и подарки, заботится о томъ, чтобъ ему было хорошо. Но это связь совершенно личная, связь личной вѣрности. Разъ это ясно установлено, то было бы своего рода педантизмомъ спрашивать, должна ли была дружина собираться около выборнаго областного князька или она могла собираться около всякаго. Вѣдь если даже дружина формировалась

вокругъ областного князя, то очевидно сила этого лица вытекала не изъ начальства надъ областью, а изъ авторитета, пріобрѣтеннаго надъ дружиной. Примѣры подобнаго рода организаціи нерѣдки: мы знаемъ, что такой князекъ изъ личнаго вліянія старается создать себѣ нѣчто новое: таковъ, напримѣръ, Аріовистъ. Десятки тысячъ людей собрались около него не потому, что онъ былъ областнымъ князькомъ какого нибудь одного свевскаго племени, а потому, что онъ былъ знаменитый и успѣшный предводитель. Но кромѣ того у Тацита въ главномъ мѣстѣ относительно дружины даже довольно прямо говорится, что она не пріурочивалась къ оффиціальному раздѣленію племени, что она собиралась подъ вліяніемъ свободныхъ соображеній. Нечего и говорить, что такая дружина, про которую прямо сказано *magnum comitatum non nisi vi bellogue tuare* можетъ держаться только силой успѣха и является постояннымъ элементомъ суматохи. Съ точки зрѣнія правильной организаціи она до нѣкоторой степени разбиваетъ и запутываетъ ея рамки.

Вотъ основные факты политической организаціи германцевъ, какъ они намъ переданы въ періодическихъ описаніяхъ римскихъ писателей - Цезаря и Тацита. Обращу ваше вниманіе на то, насколько одно простое соціологическое условіе - проведеніе твердой границы и пріостановка дальнѣйшаго движенія - измѣняетъ весь бытъ, и какимъ образомъ изъ него вытекаетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ фактовъ. Приходится заботиться о болѣе интенсивномъ трудѣ, о болѣе твердыхъ, организованныхъ

властяхъ. Обращу ваше вниманіе еще на одно политическое условіе примыкающее къ предыдущей характеристикѣ и наблюдаемое особенно ясно, потому что оно касается внѣшней организаціи, выходящей, такъ сказать, наружу. Въ эпоху Цезаря мы видѣли германцевъ, еще разбитыми на области и раздѣленными на племена. Если мы пройдемъ нѣсколько дальше, то мы встрѣтимся уже съ племенными союзами, составляющимися для того, чтобы отвѣтить на главные запросы того времени, на борьбу съ римлянами: таковы, напримѣръ, союзы маркомановъ и франковъ. Однимъ словомъ, подъ вліяніемъ этого постояннаго передвиженія получаются болѣе или менѣе постоянныя тенденціи къ соединенію между собою массъ, которыя сначала совершенно не сознавали внутренней связи своихъ интересовъ и держались въ раздробь. Это, повторяю, уже намѣчается сильнѣе всего съ III вѣка.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ГЕРМАНЦЕВЪ.

Теперь нашей задачей будетъ выснить главныя основы духовной культуры у германскихъ народностей до перехода ихъ на римскую почву. Въ данномъ случаѣ, прежде всего надо будетъ вспомнить то, что говорилось объ общемъ характерѣ ихъ національной культуры. Она находилась въ переходномъ состояніи отъ бродячаго и кочевого образа жизни къ осѣдлости. Мы имѣемъ тутъ дѣло не съ дикарями, потому что дикарями принято называть народы, которые такъ

долго и такъ постоянно живутъ въ неудачныхъ условіяхъ существованія, что они, такъ сказать, кристаллизируются на извѣстной низшей степени культуры,- народы, которымъ трудно переработаться съ точки зрѣнія высшаго развитія. Не разбирая въ подробностяхъ этотъ вопросъ чисто этнографическаго свойства, я укажу только на то, что культура дикарей, которую представляютъ, напримѣръ, сѣверо-американскіе краснокожіе и африканскіе негры, конечно, небезусловно не доступна ни вліянію извнѣ, ни дальнѣйшему развитію. Подобное вліяніе возможно даже относительно этихъ народовъ. Но эта возможность совершенствованія и доступность внѣшнему вліянію настолько неглубоко проникаютъ въ основы жизни, что мы имѣемъ здѣсь яркій примѣръ того случая, когда низшая культура совершенно не въ состояніи подняться, хотя бы постепенно, до уровня высшей. Краснокожіе Сѣверной Америки, напримѣръ, вымираютъ при столкновеніи съ высшей культурой. Что за причина этого? Есть ли это выраженіе психологической и физіологической неподвижности или приходится сказать, что тутъ слишкомъ рѣзокъ переходъ отъ одного состоянія къ другому. Это, повторяю, вопросы общей этнографіи и входить въ нихъ подробно мы не будемъ и только констатируемъ возможность подобнаго положенія. Тѣ дикари, или тѣ первобытные народы, съ которыми мы имѣемъ дѣло, являются не въ такой кристаллизованной формѣ: мы застаемъ ихъ еще въ періодѣ обладанія способностью дальнѣйшаго

Исторія Среднихъ Вѣковъ. Лекціи Проф. Виноградова.
Лит. Фельтманъ. Невскій № 122. Листъ 12.
Директоръ Курсовъ

развитія. Мы обыкновенно называемъ ихъ варварами.

Варвары - это податливая и подвигающаяся впередъ національность, еще свѣжая и мало разработавшая отвѣты на запросы какъ духовной, такъ и соціальной жизни.

Но хотя такимъ образомъ приходится подчеркнуть и первоначальность этой культуры и ея податливость, но нельзя упускать изъ виду, что у этихъ варваровъ образовались умственныя и нравственныя привычки, съ которыми нельзя не считаться, - привычки, видоизмѣняющіяся подъ вліяніемъ новыхъ потребностей. Насколько это важно, видно изъ того громаднаго запаса народныхъ обычаевъ, и нравственныхъ и умственныхъ привычекъ, которыя до сихъ поръ живутъ, не смотря на 20-й вѣкъ, въ нѣмецкомъ народѣ, восходя по своей генеалогіи къ самымъ древнимъ временамъ. Этихъ остатковъ совершенно не достаточно для того, чтобы оправдать идею какой то исконной, неразрушимой психологіи нѣмецкаго народа, которая проходитъ черезъ вѣка, не подчиняясь вліянію времени; но несомнѣнно, что въ жизни народа остались до сихъ поръ черты, которыя свидѣтельствуютъ теперь о бытѣ весьма отдаленныхъ временъ.

РЕЛИГІЯ. Не всегда бываетъ легко добраться до истиннаго корня ранней степени духовной и нравственной культуры народа. Сравнительно всего яснѣе выражается она въ религіи и въ томъ, что стоитъ въ бытѣ въ связи съ послѣдней, такъ какъ именно здѣсь во всѣхъ стадіяхъ развитія народа, въ его массовыхъ слояхъ, намѣчаются главныя попытки такъ или иначе высказать свои идеалы и вы-

яснить отношенія къ окружающему міру и божествамъ, имъ управляющимъ, и создать нравственный законъ. Но понятно, что тутъ не приходится стоять на чисто богословской почвѣ: религіозныя идеи связаны съ цѣлымъ рядомъ юридическихъ и общественныхъ условій folk-lore какъ принято теперь говорить. Если около этого центральнаго пункта мы будемъ собирать матеріалъ народныхъ повѣрій и преданій, то нельзя обойти одного изъ двухъ критическихъ вопросовъ. Вообще я не ставлю этихъ критическихъ вопросовъ, но въ данномъ случаѣ отъ ихъ постановки будетъ зависѣть такое отличіе во взглядахъ, что сказать о нихъ два слова - необходимо.

А| ИСТОЧНИКИ. Дѣло въ томъ, что количество наличныхъ непосредственныхъ свидѣтельствъ о древней германской религіи и бытѣ чрезвычайно скудно. Кое-что сказали въ нѣсколькихъ главахъ римскіе писатели; кое-что можно сказать на основаніи археологическихъ данныхъ, кое-что можно заключить изъ надписей римскихъ солдатъ германскаго происхожденія, которыхъ осталось, конечно, очень немного, и надписей прямо на германскихъ языкахъ; изъ рунъ, восходящихъ прямо къ древней эпохѣ. Весь этотъ матеріалъ необыкновенно скуденъ.

Но есть два ряда источниковъ, которые, если ихъ возможно привлечь, даютъ чрезвычайно богатую, яркую характеристику. Весь вопросъ въ томъ, можно ли ихъ привлечь и какъ ихъ привлечь.

Народная мудрость.

Во-первыхъ, мы имѣемъ, какъ извѣстно, чрезвычайно подробный матеріалъ изъ эпохи сѣвернаго язычества, скандинавскаго язычества. Скандинавскія данныя неудобны тѣмъ, что они являются сравнительно поздно и восходятъ не далѣе 10-го, можетъ быть, 8-го вѣка, но во всякомъ случаѣ, отсюда идетъ богатый матеріалъ сагъ, переработанныхъ въ такъ называемомъ сборникѣ Эдды, а отчасти - самостоятельныхъ.

Можно ли ими воспользоваться? Это матеріалъ позднѣйшій, матеріалъ, принадлежащій одному племени, которое попало въ совершенно исключительное положеніе, въ самое необыкновенное условіе существованія, наконецъ, это матеріалъ, хотя и языческій, но уже сложившійся въ то время, когда происходило массовое воздѣйствіе со стороны христіанства; въ общемъ, значитъ, это матеріалъ сомнительный; притомъ надо сказать, что за послѣднее время является, напримѣръ, цѣлая теорія, которая разсматриваетъ все пониманіе Эдды, какъ отраженіе христіанскихъ воззрѣній, принесенныхъ черезъ англосаксовъ. Если признать это, то тогда, очевидно, источникъ является чрезвычайно сомнительнымъ: имъ пользоваться почти нельзя. Но я долженъ сказать, что теперь дѣло стоитъ на болѣе удачной почвѣ, хотя и до сихъ поръ есть крупные представители архикритическаго направленія, смотрящіе на воззрѣніе сагъ, какъ на отраженіе христіанства и классическихъ легендъ. Онѣ главнымъ образомъ любопытны потому, что иногда, при совершенномъ отсутствіи возможности прямого воздѣйствія, подробно

развиваютъ факты, которые изъ древне-германскаго быта, представляются намъ лишь въ формѣ какого нибудь отдѣльнаго слова, или обрывка, весьма затруднительныхъ для насъ при толкованіи; несомнѣнно, гораздо лучше посмотрѣть, какъ представляются эти обрывки въ болѣе законченной формѣ въ скандинавскихъ легендахъ, чѣмъ дѣлать свои заключенія и комбинаціи. Эта-то возможность въ массѣ случаевъ связать эти легенды съ обрывками и слѣдами въ памятникахъ германскаго быта и даетъ основаніе для критики первоначальнаго состава скандинавскихъ легендъ. Если бы эти легенды стояли совершенно особнякомъ, то едва-ли была бы возможность рѣшить, представляетъ ли мѣфъ "Бальдура" простой пересказъ жизни Христа, Бога страдающаго, или это есть природный мифъ, который измѣнился подъ вліяніемъ болѣе позднѣйшихъ наслоеній. А при сравненіи съ фактами внутренней жизни древнихъ германцевъ можно сдѣлать заключеніе, ведущее къ признанію основы мифа, какъ обще германской.

Другой общій источникъ для нашей характеристики точно также заслуживаетъ нѣкотораго отступленія въ область критики, чтобы насъ не упрекали въ некритическомъ пользованіи фактами. Дѣло въ томъ, что массу нашихъ заключеній о религіозномъ бытѣ древнихъ германцевъ приходится почерпать изъ обычаевъ, обрядовъ и переживаній совершенно поздняго времени, въ бытъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, захолустныхъ частей племени, а иногда даже въ бытѣ образованныхъ людей, забывшихъ въ нѣкоторой

степени смыслъ обрядовъ, обычаевъ, поговорокъ. Какъ пользоваться этимъ матеріаломъ? Почему мы знаемъ, что явленія, наблюдаемыя нами не есть результатъ позднѣйшихъ обычаевъ, напр., 18-го, 17-го, 16-го вѣка, словомъ не той эпохи, въ которой дѣйствовали германцы Тацита. Тутъ главной критической опорой является возможность наблюденія переживаній на широкомъ полѣ. Если мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же именемъ, словомъ, съ однимъ характерно отлившимся обычаемъ на совершенно различныхъ концахъ, то приходится отнести существованіе такого обычая и такихъ наблюденій или къ совершенно общему предположенію, такъ сказать, къ общечеловѣческимъ свойствамъ, или къ пердположенію, что обычай идетъ изъ эпохи общенія германскихъ народовъ между собою. Такія сопоставленія сравнительнаго характера тѣмъ болѣе внушаютъ довѣрія, чѣмъ шире они распространяются въ извѣстной специфической формѣ, а не въ формѣ общей.

Вотъ тѣ предварительныя замѣчанія, которыя я вамъ хотѣлъ указать, и относительно которыхъ необходимо условиться, такъ какъ отъ нихъ будетъ зависѣть отчасти и самый матеріалъ характеристики.

В. ЖРЕЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ. Перейдемъ теперь къ содержанію этой характеристики: для насъ несомнѣнна тутъ всеобщая важность историческо-культурной, а не чисто миѳологической стороны. Начнемъ съ вопроса, который сначала кажется вопросомъ второстепеннымъ. Это вопросъ о культѣ и о лицахъ, которыя служатъ культу,- о жрецахъ. Я начну съ него не потому, что онъ центральный, а пото-

му, что отъ рѣшенія его зависятъ крайне важныя историческія послѣдствія. Въ зависимости отъ того, имѣемъ ли мы въ древней Германіи слѣды опредѣленной организаціи духовенства, опредѣленнаго жреческаго сословія, весь бытъ германцевъ получаетъ особую окраску: можно представить себѣ бытъ съ рѣзко выдѣленной кастой жрецовъ, какой, напримѣръ, были брамины въ Индіи; можно представить бытъ съ сильной церковью, какой являются друиды въ Галліи. Можно, наконецъ, представить себѣ бытъ безъ всякаго жреческаго сословія.

Для болѣе яснаго пониманія отрывочныхъ слѣдовъ, которые мы имѣемъ въ древне-германскомъ бытѣ, не лишнимъ будетъ сопоставить съ ними нѣкоторые факты изъ постановки дѣла у древнихъ народовъ. Возьмемъ древнихъ римлянъ: если вы спросите, были ли у нихъ жрецы и существовало ли у нихъ духовное сословіе, какъ каста? то надо сказать, что жрецы были, но что духовное сословіе еще только начало развиваться и не приняло еще формы сословія господствующаго. У римлянъ вы видите чрезвычайно ясно всѣ оттѣнки отъ жречества родового старшины, гражданскаго представителя, или вождя до жречества спеціальнаго колдуна или прорицателя. Первый жрецъ съ римской точки зрѣнія есть "rex sacri" — "ficulus" - это тотъ "basileus", который навсегда остается гражданскимъ жрецомъ, не смотря на переходъ отъ монархіи къ республикѣ. За родъ, за колѣно, за городъ приноситъ жертву вождь, родоначальникъ, и эта форма жречества совершенно не отдѣлима отъ дру-

гихъ гражданскихъ функцій. Когда мы дѣлаемъ характеристику греческаго царя, мы принуждены сказать, что онъ является жертвоприносителемъ, посредникомъ между народомъ и богами. Въ его власти есть священнослужительскій элементъ. Рядомъ съ этимъ стоитъ въ римской организаціи "pontifex ", на которомъ лежитъ уже совершенно спеціальная, совершенно жреческая обязанность, но который взятъ все-таки изъ гражданскаго общества, является его представителемъ, а не спеціально только жрецомъ; такимъ "pontifex " могъ быть и Юлій Цезарь, который былъ эдиломъ и преторомъ. Еще дальше въ смыслѣ спеціализаціи стоитъ разрядъ "авгуровъ", который еще не оторванъ отъ гражданской общины; Какой-нибудь Валерій Мессала является не только авгуромъ, но и вождемъ, общественнымъ дѣятелемъ. Но "haruspex "- это уже только жрецъ, который дѣйствуетъ на основаніи тайныхъ знаній и пріемовъ, который является до нѣкоторой степени спеціальнымъ колдуномъ, прорицателемъ. Такимъ образомъ переходъ отъ гражданскаго жречества къ жречеству профессіональному, является постепеннымъ; въ этомъ-то и заключается коренная разница постановки древняго жречества съ постановкой дѣла у кельтовъ, гдѣ друидизмъ является могущественной спеціально-жреческой кастой.

Какъ было дѣло у германцевъ? Разъ мы выяснили теперь, что могутъ быть жрецы гражданскіе и жрецы профессіональные, то для насъ особенно любопытно въ этой податливой древне-германской жизни, допускающей разныя направленія, отмѣтить корни и гражданскаго и профессіональнаго жречества. Гражданское жречество представ-

ляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя разновидности. Собственно говоря, въ обычномъ быту главный жрецъ, главный молельщикъ - это старшина, отецъ, родоначальникъ колѣна, князь и король.

Очень любопытная и самая яркая форма вырабатывается на сѣверѣ благодаря сближенію чисто германскаго жречества съ сѣвернымъ; съ этимъ развитіемъ сѣверной формы можно хорошо разъяснить ея суть. На сѣверѣ, въ Исландіи, гдѣ короля не было, гдѣ община появилась вслѣдствіи постоянной колонизаціи небольшихъ кучекъ людей изъ Норвегіи, до самаго завоеванія Исландіи норвежцами осталась форма, при которой гражданская власть устанавливается около такъ называемыхъ "godi": это старшина, который занимаетъ извѣстную область, селится съ чадами и домочадцами и ставитъ для нихъ жертвенникъ; онъ центръ области, потому что онъ приноситъ жертву. Съ этой точки зрѣнія всякій исландскій вождь является такимъ жрецомъ и самое его названіе "godi" показываетъ на отношеніе его къ богамъ. При этомъ нельзя сказать, что это жрецъ только семейнаго очага предковъ: онъ приноситъ жертву и Донеру и Одину, около него сосредоточивается въ обычномъ порядкѣ вся религіозная жизнь данной общины. Тотъ, кто въ ней правитъ является и ея іереемъ, священникомъ.

Въ Норвегіи мы наблюдаемъ уже восхожденіе къ болѣе высокой власти, напримѣръ, короля, причемъ встрѣчаются тѣ же самые факты, которые мы уже видѣли въ жизни греческаго племени въ отношеніяхъ его къ царю и богамъ. Царь обезпечиваетъ благосклонность боговъ къ пле-

мени. Въ общеніи людей съ богами посредникомъ является прежде всего царь. Поэтому, какъ въ Спартѣ, въ случаѣ несчастія, если оно происходило отъ боговъ, взыскивали съ царей, доказывая, что, значитъ, царь виноватъ въ томъ, что баги гнѣваются, такъ и на сѣверѣ царь считается причиной того, что дѣло идетъ хорошо, но онъ же и виноватъ, если дѣло идетъ дурно. Гольфданъ Черный въ Норвегіи былъ, напримѣръ, хорошій царь: онъ впервые соединилъ народъ подъ своею властью и государство при немъ процвѣтало. Поэтому, когда онъ умеръ, то для того, чтобы разъ навсегда обезпечить благосклонность боговъ, тѣло его разрѣзали на куски и развезли по разнымъ областямъ: народъ такъ сказать канонизировалъ его, и мощи его тѣла были какъ бы матеріальнымъ залогомъ союза съ богами.

Другой примѣръ, уже отрицательнаго характера, представляетъ Олафъ Третелгья | Traetelgja |, который еще раньше пользовался властью въ Норвегіи и пришелъ туда бѣглецомъ изъ Швеціи. Долго дѣла у него шли хорошо, но наступилъ въ странѣ страшный моръ и для того, чтобы избавиться отъ него нашли только одинъ выходъ: принесли царя въ жертву богамъ ради ихъ умилостивленія.

Религіозное освященіе политической власти можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ перенесено и на вѣче, и когда начинаетъ развиваться вѣчевая жизнь, то въ параллель богамъ, покровительствующимъ царямъ, являются боги, покровительствующіе вѣчу. Одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ германскаго язычества, военная надпись, найденная въ развалинахъ римскаго лагеря, обра-

щается какъ разъ къ покровителю вѣча Марсу. Марсъ - это римское названіе Тира или Ціу - богъ неба, съ которымъ намъ скоро придется познакомиться.

Рядомъ съ этимъ начинаютъ появляться элементы профессіональнаго жречества, упоминается о "sacerdotes" какъ объ опредѣленныхъ должностныхъ лицахъ. Помимо того, мы имѣемъ рядъ извѣстій даже у самаго Тацита о профессіональныхъ жрецахъ. Есть миѳъ о пророчицѣ Веледѣ въ Милетѣ, которая была взята въ плѣнъ римлянами. Являются, повторяю, начатки нѣкоторыхъ спеціальныхъ разрядовъ. Но эти жрецы еще не представляютъ касты и кромѣ нихъ есть власти политическія. Это жрецы отдѣльные, жрецы, которые, поэтому, не получили той роли, какую получили друиды у кельтовъ.

С| КУЛЬТЪ. Я указалъ вамъ на то, что жреческое сословіе и его организація не получили особаго развитія у древнихъ германцевъ. Мы разсматривали уже этотъ фактъ съ точки зрѣнія состава жрецовъ; теперь же я обращу ваше вниманіе на самый культъ, который по своему складу, по своимъ особенностямъ былъ таковъ, что не давалъ широкаго развитія для спеціальнаго жреческаго сословія.

Культъ былъ чрезвычайно простъ и неразвитъ. Правда мы встрѣчаемся со всѣми главными разновидностями культурныхъ проявленій ~~культурныхъ проявленій~~, съ тѣми разновидностями, съ которыми приходится считаться и теперь, только въ совершенной формѣ: мы встрѣчаемся съ молитвой, то есть обращеніемъ къ высшимъ существамъ, съ жертвами, попытками умилостивить божество при помо-

щи даровъ, съ богослуженіемъ, то есть извѣстными культовыми обрядами и церемоніями. Но все это поставлено крайне просто: молитва является большею частью проявленіемъ совершенно индивидуальнаго чувства, для нея не установлено еще никакихъ точныхъ формулъ; по крайней мѣрѣ до насъ дошло очень немного такихъ формулъ.

Повидимому, обращеніе къ богамъ было въ значительной степени свободно, совершенно индивидуально. Крайне слабое развитіе получила та сторона культа, которая могла бы подать поводъ къ развитію жреческаго сословія - именно заклинаніе. Въ томъ случаѣ, если заклинанія разсматриваются какъ формула строгая, требующая знанія подробностей, повышеннаго настроенія, особыхъ пріемовъ для того, чтобы стать въ связь съ божествомъ, на почвѣ подобныхъ заклинаній возникаютъ жреческія формы.

Вы видите такую почву и въ древнегреческомъ жречествѣ. Какой нибудь Хризей, который заклинаетъ Аполлона, является знатокомъ этихъ заклинаній; онъ умѣетъ говорить съ этимъ богомъ и поэтому только черезъ него должно итти обращеніе къ Аполлону. Въ дельфійскомъ оракулѣ вы видите другой примѣръ - жреческую коллегію, довольно систематически развивающую воззрѣнія, что человѣкъ, который долженъ войти въ сношеніе съ божествомъ, не можетъ находиться въ обыкновенномъ, такъ сказать, ежедневномъ состояніи, а долженъ находиться въ состояніи нѣсколько сверхъчеловѣческомъ, въ состояніи изступленія. На этой почвѣ собственно говоря развивается культъ Пиѳіи, потому что Пиѳія подъ вліяніемъ испареній

приходила въ нервное состояніе, въ состояніе изступленія и являлась посредницей между человѣкомъ и божествомъ. На этой же почвѣ стоятъ различные виды шаманизма. Колдуны и шаманы частью сознательно, частью полубезсознательно приводятъ себя въ состояніе изступленія, которое наводитъ страхъ и религіозное настроеніе на присутствующихъ и которое ихъ самихъ до нѣкоторой степени убѣждаетъ, что въ нихъ вселился духъ, что они находятся въ непосредственномъ сношеніи съ богами.

Этотъ моментъ заклинаній и такимъ образомъ особыхъ знаній, особыхъ формулъ, чрезвычайно слабо развитъ у древнихъ германцевъ, но нѣкоторые любопытные его зачатки все-таки есть. Изъ указаній сѣверныхъ матеріаловъ можно видѣть, что запросы на эти формы были, что появленіе такихъ людей, которые отличались чѣмъ либо необыкновеннымъ и умѣли сами сообщаться съ богами и другимъ давать это сообщеніе, производило чрезвычайно сильное впечатлѣніе и у германскихъ народностей. На сѣверѣ появляются такіе представители особаго общенія съ божествомъ, но любопытно, что это не національные жрецы: ихъ общеніе отчасти основано на представленіи объ особой мудрости, опытномъ знаніи чужеземнаго, и особенно финскаго происхожденія. Финны являются естественными колдунами и шаманами среди сѣверныхъ германцевъ, и эта репутація до такой степени твердо установилась за ними, что, напримѣръ, въ Швеціи вы и теперь найдете массу народныхъ представленій, по которымъ эти "квены" или "финны" являются почти легендарными суще-

ствами. Имъ приписываются чудодѣйственныя способности; всѣ сѣверяне убѣждены, что они, такъ сказать, прирожденные колдуны. По всѣмъ вѣроятіямъ, слѣды такого рода мы имѣемъ не только на Скандинавскомъ полуостровѣ, а и въ самой внутренней Германіи. Дѣло въ томъ, что въ германскихъ миѳахъ замѣчается признаніе извѣстной двойственности боговъ, признаніе, въ которомъ отражается появленіе чужеземныхъ культовъ. Всего сильнѣе это выражается въ представленіи о двухъ разрядахъ боговъ: о богахъ родныхъ, чисто-германскихъ - азахъ и чужеземныхъ, побѣжденныхъ азами, но до нѣкоторой степени примирившихся съ ними. Но все это только зачатки: дѣло не дошло еще до образованія какого либо жреческаго сословія, подобно тому, какъ въ Римѣ образовалось этрусское жречество точно также чужеземнаго происхожденія.

Другая сторона, которая также обыкновенно ведетъ къ основанію жреческихъ притязаній и къ обособленію спеціальнаго жреческаго сословія, это жертвоприношеніе. Жертвоприношеніе, когда оно становится центромъ культа, когда на немъ сосредоточивается религіозное вниманіе, можетъ потребовать такой обстановки, такихъ сложныхъ условій, что только спеціалисты могутъ имъ заниматься. На этой почвѣ выростаетъ, такъ сказать, профессія. Нечего и говорить, что у германцевъ жертва имѣла извѣстное культовое значеніе и являлась въ значительной степени человѣческой. О цѣломъ рядѣ случаевъ, когда приносится человѣческая жертва, свидѣтельствуютъ даже римскіе писатели; такъ, напримѣръ, въ праздникѣ въ честь

богини Нертусъ значительную роль играетъ то обстоятельство, что рабы или плѣнные, которые везутъ ея колесницу, должны быть убиты или потоплены. Вообще человѣческая жертва и пролитіе человѣческой крови, какъ особенно пріятное для боговъ, становится, какъ бы искупленіемъ или расплатой съ божествомъ. Примѣромъ можетъ служить вышеупомянутое принесеніе въ жертву датскаго короля Олафа Третельгья. Вмѣстѣ съ этими жертвами связаны громадныя пиршества, извѣстныя религіозныя процессіи уже составляющія начало правильнаго богослуженія. Таковъ объѣздъ богини "Нертусъ"- описаніе его даетъ намъ Тацитъ, который дѣлается въ сопровожденіи жрецовъ племенами, живущими у сѣвернаго моря. Но одно обстоятельство сейчасъ же укажетъ намъ, до какой степени эти начала слабо фиксировались. Дѣло въ томъ, что мѣсто богослуженія остается совершенно неопредѣленнымъ. Оно придерживается естественной обстановки: холмъ, пень, старое дерево - вотъ предметы, около которыхъ собираются для богослуженія. Храмовъ со всей той искусственной обстановкой, которая способствуетъ развитію сословно-жреческихъ отношеній, еще почти нѣтъ. Ясно, что въ эпоху борьбы съ римлянами эта форма богослуженія, то есть устройство правильнаго, красиво-построеннаго дома, по крайней мѣрѣ въ континентальной Германіи, еще не развилась. Впослѣдствіи она начала развиваться у скандинавскихъ германцевъ, но все же не достигла и тамъ опредѣленной законченности.

Такимъ образомъ, вы видите только слабые зачатки, ведущіе къ выдѣленію отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ группъ, но не приводящіе къ образованію кастъ. Тѣмъ не менѣе, хотя эти зачатки не вполнѣ кристаллизовались, но нужно считаться съ тѣмъ, что религіозныя отношенія между отдѣльными ча-

стями германскаго народа становятся настолько обычными и оживленными, что миѳы, которые возникаютъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, начинаютъ, такъ сказать, интегрироваться изъ мѣстныхъ миѳовъ въ миѳы областные, племенные и, наконецъ, народные, то есть имѣющіе широкое распространеніе не только среди людей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ культу, но и признаваемые среди лицъ и группъ, живущихъ вдали другъ отъ друга.

Чтобы выяснить въ чемъ дѣло и какое имѣетъ это значеніе, я приведу извѣстные факты, напримѣръ, изъ исторіи греческой миѳологіи. Вы знаете, какъ миѳы мѣстные становятся общегреческими, и тѣмъ самымъ привлекаютъ къ себѣ цѣлый рядъ элементовъ, способствующихъ развитію цѣлой системы взглядовъ на того или другого бога. Такова была въ сущности исторія Зевса, исторія Аполлона, который сначала сосредоточивается въ своихъ легендахъ около Дельфъ, около Делоса; исторія Діониса, сначала являющагося фракійскимъ миѳомъ, затѣмъ сливающагося съ миѳами восточными, наконецъ получившаго въ Аѳинахъ законченную форму и сдѣлавшагося общегреческимъ божествомъ. Тѣ обширные, сложные миѳы, которые по всей Греціи прошли изъ Дельфъ, являются наиболѣе сильнымъ отраженіемъ этой національной переработки первоначальныхъ мѣстныхъ культовъ.

Любопытно, что подобные же зачатки появляются въ германскомъ язычествѣ очень рано: они засвидѣтельствованы еще относительно эпохи Тацита, и потому, говоря о главныхъ богахъ, приходится считаться съ тѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ образованія областныхъ, племенныхъ и, наконецъ, народныхъ боговъ. Эти боги срастаются изъ различныхъ и разнородныхъ элементовъ. Очень характерно въ

этомъ отношеніи образованіе трехъ или четырехъ культовыхъ союзовъ, сначала разсѣянныхъ, разрозненныхъ племенъ и областей. Болѣе извѣстный изъ этихъ союзовъ, это свевскій союзъ или союзъ "эрминоновъ" въ средней Германіи; Тацитъ разсказываетъ, что у семноновъ была священная роща, какъ признакъ этой культовой связи. Такимъ образомъ, союзъ охватывалъ цѣлый рядъ свевскихъ племенъ, которыя признавали священную рощу и культъ семноновъ. Понятно, что такое отношеніе могло получиться, вслѣдствіе политическихъ сношеній племенъ, вслѣдствіе того, что свевскія племена находились въ чрезвычайно энергическомъ общеніи и потомъ объединились не только политическимъ, а и религіознымъ общеніемъ. Но надо помнить, что это распространеніе вѣрованій можетъ пойти дальше политическаго сближенія. Другой подобный племенной союзъ - это союзъ "Нертусъ" у Сѣвернаго моря.

I| К у л ь т ъ м е р т в ы х ъ. Перехожу теперь къ характеристикѣ матеріальныхъ основъ германскихъ вѣрованій, то есть къ выясненію того, на что сводились эти вѣрованія, чѣмъ руководились люди въ богопочитаніи, кто былъ для нихъ Богомъ. Въ Германіи языческой, особенно если взять древнѣйшіе пласты, не сложную миѳологію Эдды, а первоначальныя воззрѣнія, какъ они выяснились изъ скандинавскихъ религій, изъ скандинавскихъ повѣстей, чрезвычайно сильно отмѣчено религіозное значеніе культа мертвыхъ, какъ одна изъ основъ. Замѣтьте, что я говорю не предковъ: культъ

предковъ - это одна изъ разновидностей культа мертвыхъ. Мертвый, покойникъ требуетъ себѣ культа при извѣстныхъ условіяхъ, потому что онъ силенъ и страшенъ, а не потому, что онъ предокъ. Обращеніе къ предкамъ, повторяю, есть только одинъ изъ видовъ культа мертвыхъ, къ нему то мы прежде всего и обратимся.

Обращеніе къ предкамъ связано прежде всего съ извѣстнымъ предположеніемъ, что душа покойника должна поддерживатся въ своемъ матеріальномъ положеніи: естественно, помочь покойнику въ этомъ отношеніи должны родные. Онъ точно также нуждается въ предметахъ пищи и обихода: до самаго послѣдняго времени являются краснорѣчивые слѣды вѣры въ отдѣльное отъ тѣла матеріальное существованіе души отошедшаго среди этихъ людей. Я думаю, что нисколько не менѣе краснорѣчивыми свидѣтельствами, чѣмъ какія бы то ни было скандинавскія сказанія, или отдѣльныя отрывки римскихъ писателей является тотъ фактъ, что шведы въ деревняхъ до сихъ поръ хоронятъ мертваго, кладя ему бутылку водки, а во внутренней Германіи поступаютъ гораздо болѣе трезво: вмѣстѣ съ мертвымъ кладутъ зонтикъ и калоши. Изъ этого полнаго представленія, что надо экипировать мертваго, снарядить его для его будущей жизни и питать, развиваются громадные поминальные пиры. Въ сѣверныхъ легендахъ является весьма ясная мысль, что мертвый самъ присутствуетъ на этомъ пиру въ качествѣ какъ бы представителя поминокъ. Въ крестьянскомъ быту, да и не въ одномъ крестьянскомъ, ничто въ настоящее время такъ сильно не раззоряетъ, какъ свадьба и похороны: хоть раззорись, а непремѣнно устрой хорошія поминки мертвому: особенно,

если есть особыя основанія бояться мертваго человѣка, если покойникъ былъ почему-нибудь человѣкъ опасный или злой, то его надо умилостивить и почтить. Но у германцевъ является иногда и попытка бороться съ такимъ злымъ мертвымъ: напримѣръ, самоубійцу сжигаютъ въ томъ убѣжденіи, что вмѣстѣ съ трупомъ сжигается душа, какъ нѣчто матеріальное, но что это можно сдѣлать только огнемъ, и притомъ огнемъ священнымъ.

Отмѣтивъ эти ясные слѣды культа предковъ въ пиршествахъ, приходится сказать, что ничего подобнаго тому тщательному развитію культа предковъ, которое даетъ греческая и римская религіи - германская не даетъ. Это очень хорошо ладится съ тѣмъ обстоятельствомъ, что родовая организація у германцевъ находилась въ зачаточномъ состояніи и въ значительной степени была разстроена и разбита; поэтому и культъ родовой не отлился въ нѣчто опредѣленное. Наоборотъ, чрезвычайно сильно развились культы, которые относились къ умершимъ, какъ къ духамъ, оживляющимъ природу - культы привидѣній. Культы привидѣній выражаются во всѣхъ возможныхъ формахъ. Одинъ изъ самыхъ древнихъ культовъ привидѣній связанъ съ представленіемъ о томъ, что душа человѣка сообщается съ мертвыми во снѣ. Когда человѣкъ спитъ, обыкновенная логика для него неприемлима: онъ находится подъ вліяніемъ впечатлѣній, которыхъ варваръ не въ состояніи анализировать, находится въ общеніи съ мертвыми и самая страшная форма этого общенія состоитъ во встрѣчѣ съ злыми привидѣ-

ніями. "Мара"[x] - это привидѣніе мертваго, однимъ словомъ привидѣніе[xx], которое мучитъ человѣка во время его сна. Въ иныхъ случаяхъ идетъ разсказъ о томъ, что привидѣніе убиваетъ человѣка: это связано съ представленіемъ о пагубныхъ вампирахъ. Замѣтьте, что вампиръ есть слитная форма славянскаго происхожденія, но во всякомъ случаѣ она утвердилась и у германцевъ. Мало-по-малу продумывая дальше эту основную идею, что душа есть нѣчто матеріальное, несовпадающее съ тѣломъ, а совершенно отличное отъ него, германцы развиваютъ мысль о двойной природѣ человѣка, Они думаютъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ существъ, которыя оба нѣсколько матеріальнаго свойства и существуютъ вмѣстѣ: когда одно изъ нихъ погибаетъ, другое остается и сохраняетъ возможность существованія; это такъ называемая "fylgja", то есть возможность отдѣленія души отъ человѣка, и даже не всей души, потому что человѣкъ, отъ котораго отошла душа, можетъ ѣсть, пить. Изъ этого получаются различныя хитрыя комбинаціи: такъ человѣкъ можетъ спотыкнуться на нее и т.д. Но основная идея заключается въ возможности матеріальнаго отдѣленія души и двойственности ея; это идея двойника | fylgja |.

---

x| Mors, ср. наше моръ.

xx| Во французскомъ языкѣ этому понятію соотвѣтствуетъ cauchemar и англійскомъ - more.

Первоначальный двойникъ есть результатъ раздвоенія человѣка въ его двухъ видахъ. Отсюда развивается и идея оборотня. Когда отъ человѣка ушла его душа, то она охотно переселяется въ тѣло могучаго животнаго, является "*verwolf*"- человѣкъ волкъ, "берсеркръ", сѣверный витязь, который становится бѣшенымъ и въ своемъ бѣшенствѣ бьетъ всѣхъ и самъ не замѣчаетъ ранъ. "Берсеркръ" это собственно оборотень, въ которомъ двѣ души - человѣческая и медвѣжья.

Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ являются попытки расчленить духовную природу человѣка, но всѣ онѣ приводятъ къ той или другой матеріализаціи этой природы.

2| Д е м о н ы и д у х и. Совершенно новый рядъ фактовъ открывается въ томъ случаѣ, когда германцы обращаются къ объясненію обыкновенныхъ явленій природы. Тутъ мы видимъ обратное: жизнь источника, жизнь горы, жизнь дерева, все понимается съ точки зрѣнія анимизма, влагающаго душу всюду: иначе какъ душой древній человѣкъ ничего не объясняетъ; онъ переноситъ душу во всѣ предметы.

Очень характерной является демонизація горныхъ мѣстностей, холмовъ въ германской миѳологіи. Есть цѣлый рядъ указаній на то, что когда умираетъ человѣкъ и его зарываютъ въ курганъ, онъ уходитъ въ гору. Этотъ курганъ становится мѣстомъ, въ которомъ постоянно появляется его привидѣніе; онъ скрывается тамъ и живетъ. Этотъ

взглядъ, что умершій уходитъ въ гору,[x] выражается въ извѣстномъ миѳѣ о Фридрихѣ Барбароссѣ, который сидитъ собственно не въ замкѣ, а въ горѣ - Кифгейзеръ. Миѳъ, который Вагнеръ воспроизводитъ въ Тангейзерѣ, есть миѳъ о Венериной горѣ | Venusberg |, въ которую удалились умершіе. Тутъ суевѣрный страхъ передъ высокой лѣсистой горой смѣшивается съ преданіемъ о дѣятельности покойниковъ, съ ихъ второй жизнью. Вотъ основные взгляды, изъ которыхъ развивается демонизація живой природы, но связь съ культомъ предковъ, съ культомъ мертвыхъ здѣсь иногда и теряется.

Въ первоначальномъ изученіи миѳологіи довольно обычно было противополагать почитаніе предковъ и мертвыхъ съ одной стороны, преклоненію предъ явленіями природы, съ другой. До сихъ поръ я старался показать вамъ, что на почвѣ германской миѳологіи очень хорошо выясняется тѣсная связь между тѣмъ и другимъ порядкомъ почитанія. Почитаніе мертвыхъ непосредственно переходитъ въ почитаніе духовъ и демоновъ, которые живутъ въ природѣ, потому что мертвые остаются близъ живыхъ, остаются въ связи съ тѣми условіями, которые окружаютъ этихъ послѣднихъ и производятъ на нихъ впечатлѣніе.

Укажу въ дополненіе къ сказанному еще на одинъ рядъ

---

x| Выраженіе "уходитъ въ гору" употребляется вмѣсто того, чтобы сказать "умеретъ"

фактовъ изъ германской миѳологіи, которые именно объясняются тѣсною связью между натуралистическими миѳами и миѳами мертвыхъ и предковъ. Это миѳы, которые сосредоточиваются вокругъ понятія "вѣтра". Вѣтеръ, буря, вьюга - все это явленія, которыя въ дѣйствительности приводятъ иногда къ страшнымъ потрясеніямъ въ душѣ человѣка. Въ этихъ заунывныхъ звукахъ, въ свистѣ и завываніи вѣтра людямъ чудятся непонятныя голоса: всѣ эти явленія объясняются первоначальными людьми какъ крики и вопли умершихъ. На этой почвѣ является обычное народное представленіе, глубоко засѣвшее въ сознаніи германскаго племени, представленіе о дикой охотѣ, о дикомъ, свирѣпомъ и неистовомъ охотникѣ, который гонится съ покойниками по полямъ и горамъ; при этомъ поднимается страшный вѣтеръ и вьюга, и когда люди слышатъ это, то говорятъ, что несется неистовое войско, неистовая охота Одина.[x] Это совершенно обыкновенное народное представленіе, которое до сихъ поръ держится у нѣмецкаго племени. Но обратите вниманіе на то, какъ это самое представленіе объ охотѣ Одина съ его спутниками преобразуется въ миѳы, очень опредѣленные, извѣстные намъ въ другой комбинаціи и съ другой стороны, такъ сказать, со стороны скандинавскаго Олимпа: я разумѣю миѳы, связанные съ представленіемъ о жизни Валгаллы.

Дѣло въ томъ, что представленіе о неистовомъ войскѣ постепенно переходитъ въ представленіе о Валькиріяхъ, дѣвахъ битвы и Эйнгеріяхъ, бойцахъ Одина, которые воюютъ въ Валгаллѣ. Извѣстно, что обычное представленіе германцевъ о будущей жизни состоитъ въ томъ, что витязи

x/ Wilde Jagd, Wuthendes Heer.

продолжаютъ битвы и тамъ: каждый день они рубятъ и убиваютъ другъ друга, но снова у нихъ вырастаютъ новыя тѣла и они отправляются вмѣстѣ пировать, а затѣмъ опять идутъ въ бой. Представленіе это, хотя, конечно, и очень характерное, является представленіемъ мѣстнымъ, а не общегерманскимъ. Оно вырастаетъ на сѣверѣ подъ вліяніемъ военной жизни викинговъ и ихъ быта, который принимаетъ исключительный характеръ военныхъ идеаловъ. Но гораздо шире общее представленіе, что мертвые возвращаются съ вѣтромъ и проносятся съ Одиномъ его богомъ. При этомъ нѣтъ надобности непремѣнно пріурочивать это представленіе къ Валгаллѣ, царству мертвыхъ: валькиріи и эйнгеріи - это спутники Одина въ его дикой охотѣ.

Въ промежуткѣ между тѣмъ и другимъ представленіемъ стоитъ очень распространенный и обычный миѳъ объ оживленіи мертвыхъ на поляхъ великихъ сраженій. Великія сраженія производятъ необыкновенное впечатлѣніе, не только на тѣхъ, кто видѣлъ ихъ, но и на тѣхъ, кто лишь слышалъ о нихъ. И вотъ мы встрѣчаемся съ представленіемъ о томъ, что бойцы, которые упорно оспариваютъ другъ у друга верхъ, и послѣ того какъ они пали на дѣйствительномъ полѣ сраженія продолжаютъ сражаться въ воздухѣ. Извѣстна легенда о томъ, что Каталаунская битва послѣ дѣйствительнаго окончанія продолжалась еще нѣсколько дней надъ землею: и римляне и гунны продолжали биться въ облакахъ. Совершенно уже при-

нимаетъ характеръ Валгаллы миеъ о борьбѣ двухъ вождей изъ-за женщины |мотивъ ссоры весьма обыкновенный|. Одинъ изъ викинговъ отнимаетъ сестру у другого; оскорбленный, пылая местью, поднимается на врага со всѣми своими соратниками и родственниками. Начинается борьба, въ которой всѣ погибаютъ. Погибаетъ и Гильда, та женщина, изъ-за которой возникла война. Поле покрыто трупами, и вотъ Гильда каждое утро пробуждаетъ павшихъ витязей для новой битвы. Это уже своего рода Валгалла, но только любопытно окрашенная идеей о тяжести неустанной борьбы, неустаннаго подвига, Валгалла, разсматриваемая съ нѣсколько песоимистической стороны: это уже не постоянный праздникъ или своего рода турниръ, который происходитъ въ Валгаллѣ, гдѣ люди убивая другъ друга все-таки не расплачиваются жизнью. Здѣсь усталые воины засыпаютъ до новаго утра, до новой битвы.

Повидимому всѣ эти миеы, принимающіе опредѣленный бытовой характеръ, по происхожденію своему вытекаютъ изъ культа мертвыхъ и изъ культа вѣтра. На этомъ миеѣ вы видите какъ одно и то же явленіе можетъ поддаться миѳологическому творчеству съ двухъ сторонъ: воетъ вѣтеръ - значитъ скачетъ охота мертвыхъ.

2| В ы с ш і е б о г и: а| Т и в а с ъ, в| Т о р ъ, с| О д и н ъ.

а| Тивасъ, Тиръ, Ціу. Переходя теперь къ характеристикѣ высшихъ боговъ, которые получили наибольшее рас-

пространеніе, я особенно прошу васъ обратить вниманіе на то, что одна и та же форма можетъ перелиться въ нѣсколько различныхъ образовъ, можетъ пройти нѣсколько періодовъ въ своемъ развитіи. По имени и по своей исторіи традиціи - это одинъ и тотъ же богъ, но у него различныя свойства, смотря по тому, въ какой моментъ мы его наблюдаемъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего любопытно, что мы имѣемъ и у германцевъ ясные слѣды нѣсколькихъ наслоеній въ ихъ представленіи о высшихъ богахъ. Для краткости, я укажу ихъ только на примѣрѣ трехъ боговъ, которые выдвигаются впередъ другъ за другомъ и послѣдовательно вытѣсняютъ другъ друга. Въ древнѣйшемъ періодѣ, повидимому, главнымъ богомъ, пользовавшимся наибольшимъ распространеніемъ, былъ Тивасъ - богъ яснаго неба. Затѣмъ выдвигается въ качествѣ главнаго бога Торъ и, наконецъ, Одинъ. Тивасъ, Торъ и Одинъ - это три періода германской миѳологіи и ихъ можно расчленить довольно ясно. Тивасъ - самое имя мы добываемъ не прямо изъ источника, а на основаніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія. Въ исторіи намъ встрѣчается уже другое названіе: онъ называется Тиръ или Ціу, смотря по тому какъ перемѣняются основныя формы въ отдѣльныхъ языкахъ. Но это названіе намъ хорошо извѣстно изъ греческой миѳологіи: оно родственно "Zeus" и, конечно, Deus piter - Юпитеръ; это богъ неба, и неба свѣтлаго.

Это богъ, который собственно не имѣетъ совершенно опредѣленнаго отношенія ни къ земледѣльческой обработкѣ, ни къ военной жизни; онъ является еще, такъ сказать, безразличнымъ стихійнымъ богомъ, въ которомъ смѣшиваются

аттрибуты и солнца и яснаго неба, и въ которомъ человѣкъ чтитъ все то хорошее, что даетъ ему небо.

Съ этими аттрибутами особенно развился культъ Нвердъ и Нертусъ, которые составляютъ пару, соотвѣтствующую парамъ греческой и римской миѳологіи: Зевса и Геры, Юпитера и Юноны. Стихійной силѣ неба прежде всего поклоняются какъ силѣ оплодотворяющей. Небо благодатно для людей потому, что оно оплодотворяетъ, и для его оплодотворенія должна быть земля; поэтому эти стихійныя божества являются обязательно парными у всѣхъ арійцевъ, да и у семитовъ. Нвердъ и Нертусъ всего яснѣе представляютъ комбинацію неба и кормилицы земли, получающей свое оплодотвореніе отъ блестящаго свѣтлаго неба.

Отростокъ этого стихійнаго культа извѣстенъ намъ въ совершенно преобразованной уже формѣ, на почвѣ миѳа этическаго, то есть онъ получилъ развитіе не съ точки зрѣнія своихъ стихійныхъ элементовъ, а съ точки зрѣнія чертъ извѣстнаго характера, который уловленъ народомъ. Это извѣстный миѳъ о Бальдурѣ. Бальдуръ прямой наслѣдникъ Шиваса - богъ неба, богъ природы растительной и животной, всей той природы, которая олицетворяетъ въ себѣ жизнь земли. Поэтому въ стихійномъ миѳѣ Бальдуръ принужденъ оживать и умирать, такъ какъ земля умираетъ осенью и оживаетъ весною.

Такова стихійная подпочва миѳа о смертномъ снѣ и воскресеніи бога. Но на сѣверной почвѣ этотъ миѳъ о Бальдурѣ является уже въ значительной степени видоизмѣ-

ненномъ. Весь разсказъ тамъ разыгрывается на почвѣ нравственныхъ отношеній. Бальдуръ - это незлобивый богъ, богъ, котораго всѣ любятъ; его ненавидятъ только великаны, особенно одна злая великанша - олицетвореніе зимы. Всѣ существа природы клянутся матери Бальдура, что никогда не сдѣлаютъ ему зла, и только одно растеніе омела не дало этой клятвы и дротикомъ изъ омелы слѣпой братъ убиваетъ Бальдура по наущенію Локки, своего рода Мефистофеля Сѣвера. Это, такимъ образомъ, натуралистическій миѳъ, переложенный на почву нравственныхъ отношеній. Вмѣсто борьбы между холодомъ и теплomъ, между весной и зимой является борьба между зломъ и справедливостью, результатъ которой - побѣда яснаго неба надъ зломъ. Вотъ на этихъ то двухъ концахъ и сложился миѳъ о Бальдурѣ, съ которымъ мы еще встрѣтимся, когда будемъ толковать объ обращеніи германцевъ въ христіанство.

в| Перейдемъ теперь ко второму періоду богопочитанія, въ которомъ выдвигается фигура Тора. Торъ - это главный богъ сѣверныхъ германцевъ, хотя онъ распространяется и во внутреннюю Германію. Подобно Тиру онъ имѣетъ свой день въ названіяхъ недѣли; Ціу оставилъ свое имя въ названіи вторника |Tirstag|. День Тора четвергъ |Donnerstag|[x] Богъ четверга, это богъ стихійный: если Ціу знаменуетъ собою ясное небо, то Торъ походитъ на Зевса по своимъ аттрибутамъ громовержца.

Но обращу ваше вниманіе на то, что онъ получаетъ также

---

[x] Donnerstag - скандинавскій Torstag.

извѣстную соціальную и политико-культурную окраску. Съ одной стороны - онъ богъ-покровитель земледѣлія и исконный, самый страшный врагъ дикихъ силъ природы, олицетворяемыхъ великанами. Въ борьбѣ съ ними онъ особенно знаменитъ, какъ богъ обработки земли, богъ осѣдлаго труда. Эта соціальная сторона чрезвычайно сильно развита въ Торѣ. Въ сѣверныхъ сагахъ она иногда даже принимаетъ отрицательную форму. Сѣверные миѳы, составленные съ большой литературной окраской, въ значительной степени способствуютъ выработкѣ представленія о немъ, какъ о грубомъ, неуклюжемъ, неловкомъ мужикѣ; онъ не то, что Одинъ, свѣтскій воинъ и въ то же время мужъ науки. Въ одной изъ сѣверныхъ пѣсенъ Эдды это сказывается въ формѣ прямого столкновенія. Одинъ является къ Тору и проситъ послѣдняго перевести его черезъ рѣку;[x] возникаетъ споръ, въ которомъ Одинъ упрекаетъ его за его тяжеловѣсность, за то, что онъ не знаетъ хорошихъ манеръ и цивилизованныхъ обычаевъ; тогда тотъ упрекаетъ Одина въ неособенно привлекательныхъ дѣйствіяхъ, напоминающихъ греческаго Гермеса, который, какъ извѣстно, былъ богомъ воровъ. Во всякомъ случаѣ, противоположность переходитъ тутъ уже на соціальную почву, и съ этой точки зрѣнія любопытно сопоставить Тора съ персидскимъ Ормуздомъ, который покровительствуетъ крестьянамъ, потому что является богомъ культурной работы.

с| Вслѣдъ за этимъ возьмемъ, какъ представителя эпохи викинговъ, Одина. Это богъ, который собственно давно появился въ германской миѳологіи, но имѣлъ въ ней сначала

---

x| Торъ, помимо всего остального былъ еще и перевозчикомъ.

второстепенное значеніе. Въ латинскихъ описаніяхъ онъ сравнивается съ Меркуріемъ, которому и соотвѣтствуетъ по характеру. Его позднее происхожденіе отражается и въ томъ, что въ южной Германіи онъ неизвѣстенъ. Что касается сѣверной Германіи, то хотя онъ тамъ и появляется, но, очевидно, зашелъ туда со стороны. Онъ собственно богъ франковъ и саксовъ, и на скандинавскій полуостровъ онъ перешелъ съ сѣверо-запада. Его имя также осталось въ названіи дня недѣли,- среды: Wednesdau, Onsdag (Odunsdag).

Но любопытно, что, такъ какъ онъ не обнимаетъ всѣхъ племенъ, то названіе среды не вездѣ имѣетъ связь съ его именемъ: какъ извѣстно на югѣ Германіи среда называется „Mittwoch." Въ его миѳѣ, выработавшемся изъ культа вѣтра, очень рѣзко выражается военная сторона. Онъ прежде всего богъ войны и богъ витязей: это слишкомъ извѣстно, чтобы входить въ подробности. Я обращу ваше вниманіе на другое наблюденіе, сдѣланное, главнымъ образомъ, въ послѣднее время. Это - не только богъ витязей, великій воитель, Мароъ скандинавскихъ и германскихъ миѳовъ; это и богъ знанія, науки, если хотите,- у него есть нѣкоторые аттрибуты Апполлона. Почему это такъ случилось? Какое странное соединеніе: Одинъ,- вѣщій Одинъ - воинъ, которому казалось бы нѣтъ времени для занятія особенной мудростью. Повидимому, въ данномъ случаѣ приходится считаться съ однимъ культурно-историческимъ обстоятельствомъ, сказавшимся въ столь разнообразныхъ явленіяхъ; дѣйствительно, у военныхъ людей германскаго происхожденія было одно основа-

ніе, чтобы получать свѣдѣнія мало доступныя для другихъ частей населенія. Дѣло въ томъ, что эти военные люди постоянно имѣли сношенія съ иностранцами и цѣлые годы проводили на службѣ, можетъ быть, у тѣхъ же римлянъ. Во всякомъ случаѣ они постоянно сталкивались съ богатой культурой и эти столкновенія приводили къ тому, что они у себя были наиболѣе образованными, наиболѣе широко осмотрѣвшимися людьми; эта черта есть и у Одина: это человѣкъ, который много побывалъ на чужой сторонѣ, много собралъ свѣдѣній и является знатокомъ рунъ. Руническій алфавитъ является нескладнымъ, грубымъ приспособленіемъ римскаго алфавита.

Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ, мы видимъ вліяніе римской культуры, сказавшейся въ извѣстномъ пониманіи военнаго быта и военнаго бога.

Любопытно, что знаніе въ эпоху викинговъ на скандинавскомъ полуостровѣ сосредоточивается въ рукахъ военныхъ людей; тамъ нѣтъ той преобладающей роли, которую играетъ ученая церковь: ея вліяніе еще слабо и возникаетъ гораздо позднѣе; всѣ существующія знанія связаны пока съ путешествіями и набѣгами. Главными разскащиками являются на сѣверѣ исландскіе воины; преимущественно путешествующіе, уходившіе въ долгіе походы - фактъ крайнѣ интересный и на первый взглядъ даже странный, такъ какъ у исландцевъ на своей почвѣ мало было любопытнаго, между тѣмъ главныя саги были сформированы ими. Очевидно, что вся эта литература возникла на почвѣ путешествій этихъ военныхъ туристовъ въ римскія провинціи и замиренныя варварскія государства.

Таковы тѣ главныя черты миѳовъ, которыя необходимо имѣть въ виду, чтобы понять средневѣковый процессъ,

въ значительной степени основанный на смѣшеніи элементовъ христіанскаго и германскаго культовъ. Запомнимъ, что въ этихъ миѳологическихъ свидѣтельствахъ, собранныхъ нами на основаніи наблюденій надъ позднѣйшимъ бытомъ, надъ скандинавскими сагами и, наконецъ, надъ остатками чисто германскаго древняго язычества,- въ этомъ разнообразномъ матеріалѣ приходится различать прежде всего два или три основныхъ элемента, изъ которыхъ чрезвычайно важнымъ, какъ и у всѣхъ арійцевъ, является культъпредковъ; культъ этотъ до извѣстной степени общечеловѣческій, но германское язычество даетъ очень любопытныя его формы. Затѣмъ важно очень слабое развитіе профессіональнаго жреческаго сословія; культовыя основы просты и доступны всѣмъ и вслѣдствіе этого является возможность соединенія съ христіанствомъ, возможность реципировать ихъ въ христіанствѣ. Наконецъ, необходимо обратить вниманіе на то, какъ въ средневѣковыхъ высшихъ божествахъ стихійныя точки зрѣнія мало-по-малу смѣняются соціально-этическими.

---ooOoo---

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

Покончивъ съ общей характеристикой германскаго міра въ его различныхъ проявленіяхъ, мы должны перейти къ характеристикѣ результатовъ, получившихся, когда извѣстная намъ римская имперія совмѣстилась съ германскимъ племенемъ, благодаря завоеванію Рима и, такъ называемому, великому переселенію народовъ. Всю внѣшнюю исторію этого процесса я опущу, предполагая ее въ общихъ чертахъ общеизвѣстной. Но мы должны поставить себѣ вопросъ о томъ, какъ происходилъ процессъ смѣшенія элементовъ римскаго и германскаго, какъ два совершенно раздѣльные міра стали однимъ міромъ.

При этомъ я буду держаться такого общаго порядка изложенія: прежде всего укажу на судьбу тѣхъ соединеній, которыя играли большую роль у всѣхъ первоначальныхъ народовъ, на судьбу соединеній родового характера, столь важныхъ для быта и для общегосударственной жизни. Можно

Исторія Среднихъ Вѣковъ. Лекціи Проф. Виноградова.
Лит. Фельдманъ. Невскій № I22. Листъ I4.
Директоръ Курсовъ

ли говорить у германцевъ о родовыхъ союзахъ? если можно, то въ какомъ смыслѣ? Приходится ли въ данномъ случаѣ выдѣлять цѣлую эпоху родовыхъ отношеній, какъ мы это дѣлаемъ для классическихъ народовъ?

Второй вопросъ, который мы должны поставить себѣ - это вопросъ о хозяйственныхъ условіяхъ быта, въ эпоху предшествовавшую каролингскому періоду.

Разъ мы усвоимъ себѣ основы хозяйственнаго быта, то получимъ возможность перейти и къ слѣдующему вопросу - къ опредѣленію сословнаго быта.

Отсюда естественный переходъ къ политической жизни, къ вопросу объ организаціи государственной власти и ея проявленіи въ народѣ.

Наконецъ, заключеніемъ будетъ характеристика церкви и того вліянія, которое она оказала на германскіе народы.

Познакомившись съ формами, сложившимися съ одной стороны въ римскомъ мірѣ, съ другой - въ напиравшемъ на него германскомъ, намъ предстоитъ заняться вопросомъ о томъ, какъ эти различныя глубоко разнохарактерныя формы комбинировались на почвѣ, которую заняли варварскія государства послѣ переселенія. Исторіей этихъ комбинацій, этого смѣшенія римскаго и германскаго элементовъ опредѣляется дальнѣйшее развитіе всей Западной Европы. Собственно въ это время былъ заложенъ фундаментъ и отъ этого фундамента въ значительной степени зависѣло то, что мы до сихъ поръ видимъ въ соціальномъ и политическомъ строѣ главныхъ европейскихъ государствъ.

Я не буду распространяться о томъ, что это смѣшеніе

нельзя понимать въ смыслѣ сопоставленія совершенно опредѣлившагося готоваго римскаго элемента съ чисто-германскимъ. Очевидно, что смѣшеніе не ограничилось простой сборной работой въ сложной жизни европейскаго общества. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти элементы пришли въ столкновеніе, что они повліяли другъ на друга, видоизмѣнилъ съ одной стороны римскіе, съ другой - германскіе порядки, такъ какъ имъ пришлось сопоставляться на одной и той же почвѣ. Съ одной стороны сестемы римская и германская разбились, т.к. въ цѣломъ видѣ ни та, ни другая не могла удержаться. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что на этой новой почвѣ возникли и совершенно новыя потребности, совершенно новые взгляды, которыхъ прежде не знали ни налѣво, ни направо отъ Рейна. Таково предварительное замѣчаніе. Какое значеніе имѣло въ частности это смѣшеніе элементовъ римскаго и германскаго мы увидимъ при изложеніи отдѣльныхъ частей плана, согласно порядку, уже намѣченному нами.

I. Р О Д О В О Й С Т Р О Й.

Прежде всего я обращу ваше вниманіе на одну форму строя германцевъ, которй мы должны замѣтить и описать - форму, имѣющую у германцевъ законченное и опредѣленное выраженіе: это - родовой строй.

а| ЕСТЕСТВЕННАЯ ГРУППИРОВКА. Варварская, полуобразо-

ванная германская народность естественно имѣетъ очень сильно выраженныя черты устройства сообразно родству. Это естественно потому, что въ самомъ дѣлѣ устройство человѣческаго общества по родству является самой простой, самой естественной формой, какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни общественныхъ союзовъ. Люди близки другъ другу прежде всего по родству и, изъ того, что родственники ближе всѣхъ другихъ людей, вытекаетъ, что люди помогаютъ другъ другу, поддерживаютъ другъ друга, сообразуясь прежде всего съ родствомъ.

Затѣмъ въ своей работѣ и обладаніи имущественными благами они находятъ въ родствѣ естественную форму кооперацiи; они защищаютъ другъ другъ опять таки прежде всего въ родственныхъ соединеніяхъ. Не смотря на то, что постепенно формальныя связи ослабѣваютъ, родственники чувствуютъ другъ друга ближе и стоятъ одинъ за другого. Было время, когда эти родственныя формы принимали видъ, похожій на теперешнюю государственную защиту.

Наконецъ, въ этой же самой родовой группировкѣ имѣются данныя и для третьяго основанія общественнаго строенія. Группировка родства съ ея естественно старшими и естественно младшими членами, съ распорядителями хозяйства и съ силами, служащими въ хозяйствѣ, съ тѣми, кто печется и кто находится на попеченіи - выдвигаетъ первоначальное понятіе власти; поэтому въ формирующемся обществѣ интересно прежде всего спросить: какъ стоитъ начало родства, насколько оно глубоко проникло въ гражданскій и уголовный строй извѣстнаго общества. Основываясь на этомъ, мы должны спросить: имѣли-ли германцы сильно выраженную родовую организацію и въ какомъ отно-

шеніи они стояли съ этой стороны къ другимъ народностямъ.

в| РОДСТВО ПО МУЖЧИНАМЪ: Но прежде чѣмъ говорить о германцахъ мы должны обратить вниманіе на главные возможные факты, на главны построенія въ этомъ отношеніи. Самое обыкновенное построеніе, которое хорошо извѣстно намъ изъ римской исторіи - это построеніе, такъ называемаго, патріархальнаго родства. Мы всѣ знаемъ, что римскій *gens* былъ продолженіемъ семьи, что это была весьма сильная и тѣсная организація для защиты и для устройства власти, и что притомъ группа эта была организована патріархально. Родъ составлялъ какъ бы совершенно отдѣльное государство, отецъ обладалъ властью, которая переходила на весь родъ. Въ родовую организацію входятъ прежде всего мужчины даннаго рода, при нихъ находятся, на совершенно второстепенномъ положеніи женщины, прародителницы: отъ нихъ не исходитъ никакихъ правъ, онѣ сами являются всегда объектомъ права. Эта родовая группа такъ велика и сильна, что въ римской исторіи мы встрѣчаемся напр. съ такимъ фактомъ, какъ война ради Фабіевъ съ сосѣдями на свой счетъ и за свой за свой страхъ. Очевидно, это была часть народа совершенно отдѣльная, самостоятельная, безусловно отмежевавшаяся отъ всѣхъ группъ и сильно организованная на строгомъ патріархальномъ началѣ. Но приходится обратить вниманіе на то, что кромѣ этой строго патріархальной организаціи, изъ которой вытекаетъ родъ, какъ особое цѣлое, возможны совершенно другія построенія родства.

с| РОДСТВО ПО ЖЕНЩИНАМЪ И ДВОЙСТВЕННАЯ СИСТЕМА. Возможно построеніе родства, разсчитанное не по мужчи-

намъ, а по женщинамъ. Это возможно уже потому, что система разсчета по мужчинамъ является искуственной. Реальнымъ является фактъ рожденія отъ извѣстной женщины; что же касается отношенія дѣтей къ отцу, то они бываютъ иногда не вполнѣ ясны; вслѣдствіе этого является вполнѣ возможнымъ разсчетъ родства по матерямъ и мы знаемъ, что у цѣлаго ряда первобытныхъ народовъ не устанавливалось различія, которое позволяло бы отнести извѣстнаго ребенка къ извѣстной парѣ. Возможны и дѣйствительно существовали отношенія, при которыхъ мужчины примыкаютъ къ женщинамъ не на постоянное, а на временное сожительство. При такой связи невозможно построеніе патріархальное. Неустойчивость такого рода могла обусловливаться и другимъ обстоятельствомъ. Пока народъ бродитъ, пока извѣстное племя еще только группируется и не твердо сидитъ на землѣ - можно себѣ представить, что половыя и брачныя состоянія не складываются въ извѣстныя формы. При этомъ люди могутъ примириться съ организаціей, въ которой родственныя связи различаются не строго и потому удерживается родство по женщинѣ. Положимъ теперь, что племя осѣло и обрабатываетъ землю, что въ связи съ ея обработкой начинается разселеніе на группы. Тогда въ цѣломъ рядѣ случаевъ начнетъ сказываться воздѣйствіе мужчины; начинаетъ складываться напр. понятіе, что мужчина, какъ главный работникъ въ полѣ, получаетъ преимущественно право на землю, что, съ другой стороны - мужчина главный воинъ. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ необходимости первоначальная неустойчивость уступаетъ мѣсто болѣе опредѣленной работѣ, болѣе опредѣленному размѣщенію и группировкѣ. Родовой строй начинаетъ склоняться въ сторону наслѣдственности по мужчинамъ, въ сторону па-

тріархальнаго построенія; материнство уступаетъ свое мѣсто и дѣло можетъ дойти до того, что слѣды его окончательно исчезнутъ. Любопытно въ этомъ отношеніи кельтское право: оно всецѣло построено на развитіи клана, т.е. разросшагося патріархальнаго строя; но въ кельтскомъ кланѣ замѣчаются и слѣды первоначальныхъ пережитковъ материнства. Греческія и германскія отношенія, также представляющія слѣды двойственной системы, не менѣе любопытны съ точки зрѣнія эволюціи: это не патріархальныя отношенія, но и не отношенія материнства. Мы встрѣчаемъ здѣсь то черты материнства, то черты патріархата, образовавшіяся подъ вліяніемъ осѣдлости и прочихъ комбинацій политическаго свойства. Для начала я укажу на одинъ фактъ, на одно свидѣтельство, которое дѣлаетъ намъ Тацитъ и которое сейчасъ же показываетъ, что въ древне-германскомъ правѣ большое значеніе имѣлъ разсчетъ по матерямъ. Римскій историкъ говоритъ, что въ Германіи братъ по матери имѣлъ такое же значеніе - если не большее, какъ отецъ. Этотъ фактъ вытекаетъ изъ разсчета родства по матерямъ: онъ получается потому, что отецъ неизвѣстенъ, а извѣстенъ братъ матери. Этотъ фактъ кажется страннымъ, но мы знаемъ куда его поставить и на какую комбинацію онъ указываетъ.

д| ИНСТИТУТЫ РОДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦІИ. Пользуясь сравнительнымъ методомъ въ предѣлахъ различныхъ племенъ германской расы посмотримъ, какъ поставлены у нихъ различные институты организаціи родства.

I| Б р а к ъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, какъ конструируется бракъ. Бракъ можетъ быть конструированъ на узко патріархальномъ основаніи. Женщину берутъ насильно или покупаютъ. Въ такомъ случаѣ она подпадаетъ подъ

безусловную власть мужа [manus mariti], причемъ ея имущественныя отношенія стушевываются и тѣмъ самымъ получается возможность простого построенія: права у мужчинъ, а у женщинъ ихъ нѣтъ.

Посмотримъ какъ стоитъ дѣло въ германскомъ правѣ. Въ немъ отражается между прочимъ и взглядъ, что бракъ, какъ проявленіе неукротимыхъ половыхъ инстинктовъ, непремѣнно является насиліемъ, если хотите, изнасилованіемъ женщины. У германцевъ было въ ходу умыканіе, но это только одна психологическая сторона дѣла; рядомъ съ этимъ стоитъ попытка урегулировать столкновеніе силой, устранить изнасилованіе невѣсты женихомъ. Волѣдствіе этого во второй стадіи эволюціи брака является покупка. Въ германскомъ правѣ имѣется покупка, но любопытно спросить, что собственно и на какихъ условіяхъ покупали. Покупали невѣсту у ея рода; женихъ со своимъ родомъ рядился съ родственниками невѣсты и съ ней самой; ему уступали женщину и получали за это плату: лично ей онъ давалъ даръ только послѣ первой ночи. Родственникамъ давалась плата за власть надъ женщиной, переходившей къ мужу. Но вотъ тутъ то и приходится сказать, что въ германскомъ и римскомъ строѣ въ данномъ отношеніи существуетъ различіе. Мы повидимому, на первый взглядъ, имѣемъ здѣсь то же, что и въ римскомъ правѣ, т.е. переходъ женщины въ другой родъ и исчезновеніе ея подъ *mundium* мужа. Однако на самомъ дѣлѣ конструкція германскаго строя такова, что женщина продолжаетъ всетаки считаться въ своемъ родѣ. Мы встрѣчаемся тутъ съ отношеніями, гдѣ связь женщины съ родственниками сильна, не прекращается при замужествѣ и гдѣ женщину

продаютъ не безусловно. Отношенія, которыя возникаютъ въ новой семьѣ, не односторонни: права прежнихъ родственниковъ на столько еще въ силѣ, что если эту женщину обидятъ, если надо взыскать и паче чаянія мстить за ея смерть, то месть столько же исходитъ отъ прежняго, сколько отъ новаго рода. Каждая женщина въ данномъ случаѣ остается членомъ прежняго рода; если мститъ мужъ, то потому, что онъ въ ея лицѣ обиженъ, но въ данномъ отношеніи онъ стоитъ не выше, чѣмъ отецъ женщины. Къ тому же, какъ я уже замѣтилъ, продаютъ женщину не окончательно: она вноситъ съ собой въ свое хозяйство извѣстный вкладъ который считается ея имуществомъ. Въ противоположность исчезновенію имущественныхъ правъ въ римскомъ строѣ, мы встрѣчаемся у германцевъ съ взглядомъ, что мужъ только пожизненный опекунъ своей жены. Это очень важно. Мужъ можетъ лишиться всякаго права на имущество жены послѣ ея смерти, такъ какъ распоряжается имъ лишь съ ея согласія. Мало того, это имущество охраняется противъ мужа: является потребность дать женщинѣ опредѣленныхъ лицъ для ея охраны и такими лицами являются ея родственники. Въ случаѣ расторженія брака имущество возвращается женщинѣ, въ случаѣ ея смерти имущество матери переходитъ на дѣтей, и въ данномъ случаѣ опекуномъ ребенка по отношенію къ имуществу является не отецъ, а родственники со стороны матери. Такимъ образомъ, все время въ германскомъ правѣ предусматривается имущественная рознь между супругами - рознь, которая иногда очень остро поддерживается противъ отца, чего

конечно, не предусматриваетъ римскій патріархальный родовой строй.

2| И м у щ е с т в о. Перейдемъ къ вопросу объ имущественномъ построеніи. Все имущественное построеніе основано на двухъ противоположныхъ началахъ: по отношенію къ движимости и по отношенію къ землѣ. По отношенію къ землѣ высказана мысль, что женщина не можетъ имѣть къ ней никакого отношенія, а слѣдовательно не можетъ и владѣть ею. По отношенію къ движимости является попытка раздѣлить движимость на двѣ части: съ одной стороны *gewäte*, съ другой *gerade*; одна часть преимущественно для мужа, другая для жены. *Gewäte* - это все, что касается земли, ея обработки, а также вооруженіе: конь, плугъ, мечъ, лукъ, сбруя. *Gerade* - это весь домашній скарбъ: кровать, скамьи, перины, одѣяла, горшки и т.д. Разумѣется, въ наше время трудно было бы провести границу между этими двумя родами имущества. Варварское право смотритъ на это весьма просто, но мало-по-малу отношенія запутываются и только осложнившаяся жизнь уже начинаетъ сбивать эти границы.

Посмотримъ теперь, какъ конструируется, какъ складывается подъ вліяніемъ такого двойственнаго отношенія родовая защита.

3| Р о д о в а я з а щ и т а. Въ данномъ случаѣ борются два понятія родства: одно выдвигаютъ женщины, другое выдвигаютъ мужчины. Само собой разумѣется, что первоначальные раздоры между родами стоятъ въ связи съ тѣмъ

основнымъ обстоятельствомъ, что человѣкъ не можетъ быть одинъ, что ему нужна близкая защита. Если человѣка убьютъ, то мстятъ за него родственники, хотя бы для того имъ нужно было выйти на войну. Человѣкъ находитъ себѣ защиту прежде всего у своихъ родственниковъ. Поэтому весьма важно выяснить, построено ли право мстить и получать выкупъ на патріархатѣ или на материнскома началѣ. Мы встрѣчаемся тутъ съ характерной двойственностью, которая мало-по-малу начинаетъ какъ бы устраняться; впослѣдствіи на первый планъ выдвигается мужчина и патріархатъ получаетъ преобладающее значеніе. Итакъ, къ мести призываются какъ родственники по мужчинѣ, такъ и родственники по женщинѣ. Въ древне германскомъ правѣ признается, что если сами женщины и не могутъ мстить, то все-таки онѣ могутъ возбуждать другихъ противъ обидчика. Поэтому матери или женѣ предоставляется право посылать стрѣлу ко всѣмъ родственникамъ и выслать ихъ противъ обидчиковъ. Въ сѣверномъ правѣ есть рядъ особенныхъ штрафовъ, которые имѣютъ своею цѣлью удовлетворить женскую злобу, и которые называются женскими подарками. Въ томъ случаѣ, когда выкупа нѣтъ, сама женщина не выступаетъ съ местью: она выставляетъ за себя защитника своихъ правъ. Любопытно, что къ защитѣ женщины призываются или братъ или сынъ ея, то есть тѣ, кто носитъ то же имя, положимъ "Фабій" у римлянъ. Такъ какъ къ мести призываются какъ родственники по мужчинѣ, такъ и всѣ родственники по женщинѣ, то у каждаго получаются мстители въ двухъ направленіяхъ. Указаніе на то, что устанавливаются двѣ категоріи мстителей, мы находимъ всего яснѣе въ

сѣверномъ правѣ. Существуютъ два рода выкупа: „bangildi" и „nefgildi"; если за выкупъ получаются деньги, то гривны baugar, идутъ на долю мужчинъ, родственники же женщинъ получаютъ выкупъ съ носа или головы, такъ какъ онѣ не составляютъ корпораціи, подобно родственникамъ по мужчинамъ. Въ англо-саксонскомъ правѣ гривенная плата составляетъ 2/3, а носовая 1/3. Затѣмъ начинается дальнѣйшая эволюція. Вырабатывается взглядъ, что надо въ равной степени распространить обязанности и права по мести на всѣхъ родственниковъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ фризскомъ правѣ мы имѣемъ такую постановку дѣла, какой сѣверное право окончательно не достигло: когда человѣка убиваютъ, то у его гроба становится четыре представителя 4-хъ "клуфтъ": представители по отцу и по матери мужа съ одной стороны и представители по отцу и матери жены - съ другой. Такимъ образомъ, предусматривается, что каждый человѣкъ состоитъ въ 4-хъ родахъ, отъ которыхъ и должна исходить месть.

е| ВСТРѢЧА СЪ РИМСКИМЪ МІРОМЪ. Познакомившись съ своеобразными формами родства въ германскомъ правѣ, занимающемъ промежуточное положеніе между материнствомъ и патріархатомъ, мы должны обратиться теперь къ тому, что произошло, когда германцы передвинулись въ римскія провинціи и когда ихъ организація встрѣтилась съ совершенно противоположными началами, развившимися на римской почвѣ.

Въ то время, когда германцы попали въ римскія провинціи, не было уже и рѣчи о строго организованныхъ

gentes. Эти *gentes* принадлежали къ архаической эпохѣ развитія римскаго права, а въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ германцы встрѣтились тамъ со строго проведенными чрезвычайно развитыми началами индивидуализма. Всѣ ассоціаціи естественныя и искусственныя были приведены такъ или иначе къ свободной волѣ отдѣльнаго лица.- Это было государство, основанное на индивидуальныхъ началахъ; естественныя ассоціаціи всячески ослаблялись въ ихъ пользу, сводились въ этомъ смыслѣ къ самому необходимому. Семья и естественныя родственныя отношенія, конечно, не могли избѣжать этихъ разлагающихъ вліяній. Права отца, отношенія жены къ мужу, наслѣдственныя права фигурируютъ въ римскомъ правѣ четвертаго и пятаго вѣковъ. Но все это находится подъ вліяніемъ общаго принципа индивидуализма. Государство встрѣчается въ своихъ требованіяхъ прежде всего съ отдѣльной личностью, а не съ какой-нибудь организаціей и тѣмъ болѣе не съ самой естественной - родственной корпораціей. Точка зрѣнія римскаго права противоположна варварскому праву, которое знаетъ прежде всего родственную корпорацію и смотритъ на государство какъ на слабую федерацію этихъ корпорацій. Понятно, что отъ встрѣчи такихъ совершенно противоположныхъ взглядовъ должны были произойти весьма важныя послѣдствія для развитія права семейнаго, наслѣдственнаго и брачнаго.

Обращаясь къ тому, что въ данномъ случаѣ совершилось въ началѣ среднихъ вѣковъ, приходится указать на три направленія, въ которыхъ шло развитіе, и на три

вліянія, которыя дали себя чувствовать.

Прежде всего мы видимъ очень существенное измѣненіе брачныхъ правъ и отношеній, возникающихъ между супругами и родственниками, насколько они связываются бракомъ. Во-вторыхъ, значительное измѣненіе имущественныхъ правъ и въ-трётьихъ, серьезное измѣненіе рода и родства по отношенію къ государству.

Всѣ эти измѣненія происходятъ подъ тремя главными вліяніями, я говорю, „подъ тремя", чтобы придать строго схематическую форму изложенія и оговариваюсь, какъ всегда приходится въ такихъ случаяхъ оговариваться, что въ дѣйствительности ясныя и простыя схемы значительно осложняются. Но въ цѣляхъ изложенія удобнѣе держаться этихъ схемъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія строго схематическаго построенія, нужно замѣтить, что самое сильное вліяніе на брачное право оказала въ средніе вѣка церковь, на право имущественное - римское гражданское право и на право политическое - традиціи римскаго государственнаго права.

Обратимся сначала къ вопросу о томъ, въ какомъ направленіи дѣйствовала церковь. Церковь, которую мы встрѣчаемъ у германцевъ, есть въ одно и то же время христіанская и римская. Послѣдній показатель имѣетъ для насъ большое значеніе: римская церковь важна для насъ какъ церковь, представляющая могущественныя традиціи римскихъ понятій. Что же сдѣлала она въ данномъ случаѣ? Конечно, она должна была закрѣпить бракъ. Она не могла принять тѣ малоустойчивыя его формы, которыя допускались языческими воззрѣніями и которыя приводили къ тому, что

германскій бракъ очень близко граничилъ съ многоженствомъ. Первое время церковь не могла побѣдить вполнѣ языческія воззрѣнія. Язычество разрѣшало имѣть нѣсколько женъ: одну дома, другую въ походѣ и, можетъ быть, третью въ другомъ походѣ. Когда норвежцы, напримѣръ, приняли христіанство, церковь не могла сначала отрѣшиться отъ этихъ воззрѣній и признавала двоеженство, вслѣдствіе того, что человѣку приходилось разъѣзжать и жить внѣ семейной обстановки. Но въ общемъ церковь стала проводить идею закрѣпленія брачныхъ соединеній для одной пары. Дѣйствуя въ томъ же направленіи, какъ и общее развитіе культуры, она дастигла полнаго результата: бракъ сдѣлался устойчивымъ. Подъ вліяніемъ этой борьбы церкви съ язычество сложилось чрезвычайно затрудняющее всѣ формы расторженія брака каноническое законодательство, съ которымъ еще до сихъ поръ приходится считаться и въ нашемъ быту и въ быту Западной Европы. Напряженная борьба въ пользу устойчивости брака затруднила его расторжимость, въ то время какъ въ варварскомъ правѣ расторженіе его является очень легкимъ дѣломъ и было предусмотрѣно цѣлымъ рядомъ правовыхъ отношеній.

Но есть другое направленіе, въ которомъ церковь своими стремленіями къ устойчивости брака старалась скорѣе расшатать нежели соединить родовыя отношенія. Она была естественнымъ врагомъ родовыхъ соединеній, такъ какъ послѣднія, начавъ формироваться и среди гер-

---

манскаго населенія, стремились къ тому, чтобы держать землю въ своихъ рукахъ, не отдавать ее ни женщинѣ, ни чужимъ людямъ и связать ее, какъ родовую собственность. Встрѣтившись съ этими правовыми воззрѣніями, церковь радикально оспаривала ихъ, потому что если бы дѣло оставалось все при тѣхъ же условіяхъ, то на ея долю въ результатѣ мало бы выпало даровъ; она не могла бы привлекать къ себѣ земельной собственности, слѣдовательно не могла бы и развиваться, какъ земельный собственникъ, а безъ земли въ то время нельзя было держаться какъ слѣдуетъ на ногахъ. Поэтому церковь и является естественнымъ врагомъ родовыхъ соединеній и проводитъ точку зрѣнія, что бракъ долженъ совершаться только между тѣми лицами, которыя не находятся между собой въ близкихъ степеняхъ родства. При этомъ понятіе близкихъ степеней распространялось, въ сущности, очень далеко. Совершенно вѣроятно, что запрещая браки между близкими родственниками, она руководилась сознаніемъ и ихъ физическаго вреда: запрещеніе брака между дядей и племянницей могло быть объяснено съ точки зрѣнія гигіенической, но дѣло въ томъ, что она запрещала бракъ до шестой и седьмой степени родства, то есть до тѣхъ степеней, которыя считались у варваровъ степенями тѣснѣйшаго родства.[x] Это широкое ограниченіе осложняется еще запрещеніемъ брака между свойственниками, и находящимися въ духовномъ родствѣ. Какъ извѣстно, у

---

x| По варварскимъ взглядамъ близкими родственниками были троюродные братья и ихъ дѣти.

насъ существуетъ это каноническое постановленіе, такъ какъ бракъ между кумомъ и кумой запрещенъ. Преслѣдуя въ этомъ случаѣ прежде всего соціальную политику, церковь не допускаетъ основанія очень крѣпкихъ родственныхъ узъ. Вслѣдствіе необходимости постоянно искать жену въ чужой семьѣ, въ чужомъ родѣ, родовыя отношенія до того разбиваются и переплетаются, что и самая связь въ значительной степени ослабляется.

Само собою разумѣется, что вліяніе церкви не имѣло бы успѣха, если бы она не оперлась въ своемъ развитіи на другія силы и не дѣйствовала бы въ соглашеніи съ ними. Такой общественной силой было стремленіе индивидуума выйти, такъ сказать, впередъ, стремленіе, которое существуетъ всегда, потому что всякая индивидуальная личность, какъ бы тѣсно она не была связана со своимъ родомъ, имѣетъ свои стремленія, имѣетъ нѣчто законченное, нѣчто свое. Колебанія, которыя существуютъ въ этихъ стемленіяхъ, весьма разнообразны, но во всѣхъ нихъ, какъ бы различны они ни были, дѣйствуетъ всегда извѣстная центробѣжная сила. Перейдя на римскую почву, германцы попали въ условія, которыя чрезвычайно содѣйствовали развитію индивидуальности. Разсаживаясь по мѣстамъ и дѣля землю, они встрѣтились въ римскихъ провинціяхъ съ очень сильно выраженнымъ индивидуализмомъ, и безъ сомнѣнія, подпали подъ его вліяніе. Мало-по-малу у нихъ начинаютъ развиваться формы чисто индивидуальнаго обладанія собственностью, котораго древне-германское право не знаетъ. Въ этомъ отношеніи характерно все то, что касается отчужденія

собственности и передачи въ чужія руки. Въ древнемъ правѣ всѣ эти формы чисто личнаго распоряженія собственностью или вовсе не существуютъ или, если существуютъ, то въ очень слабой степени: на собственность смотрѣли тогда какъ на нѣчто принадлежащее совокупности родичей. Отдѣльный хозяинъ и отдѣльное лицо распоряжается имуществомъ только временно, а потому не могутъ отдѣлять и дарить по своему произволу. Всѣ формы отчужденія собственности въ то время крайне затруднительны: съ точки зрѣнія древняго права никакого завѣщанія быть не можетъ. Все дѣло въ томъ, что когда человѣкъ умираетъ, право собственности ни къ кому не переходитъ; оно опредѣляется совершенно по закону, какъ мы бы сказали, а не по произволу того, кто умеръ.

Само собою разумѣется, что есть бытовыя соображенія, которыя напрашиваются на другую постановку дѣла: человѣкъ, который обладаетъ участкомъ и обрабатываетъ его, неохотно думаетъ о томъ, что дѣти его могутъ лишиться этого участка. Съ другой стороны, можетъ быть, онъ не захочетъ отдать его ни дѣтямъ, ни родственникамъ, а какому-нибудь другому лицу. Ко всему этому у индивидуума существуютъ естественныя стремленія и они находятъ поддержку въ развитомъ римскомъ правѣ. Когда германцы попадали въ римскія провинціи, они, встрѣчая римскіе институты не захотѣли ихъ зачеркнуть, но въ значительной степени передѣлали и исказили. Благодаря тому, что люди получили право дарить и за-

вѣщать и церковь получила большія выгоды: на краю могилы, въ покаянный часъ въ ея пользу стали дѣлать громадныя пожертвованія, чему способствовали какъ естественное развитіе индивидуализма, такъ и понятія развитого римскаго права. Наконецъ, мы должны принять въ соображеніе столкновеніе родовыхъ союзовъ съ государствомъ. Само собой разумѣется, что рано или поздно между родственными корпораціями и представителями власти долженъ былъ возникнуть антагонизмъ. Несомнѣнно, что круги родства дѣйствовали иногда не такъ, какъ хотѣла этого политическая власть: король или герцогъ. Родовая организація существовала для того, чтобы защищать своихъ членовъ: между тѣмъ съ точки зрѣнія правительственной власти трудно было допустить родовую месть, какъ постоянное учрежденіе. Такимъ образомъ въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ начинается борьба между князьями и родственными союзами съ одной стороны и родовыми группами и отдѣльными лицами - съ другой. Такова совокупность условій, которыя чрезвычайно быстро разложили большую часть того, что сложилось въ германскомъ правѣ въ отношеніи организаціи родства, хотя многое осталось въ качествѣ отдѣльныхъ притязаній, отдѣльныхъ правъ и обрядовъ.

Въ общемъ родовой порядокъ разложился, не успѣвъ еще и окрѣпнуть. Однако это не исключаетъ того, что въ извѣстныхъ случаяхъ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и въ извѣстныхъ слояхъ общества этотъ порядокъ могъ получить развитіе.- эти исключительные случаи любопытны съ точки зрѣнія метода: они показываютъ, какъ могло бы пойти раз-

витіе, еслибы не существовало уже отмѣченныхъ нами условій. Исключенія такого рода могли создаваться подъ вліяніемъ мѣстныхъ и общественныхъ условій.

По условіямъ мѣстнымъ родовой порядокъ могъ окрѣпнуть въ тѣхъ зачаткахъ, на которые мы уже указали, дать ростки и выразиться въ опредѣленныхъ формахъ только въ мѣстностяхъ окраинныхъ и захолустныхъ; и, дѣйствительно было нѣсколько такихъ мѣстностей, которыя оставались почти безъ вліянія, были отсталыми и чисто германскими по своему населенію. Въ такомъ направленіи вырабатывались извѣстныя родовыя формы у племени саксовъ до завоеванія его Карломъ Великимъ. Въ такомъ же направленіи, но съ чрезвычайно законченными результатами развивались они въ сѣверо-западномъ углу Германіи у племени дитмарсовъ, въ которомъ мы можемъ наблюдать постепенную выработку патріархальнаго начала. Изъ этого примѣра видно, что германская вѣтвь народовъ могла придти къ формамъ, хорошо извѣстнымъ изъ гентильнаго порядка. Вслѣдствіе сходства, которое представляютъ германскій патріархатъ и римскіе *gentes*, еще Нибуръ, изучая послѣдніе, обратилъ вниманіе на дитмарскіе слахты и куфты. Это племя, затерявшееся среди германцевъ и не имѣвшее фактической силы, представляетъ любопытное звѣно съ точки зрѣнія естественнаго развитія общества.

По условіямъ соціальнымъ формы законченнаго родового права могли образоваться, такъ сказать, въ вертикальномъ разрѣзѣ. Въ извѣстныхъ случаяхъ эти формы очень любопытны въ городахъ. Города отмежевывали ро-

довымъ соединеніямъ въ своей общинѣ цѣлые участки, въ которыхъ и создавались искусственныя условія федераціи между отдѣльными кварталами или цехами, такимъ образомъ мало-по-малу вырабатывались любопытныя условія, напоминавшія федераціи родовъ какой нибудь афинской или римской политіи. Такъ напр. городъ Метцъ представлялъ изъ себя единую общину, раздѣленную на 6 филъ, или, какъ говорили тамошніе жители, на 6 линьяжей. Линьяжи дѣлились на роды, а роды уже на семьи. Въ данномъ случаѣ сказываются тѣ же самыя условія, которыя сказались при образованіи городской общины древняго міра: систематическое различіе между распорядками гражданъ и метековъ, приселенцевъ и попытка придать гражданству законченныя формы и опять таки на основаніи патріархата. Другая разновидность патріархата получается въ высшихъ слояхъ общества, среди аристократическихъ фамилій. Въ высшихъ слояхъ общества имущественное и политическое значеніе родства настолько выступаетъ впередъ, что фамилія старается привлечь къ себѣ всѣ элементы, которые могутъ усилить ее и способствовать ея развитію. Въ высшихъ слояхъ извѣстная часть земли составляетъ маіоратъ; развивается генеалогическій счетъ родства. Все это поддерживаетъ идею, что фамилія есть твердая группа. Мы знаемъ о такихъ фамиліяхъ уже въ началѣ среднихъ вѣковъ у швабовъ и баваровъ. Нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ существовать въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ отъ 6-го до 18-го вѣка. Такова напр. у баваровъ фамилія - Фагиръ. Мы знаемъ далѣе, какое значеніе получаетъ въ рыцарскую

эпоху этотъ элементъ. Въ рыцарскую эпоху подъ вліяніемъ развитого военнаго быта, знатные роды смыкаются въ постоянныя боевыя единицы, отличенныя гербами.

Резюмируя сказанное, мы замѣтимъ, что встрѣча германскаго народа съ римскимъ міромъ въ корнѣ расшатала, образовавшійся у германцевъ родовой порядокъ и не дала образоваться отношеніямъ на началахъ патріархата и городской федераціи съ одной стороны, и матріархата съ другой, хотя не исключила возможности отдѣльныхъ проявленій того и другого.

Теперь мы обратимся къ другимъ формамъ, именно къ формамъ сельской общины, которыя образовались въ теченіе среднихъ вѣковъ.

II. ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ.

а| ЭЛЕМЕНТЫ КОЛЛЕКТИВИЗМА ВЪ РОДОВОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ И СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА. При разборѣ построенія родства у германцевъ мы обратили вниманіе на то, что при всей непослѣдовательности и двойственности германской системы въ этомъ отношеніи, мало-по-малу вырабатывалась примѣнительно къ землѣ организація патріархата. Вообще говоря, родовая организація германцевъ отражаетъ на себѣ борьбу двухъ принциповъ: принципа материнства и принципа патріархата, особенно сильно сказывающагося въ земельныхъ отношеніяхъ. Теперь, переходя къ условіямъ хозяйственнымъ, мы должны начать съ вопроса о томъ, вытекаютъ ли эти условія изъ част-

ной собственности, или носятъ на себѣ слѣды коллективизма. Возвращаясь еще на минуту къ родовой организаціи, въ цѣляхъ развитія взгляда на земельную собственность, я прежде всего отмѣчу, что въ древне-германскомъ земельномъ правѣ несомнѣнно присутствовалъ элементъ коллективизма въ родовомъ землевладѣніи.

Чтобы это не оставалось голословнымъ, я приведу одинъ фактъ, но фактъ очень опредѣленный и характерный: въ правѣ швабовъ, въ такъ называемомъ „lex allemanorum" есть статья, въ которой дѣлаются постановленія о порядкѣ производства земельныхъ тяжбъ. Посмотрите какъ поставленъ этотъ случай въ правѣ аллемановъ. Тамъ говорится не о тяжбѣ двухъ лицъ, а о тяжбѣ двухъ родовъ между собою: „inter duas genealogias." Это единственный случай, когда предусматривается столкновеніе изъ за правъ земельной собственности и ихъ границъ. Изъ того факта, что главнымъ субъектомъ земельной собственности были „genealogiae" т.е. родственные и родовые союзы, и что вопросъ о стокновеніи частныхъ лицъ не возникалъ, или возникалъ настолько рѣдко, что его не пришлось оговаривать, мы заключаемъ, что отдѣльное лицо не имѣло власти распоряжаться своей собственностью, не могло дарить, завѣщать и отстаивать свои раздѣльныя права по суду.

Что же произошло, когда вслѣдствіе указанныхъ мною причинъ, родовой строй распался? распалось ли это общинное коллективное владѣніе, наступила ли вмѣсто него эпоха раздѣльной, частной земельной собственности, или

коллективное владѣніе осталось, но только приняло новыя формы. Вотъ на это и позвольте теперь обратить ваше вниманіе, такъ какъ тотъ строй, который выработался въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ во все время, начиная съ ранняго средневѣковья и кончая французской революціей съ ея послѣдствіями.

Для того чтобы сразу ввести васъ въ характеристику совершающагося процесса и выяснить, что полнаго уничтоженія коллективной собственности не было, сошлюсь на этотъ разъ на статью баварской правды, которая въ двухъ словахъ показываетъ въ чемъ дѣло. Въ этой баварской правдѣ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: "Если кто нибудь станетъ вызывать для мести своихъ сосѣдей или другихъ родственниковъ... *etc*" [x] Сопоставленіе на нашъ взглядъ очень странное. Никто изъ насъ, ни вслѣдствіе ошибки, ни вслѣдствіе какого либо „*lapsus linguae*" не смѣшаетъ понятія родственниковъ и сосѣдей: это просто понятія различныя, принадлежащія къ двумъ различнымъ сферамъ; здѣсь же они оказываются тѣсно связанными въ одномъ опредѣленіи. Какъ это объяснить? Объясненій искать не далеко: если первоначальныя родовыя единицы наполняли и устанавливали границы территорій | *terminos* |, то очевидно, что люди, принадлежавшіе къ одному роду - родственники - являлись въ то же время сосѣдями | *vicini parentes* |, членами территоріальныхъ союзовъ.

---

[x] *Si quis vianos suos vel alios parentes ad vindictam invitaverit ... etc... (L. Bajav. 27).*

Съ теченіемъ времени мало-по-малу приходится различать родотвенниковъ и сосѣдей: оказывается, что не всѣ родственники - сосѣди и не всѣ сосѣди - родственники. Приходится по отношенію къ землевладѣнію замѣнять терминъ „parentes" словомъ "сосѣди", что является новымъ понятіемъ въ земельномъ правѣ. Совпаденіе терминовъ родства и сосѣдства прекращается; часть родичей уходитъ и ихъ первоначальное единство уничтожается; населеніе распадается на союзы сосѣдскіе, сельскіе и волостные. Но мы не будемъ вдаваться въ слишкомъ большія подробности и не будемъ проводить строгихъ различій, а будемъ говорить пока о сельскихъ общинахъ, постепенно замѣнившихъ кругъ родственниковъ. Съ точки зрѣнія этой постепенной фактической замѣны родственниковъ сосѣдями и перехода правъ родственниковъ къ сосѣдскимъ союзамъ, я обращу ваше вниманіе на одинъ, опять таки чрезвычайно характерный указъ франкскаго короля Хильперика, сдѣлавшаго добавку къ Салической Правдѣ; я даю нарочно примѣры изъ быта различныхъ племенъ, чтобы показать, что дѣло идетъ не объ особенностяхъ отдѣльныхъ племенъ, не о какомъ-нибудь частномъ баварскомъ постановленіи, но объ институтѣ германскомъ вообще. Постановленіе гласитъ: "если умретъ человѣкъ и оставитъ послѣ себя сыновей и дочерей, то пусть землю получатъ не сосѣди, а сыновья." [x] Опять таки дѣло идетъ о постановленіи, которое отличается отъ теперешняго взгляда на вещи. Кому теперь придетъ въ голову сказать что если человѣкъ умретъ, то его землю получатъ не со-

[x] Ed. Chilp. Si quisquque vicinos habens filios aut filias reliquerit, filii terram habeant, et non visini.

сѣди, а сыновья? А разъ это надо было сказать, то стало быть претензіи сосѣдей были дѣломъ обыкновеннымъ и ихъ приходилось прекращать. Констатируя этотъ фактъ, мы, конечно, спросимъ себя, откуда могли возникнуть эти претензіи сосѣдей, претензіи настолько сильныя, что противъ нихъ приходилось даже оговаривать право сына. Очевидно дѣло заключается въ томъ, что именно сосѣди являются представителями первоначальнаго родственнаго круга владѣльцевъ земли. Такъ какъ первоначально не было ни завѣщанія, ни собственности, ни правъ частнаго наслѣдованія, а было только общее пользованіе землею и временное частное пользованіе ею, то вполнѣ естественно, что родовая община вступала въ права владѣнія землей того умершаго человѣка, которому она уступала ихъ на время. Но эта точка зрѣнія удержалась и тогда, когда родственныя связи ослабли и родовой союзъ распался: права послѣдняго перешли мало-по-малу, безъ рѣзкихъ толчковъ и опредѣленныхъ постановленій, на союзъ односельчанъ. Если мы въ связи съ этимъ возьмемъ другія правды ранней формаціи, то увидимъ, что здѣсь всѣ права, которыя вышли изъ права индивидуальнаго до крайности не развиты и ограничены: Въ Салической Правдѣ, напримѣръ, появляется въ зачаточной лишь формѣ право отчужденія земли ея отдѣльнымъ владѣльцамъ. О немъ трактуетъ статья " *de apfatomia* ". Дареніе допускается статьею, но оно обставлено такимъ множествомъ условностей и ограниченій, что приходится предусмотрѣть цѣлый рядъ столкновеній, и что обойти возможность этихъ

столкновеній очень не легко; производится оно слѣдующимъ порядкомъ: если человѣкъ захочетъ подарить часть своей собственности, онъ не можетъ совершить этого такъ просто, какъ онъ совершаетъ, напримѣръ, дареніе движимости: онъ долженъ при свидѣтеляхъ вызвать къ себѣ въ домъ третье лицо, совершенно безпристрастное, совершенно независимое; этому третьему лицу онъ бросаетъ палочку | festuca | въ знакъ того, что передаетъ домъ ему, и что онъ становится его господиномъ и распорядителемъ. Въ цѣляхъ символики, устанавливающей, что это третье лицо становится дѣйствительнымъ хозяиномъ, послѣднее должно угостить кашей нѣсколькихъ вызванныхъ для этого людей и затѣмъ, послѣ истеченія цѣлаго года, бросить палочку тому, кому было назначено дареніе. Такимъ образомъ, только черезъ третьи руки, только въ присутствіи цѣлаго ряда свидѣтелей можно совершить такой актъ, какъ дареніе. Самая процедура его уже предусматриваетъ попытку помѣшать дарению, дабы то, что находилось въ пользованіи отдѣльнаго лица не было отнято у совокупности.

Перейдемъ теперь къ вопросу, какого рода союзъ составляютъ тѣ сосѣди, которые мало-по-малу стали на мѣсто родичей, и которые связываютъ другъ друга въ правахъ владѣнія землей. Интересно взглянуть не только на отрицательную, но и на положительную сторону дѣла, раскрыть въ чемъ состоитъ общность интересовъ, связывающихъ этотъ союзъ. Что касается варварскихъ правдъ, то свидѣтельства ихъ очень скудны. Онѣ не по-

хожи на современныя законодательныя постановленія, расчитанныя на полное и точное описаніе отношеній, а лишь для того, чтобы отмѣтить тѣ случаи, которые требовали особаго вмѣшательства власти. Но мы имѣемъ цѣлый рядъ подробныхъ свидѣтельствъ изъ эпохи болѣе поздней, свидѣтельствъ, которыя очевидно восходятъ къ очень глубокимъ и древнимъ корнямъ. Съ помощью сравнительнаго изученія этого матеріала позднѣйшихъ памятниковъ и надо реконструировать древнюю сельскохозяйственную общину въ ея древнихъ вѣкахъ. Тѣмъ не менѣе есть кое какія указанія и въ Правдахъ. Если взять такой памятникъ, какъ Салическая Правда, памятникъ начала шестого вѣка, мы найдемъ тамъ знаменитый параграфъ " *de migrantibus* ", о которомъ очень много спорили въ наукѣ, и который, по моему мнѣнію, имѣетъ одинъ только, очень простой смыслъ; онъ гласитъ: "если кто хочетъ переселиться къ другому въ чужое село, то долженъ заручиться прежде всего согласіемъ сельчанъ; и если есть хоть одинъ изъ тѣхъ, кто живетъ въ этомъ селѣ | *villa* |, который противъ его переселенія, то въ такомъ случаѣ желающій переселиться x| не получаетъ на это позволенія.

Вотъ собственно основныя положенія. Они осложнены тѣмъ, что тотъ, кто хочетъ переселиться, является не просто безъ всякой связи съ селомъ: есть въ селѣ одинъ, который хочетъ его принять, тѣмъ не менѣе другіе могутъ

---

x| „ *Si quis super alterum in villam alienam migrare voluerit; si vel unus existat, qui contradicat, licentiam admigrandi non habeat.*"

протестовать; притомъ дѣло не рѣшается мнѣніемъ большинства, такъ какъ, если есть хотя бы одинъ протестантъ, то чужакъ не имѣетъ права переселиться. Въ чемъ тутъ дѣло, почему дается такое право настоящаго *liberum veto* одному поселянину? Это можно объяснить слѣдующимъ соображеніемъ: разъ каждый изъ членовъ села имѣетъ право выгнать чужака, то надо предположить, что появленіе послѣдняго затрогиваетъ интересы всѣхъ и каждаго. Въ какомъ же отношеніи могло появленіе чужака затрогивать интересы каждаго, почему надо дать право изгнанія изъ села одному члену села, а, напримѣръ, не большинству? Дѣло объясняется очень просто, если предположить, что всѣ члены села составляютъ союзъ, который владѣетъ землею во всей своей совокупности, владѣетъ не только въ томъ смыслѣ, что земля принадлежитъ всѣмъ его членамъ, но что они сообща пользуются всѣми угодьями, такъ что, если землею владѣетъ, напримѣръ, двѣнадцать человѣкъ, то интересы каждаго будутъ до нѣкоторой степени затронуты, если появится тринадцатый; мало того, что пользоваться всѣми угодьями будутъ уже не двѣнадцать, а тринадцать человѣкъ: нельзя отдѣлить землю для чужака отъ владѣній одного изъ прежнихъ членовъ союза; придется снова дѣлить землю между всѣми, то есть совершать полный передѣлъ.

Что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не объ одной конструкціи и не о тѣхъ логическихъ послѣдствіяхъ, которыя по нашему мнѣнію, въ концѣ концовъ вытекаютъ изъ этого постановленія, но что здѣсь мы имѣемъ передъ собой не-

сомнѣнный фактъ - это показываетъ другой параграфъ. Этотъ параграфъ |о пользованіи угодьями| ясно показываетъ, какое реальное значеніе имѣетъ такое запрещеніе. Въ Салической Правдѣ различаются *silva aliena* и *silva communis*.[x] Относительно послѣдняго мы узнаемъ, что въ немъ можно всякому рубить деревья и брать ихъ въ свою пользу; при этомъ право лица не ограничивается непосредственной рубкой, но идетъ даже дальше; человѣкъ можетъ намѣтить деревья для порубки и взять ихъ черезъ нѣкоторое время, однако это право подлежитъ ограниченію: человѣкъ непремѣнно долженъ срубить замѣченное дерево | *arbor signata* |въ теченіе года: въ противномъ случаѣ онъ лишается права. Это дѣлалось вѣроятно въ присутствіи лѣсныхъ сторожей, делегатовъ сельской общины. Ясно, что такое право является выгоднымъ для каждаго изъ хозяевъ села, и что нельзя было допускать чужаковъ къ пользованію имъ безъ всякаго ограниченія. Относительно пастбищъ мы не имѣемъ такихъ указаній, но легко представить себѣ, что дѣло обстоитъ точно также. Итакъ, въ варварскихъ Правдахъ, не смотря на односложность ихъ и несовершенство редакцій, мы имѣемъ слѣды несомнѣннаго присутствія коллективной собственности, принадлежащей сельской общинѣ.

в| ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ

---

x| Лѣсъ, находящійся въ общемъ владѣніи и не принадлежащій никому въ особенности.

сколько угодно указаній относительно частнаго владѣнія. Цѣлый рядъ постановленій о частномъ владѣніи, встрѣчающійся намъ въ правдахъ, складывался въ значительной степени подъ вліяніемъ римскаго, а не обычнаго народнаго права: послѣднее ищетъ себѣ убѣжища и развитія въ крестьянскомъ общинномъ владѣній. Оговариваясь относительно этого, я долженъ главнымъ образомъ обратить ваше вниманіе на обычныя народныя формы владѣнія, которыя вытекаютъ изъ первоначальныхъ условій быта и имѣютъ наибольшее значеніе для эволюціи древняго права.

Для того, чтобы возможно полнѣе выяснить вопросы о томъ, какой характеръ принимаетъ владѣніе и на что распространяется въ данномъ случаѣ собственность, я, какъ и прежде, буду опираться на позднѣйшій матеріалъ и расположу свое изложеніе систематически. Прежде всего укажу на то, какіе вопросы мы будемъ имѣть въ виду, съ какими формами будемъ имѣть дѣло. Сначала мы познакомимся съ формами поселенія, т.е. посмотримъ, какъ разселены были германскіе народы: селами или подворно, или какъ у насъ говорятъ хуторами". Затѣмъ я разсмотрю различныя формы земельной собственности: пастбища и лѣсъ, лугъ, пашню и дворъ.

с| ФОРМЫ ПОСЕЛЕНІЯ. Первое, что можно сказать относительно формъ поселенія - это, что германо-романское населеніе было знакомо съ обѣими основными различіями поселенія: съ поселеніемъ подворнымъ и общесельскимъ. Спраши-

---

Исторія Среднихъ Вѣковъ. Лекціи проф. Виноградова.
Лит. Фельдманъ. Невскій № 122. Листъ 16.

Директоръ Курсовъ

ваются, встрѣчаются ли эти различные виды поселенія по случайнымъ обстоятельствамъ, или въ данномъ случаѣ, можно прійти къ какому-нибудь общему выводу, къ тому, напримѣръ, что сельскія общины связаны съ одной какой-нибудь географической, или же этнографической особенностью, а подворныя - съ другой.

Первое, что обнаруживается фактическимъ разслѣдованіемъ, это, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подворное поселеніе прямо связано съ географическими условіями. Въ альпійскихъ горныхъ мѣстностяхъ поселеніе большими сплошными группами было невозможно. Приходилось располагать дома и владѣнія врозь, гдѣ позволяла мѣстность. Но на равнинахъ было мѣсто и для той, и для другой формы. Почему же одни выбрали одну, а другіе - другую?

При сужденіяхъ о формахъ поселенія приходится считаться и съ тѣмъ, что извѣстное племя, селясь въ данной мѣстности, вноситъ порядокъ выработанный имъ въ другомъ мѣстѣ,- вноситъ его не смотря на то, что другое племя въ данной же мѣстности держится другого порядка. Какъ на очень рѣзко выраженный примѣръ этого рода, я укажу на то, что по нижнему Рейну поселенія кельтскаго происхожденія имѣютъ хуторной, а поселенія германскаго происхожденія - сельскій характеръ. Я не могу входить въ очень подробное разсмотрѣніе этихъ фактовъ: эта сложная исторія формъ очевидно связана съ предшествующей исторіей племенъ. Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о какой-нибудь исконной расовой психологіи, а о томъ, что племя, изстари живущее въ опредѣленныхъ условіяхъ, въ

сосѣдствѣ съ опредѣленными народами, вырабатываетъ мало-по-малу извѣстныя хозяйственныя формы и затѣмъ твердо ихъ держится, даже при перемѣщеніи въ иныя условія. Не входя въ особенныя подробности, характеризующія эти условія, я укажу на то, какія особенности чрезвычайно характерны для основныхъ формъ поселенія у народовъ Западной Европы. Я говорю объ "основныхъ формахъ" поселенія потому, что упускаю безчисленныя развѣтвленія и осложненія по условіямъ краткости изложенія. Кромѣ того, я не привлекаю къ разсмотрѣнію поселенія славянскихъ народовъ Западной Европы, хотя они чрезвычайно характерны въ этомъ отношеніи. Поселенія эти не имѣли особеннаго вліянія на бытъ тѣхъ западныхъ странъ, которыми мы ближайшимъ образомъ занимаемся.

Въ этой части Западной Европы, которую мы разсматриваемъ, можно указать на три основныя формы разселенія и связаннаго съ этимъ аграрнаго быта. Одна форма римскаго или итальянскаго, другая - кельтскаго и третья германскаго происхожденія.

I| И т а л ь я н с к а я ф о р м а. Итальянская форма характеризуется чрезвычайно тѣснымъ поселеніемъ правильнаго, такъ сказать, лагернаго характера. Мѣстность размежевывается чрезвычайно тщательно на прямоугольные участки, такъ что иногда мѣстныя условія насилуются, и эта чрезвычайно плотная лагерная связь рѣзко выступаетъ впередъ. Эта форма принимаетъ видъ центуріатнаго размежеванія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже

за предѣлами Италіи, напримѣръ, въ Южной Франціи: можно всегда и съ большой увѣренностью возстановить сѣть размежеванія. Послѣднее происходило такимъ образомъ: сначала по одной прямой линіи ставили точки; отъ нихъ вверхъ, по вертикальному направленію шли перпендикулярныя линіи и образовывались большіе квадраты, центуріи, по двѣсти югеровъ въ каждой. Къ этимъ квадратамъ такъ или иначе примѣнялась вся мѣстность. Въ связи съ этой системой размежеванія стоитъ вся системъ хозяйства, которое можно назвать "огородной", и которая построена на чрезвычайно интенсивной обработкѣ, соединенной съ большой затратой труда и съ очень значительнымъ удобреніемъ, почти безъ всякой смѣны полевыхъ участковъ.

2| К е л ь т с к а я ф о р м а. Въ полномъ контрастѣ съ итальянской системой являются кельтскія поселенія съ ихъ аграрными формами, устроившіяся въ зависимости отъ пастушескаго хозяйства и патріархальнаго строя. Мѣстность занимается какой-нибудь частью племени; опредѣляются ея границы, и племя, появившееся сначала въ небольшомъ составѣ, тотчасъ же дѣлитъ землю; каждая семья получаетъ свой, пока сравнительно большой, округъ для обработки. Затѣмъ племя укрѣпляется на этомъ мѣстѣ, пускаетъ корни и разрастается; но даже и разросшись оно пытается удержаться вмѣстѣ. Обыкновенно семья вырастаетъ, такъ сказать въ большую семью подъ главенствомъ дѣда или старшаго дяди до третьяго поко-

лѣнія. Послѣ этого уже невозможно продолжать хозяйство сообща: необходимо дѣлить землю. Дробясь семьи расходятся по первоначальной земельной территоріи. Если территорія очень большая, то племя разростаясь, можетъ произвести второе раздѣленіе. Нормальнымъ признается раздѣленіе на четыре части. Кельтскія племена вырабатываютъ ариеметическую схему дѣленія. Участки дѣлятся на кварталы, или на четверти, при чемъ каждая четверть дѣлится опять на четыре части: само собою разумѣется, что такое дѣленіе не можетъ продолжаться до безконечности. Когда племя очень разростается, наступаетъ необходимость выселенія. Вслѣдствіе того порядка, который связанъ съ очень долгимъ господствомъ пастушескаго быта въ кельтскомъ племени, карта его разселенія имѣетъ видъ территоріи, раздѣленной на равные округленные участки, по которымъ разсыпаны отдѣльные хутора владѣльцевъ.

3| Германская форма. Германское поселеніе на плоскости является обыкновенно сельскимъ: первоначальная группа держится вмѣстѣ, но по мѣрѣ надобности происходитъ неправильное разростаніе села: дѣлаются постоянно все новыя и новыя заимки площади подъ обработку. Всякій разъ, когда площадь занимается подъ обработку, когда дѣлается попытка пополнить прежнее хозяйство,- каждый хозяинъ получаетъ опредѣленную полосу въ новыхъ поляхъ. Получается чрезвычайно характерный видъ, который можно изслѣдовать на межевыхъ картахъ. Карта состоитъ изъ клочковъ земли |полей|,

раскроенныхъ на множество полосъ. Каждый отдѣльный хозяинъ имѣетъ полосы во всѣхъ поляхъ.

Таковы формы, которыя даютъ указанія, отсутствующія въ лѣтописяхъ - тѣ формы, на которыя въ наукѣ обращаютъ теперь большое вниманіе.

д| ПОРЯДКИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНІЯ. Послѣ этой оріентировки я перехожу къ разбору вопроса о томъ, какъ обыкновенно, въ большинствѣ случаевъ складывались землевладѣніе и хозяйство средневѣковаго германскаго села, отъ котораго, собственно, и пошло германское хозяйство и хозяйство позднѣйшаго времени.

Прежде всего здѣсь, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, мы встрѣтимся съ вопросомъ, какія права существуютъ у отдѣльнаго хозяина и какія у села, какъ совокупности. Отдѣльный крестьянинъ имѣетъ въ своихъ рукахъ пучекъ разнообразныхъ правъ: онъ стоитъ въ одномъ отношеніи къ своему двору и дому, въ другомъ къ пахотнымъ участкамъ, въ третьемъ къ лугу, лѣсу и пастбищу.

I| Л ѣ с ъ и п а с т б и щ е. Для выясненія руководящихъ идей я начну съ самыхъ экстенсивныхъ формъ владѣнія: съ лѣса, выгона, угодій, которые еще не подчинены интенсивной обработкѣ. Я дѣлаю это не только въ цѣляхъ направленія изложенія въ опредѣленную сторону, но и въ видахъ соотвѣтствія его съ естественнымъ ходомъ вещей: вѣдь сначала приходится имѣть

дѣло съ пустнмъ мѣстомъ и только постепенно подвергать обработкѣ, входить въ него, такъ сказать, силою и трудомъ, и мало-по-малу формировать его въ культурномъ отношеніи.

Итакъ, что касается пастбищъ, пустошей и т.п. угодій, то безъ различія хуторнаго и сельскаго поселенія, мы имѣемъ здѣсь формы не только общиннаго владѣнія, но и самаго крайняго, самаго развитого общиннаго пользованія. Первоначально не было никакого ограниченія пользованія такого рода угодіями; иначе говоря, люди, которые жили въ данномъ округѣ имѣли право рубить въ немъ лѣсъ, выгонять скотъ, безъ ограниченія количества и рода животныхъ, имѣли право взять на свой страхъ клокъ земли для обработки. Мало-по-малу, однако, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія появляются ограниченія: участки приходится размежевывать, разверстывать; тѣмъ не менѣе слѣды первоначальной общности правъ удерживаются. Какъ на примѣръ этого, можно указать на право брать извѣстное количество травы для прокормленія животныхъ: человѣкъ, который идетъ по дорогѣ, можетъ собрать извѣстное количество травы со стороны, чтобы накормить своихъ животныхъ на пути. Самыя ограниченія объясняются необходимостью: таково, напримѣръ, постановленіе, чтобы свиньи не выгонялись на тѣ же самыя поля, куда выгоняютъ овецъ, потому что свиньи портятъ и роютъ пастбище. Затѣмъ, въ виду того, что возникаютъ большія неравенства собственности, является необходимымъ опредѣлить, сколько головъ скота можетъ выгонять въ поле каждый дворъ: такимъ об-

разомъ устанавливаются *maximum*'ы въ этомъ отношеніи. Что же касается первыхъ попытокъ ограничить пользованіе лѣсомъ, то, какъ я уже сказалъ раньше |стр. 201|, отмѣтка, сдѣланная на деревѣ дѣйствуетъ въ теченіе лишь одного года, а затѣмъ дерево опять отходитъ въ общее пользованіе.

Далѣе является ограниченіе права заимки въ виду того, что занятая земля изъемлется изъ пользованія общества: ограниченіе это опять таки вызвано необходимостью, такъ какъ право заимки въ извѣстный моментъ, подъ вліяніемъ накопленія челяди, является очень опаснымъ. Даже въ то время, когда наступило полное господство феодализма, когда извѣстная мѣстность признавалась принадлежащей тому или другому барону, даже и тогда высшій владѣтель не имѣетъ права обратить пастбище въ пашню по своему произволу, а принужденъ считаться съ потребностями крестьянъ, которые зависятъ отъ него.

Какъ на признакъ чрезвычайно опредѣленно выраженнаго взгляда, что пустошь составляетъ общинное владѣніе, я обращу ваше вниманіе на два факта: одинъ XIII -го, другой XIX -го вв.

Въ XIII вѣкѣ въ Англіи,- въ странѣ, гдѣ былъ чрезвычайно сильно развитъ феодализмъ, дѣйствовалъ "мертонскій статутъ," который дозволялъ всѣмъ сеньорамъ или лордамъ захватывать пустоши только въ той мѣрѣ, въ какой это допускали интересы другихъ свободныхъ владѣльцевъ мѣстности. Я говорю "свободныхъ", потому что вилланы въ этомъ отношеніи не были гарантированы. Очевидно, тутъ выраженъ

взглядъ, что извѣстная мѣстность не принадлежитъ только тому лицу, которое считается ея феодальнымъ владѣльцемъ, но что она считается владѣніемъ общины, которымъ можно пользоваться только ограниченно. Какъ на примѣръ изъ исторіи XIX вѣка я укажу на затрудненія, которыя возникаютъ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ въ Великобританіи, преимущественно на окраинахъ, изъ столкновеній крупныхъ владѣльцевъ съ интересами "кровтеровъ", т.е. мелкихъ владѣльцевъ, живущихъ въ отдѣльныхъ избахъ, и высылающихъ свой скотъ на пастбище. Въ виду этихъ затрудненій за послѣднее время и было образовано цѣлыхъ двѣ комиссіи для выдѣленія и выясненія правъ этихъ "крофтеровъ". Такимъ образомъ тутъ держится коренной, бытовой народный взглядъ, что извѣстная мѣстность принадлежитъ сначала цѣлой совокупности, что она лишь впослѣдствіи постепенно выдѣляется въ частное владѣніе или пользованіе, а затѣмъ уже переходитъ въ собственность частныхъ лицъ.

2| Л у г ъ и п а ш н я. По отношенію къ лугамъ держится и получаетъ характерное выраженіе тотъ же самый взглядъ. Луговое хозяйство незначительно и луговъ для полосъ мало: обыкновенно есть одинъ, два луга, по большей части заливные. Обычныя формы хозяйства по отношенію къ лугамъ не имѣютъ мѣста: село заботится о томъ, чтобы луга не переходили въ частную собственность, а оставались собственностью села; и хотя формы опредѣленныхъ передѣловъ пашни въ Западной Европѣ почти не встрѣчается, но лугъ раздѣляется по числу хозяевъ на клинья и затѣмъ эти хозяева владѣютъ клиньями и дѣлаютъ на нихъ

покосы или по череду дворовъ, или по жребію; при этомъ является прямая смѣна владѣльцевъ на извѣстномъ участкѣ.

Пахотная земля, которая составляетъ самую важную часть сельской территоріи почти вездѣ подѣлена и перешла въ потомственное владѣніе. Но это потомственное владѣніе имѣетъ особенную постановку, опять-таки вытекающую изъ древняго общиннаго права: въ Западной Европѣ мы въ большинствѣ случаевъ не наблюдаемъ передѣла, но зато вездѣ, гдѣ есть сельское владѣніе, вездѣ, гдѣ владѣютъ рядомъ - существуетъ чрезвычайная черезполосица владѣній. Сосѣди владѣютъ не сплошными участками, а цѣлымъ рядомъ полосъ, можетъ быть, по 20 - 30 полосъ. Основная причина такого распредѣленія въ томъ, что каждый долженъ получить ровно столько же въ каждомъ раздѣлѣ поля, чтобы поля всѣхъ были уравновѣшены въ поляхъ разной величины и достоинства: въ связи съ черезполосицей является принудительный сѣвооборотъ. Посѣвы производятся не въ той послѣдовательности, какую каждый считаетъ удобной для своего поля, а въ зависимости отъ того, какъ сговорилось общество. Это рѣшеніе схода обязательно для всѣхъ его членовъ, и въ то время, когда на полѣ стоитъ хлѣбъ, вокругъ него обыкновенно устанавливается изгородь, которая въ извѣстное время снимается, и скотъ всего села выходитъ на выпасъ, безъ всякаго различія частныхъ полосъ.

Нечего говорить, что такой порядокъ существенно ограничиваетъ право отдѣльнаго хозяина распоряжаться своей землей, не говоря о томъ, что каждый владѣлецъ, который хочетъ, напримѣръ, ввести улучшеніе въ своемъ

хозяйствѣ, перемѣнить трехпольное хозяйство на четырехпольное - не можетъ этого сдѣлать, если всѣ ведутъ трехпольное. Тѣмъ не менѣе эта система, чрезвычайно неудобная и несовершенная въ техническомъ смыслѣ, держится сотни лѣтъ потому только, что она выражаетъ въ себѣ общее бытовое понятіе, что крестьянское потомственное владѣніе находится въ подчиненіи у высшаго общаго владѣнія - села.

Относительно передѣловъ я только - что сказалъ, что передѣловъ вообще нѣтъ; ихъ нѣтъ въ томъ смыслѣ, что не происходитъ періодическихъ перераспредѣленій земли сообразно измѣняющимся потребностямъ и силамъ населенія, какъ это происходитъ, напримѣръ, у насъ. Однако могутъ быть обязательныя перевѣстки владѣній, въ томъ случаѣ, если границы запутались. Эта форма весьма хорошо засвидѣтельствована у сѣверныхъ народовъ; мы знаемъ, что въ случаѣ требованія достаточнаго числа жителей села наступаетъ *feldring*, новое раздѣленіе участковъ между надѣлами. При этомъ не просто регулируются границы, а происходитъ общее перемежеваніе надѣловъ и даже дворовъ.

Эти *feldring* принимаютъ форму генеральнаго перемежеванія. Если есть достаточныя основанія въ жалобахъ, то такая перемежевка совершается на новыхъ началахъ, съ цѣлью дать хозяину участокъ въ совершенно новыхъ комбинаціяхъ. Такая же практика засвидѣтельствована такъ называемыми германскими *weisthümer*

3| Д в о р ъ. Всего прочнѣе человѣкъ сидитъ въ предѣлахъ своего двора, но и въ этомъ отношеніи дѣло стоитъ

странный, но вполнѣ засвидѣтельствованный: въ древнемъ германскомъ правѣ домъ принадлежалъ къ движимой собственности. Его строили чрезвычайно легко, иногда даже ставили на телѣгу и перевозили; По этому то его и считали движимостью. Понятно, что при ростѣ осѣдлости, домъ, естественно, сталъ недвижимой собственностью.

Замѣчу, что для общей оцѣнки всѣхъ этихъ порядковъ чрезвычайно важно представить себѣ, къ чему ведутъ они, какую цѣль преслѣдуетъ въ данномъ случаѣ народъ и въ какомъ отношеніи находятся эти комбинаціи къ тѣмъ извѣстнымъ построеніямъ, которыя мы имѣемъ, напримѣръ, въ условіяхъ русской жизни.

е| НАДѢЛЪ. Существеннымъ элементомъ сельской общины, какъ она проявляется въ средневѣковой Европѣ, является понятіе надѣла: различныя части владѣнія крестьянина соединяются въ одно болѣе или менѣе постоянное цѣлое, въ которомъ представлены всѣ главные элементы этого владѣнія: дворъ, пашня, лѣсъ и пастбище. Средневѣковая сельская община Западной Европы типична въ томъ отношеніи, что надѣлы эти уравнены не въ томъ смыслѣ, что всѣ домохозяева равно владѣютъ, но что ихъ владѣнія расположены въ двухъ, трехъ опредѣленныхъ рядахъ и участки надѣловъ въ каждомъ изъ этихъ рядовъ равны. Въ верхнемъ ряду, напримѣръ, каждый владѣлецъ имѣетъ по цѣлому надѣлу, то есть, напримѣръ, 30 полосъ въ разныхъ частяхъ пахотнаго поля, при чемъ сюда необходимо прибавить и права на луговую землю, на выпасъ, на пользованіе угодьями; ровно столько же

имѣетъ его сосѣдъ въ томъ же ряду. Затѣмъ подъ этимъ рядомъ обыкновенно расположенъ второй, въ которомъ каждый хозяинъ владѣетъ уже не цѣлымъ, а половиннымъ надѣломъ; кромѣ того, въ этомъ второмъ ряду самые надѣлы уже крупнѣе. Наконецъ, слѣдуетъ третій рядъ, въ которомъ люди живутъ въ хатахъ безъ опредѣленныхъ надѣловъ въ пахотной землѣ и пользуются лишь нѣкоторыми правами по общимъ угодьямъ. Это самая обыкновенная и самая простая форма. x|

Какой же цѣли достигаетъ такая система надѣловъ и какой порядокъ устанавливаетъ она? Можно ли, напримѣръ, сравнить эту сельскую общину съ хорошо извѣстной намъ крестьянской общиной въ Россіи?

Есть одно существенное проходящее черезъ весь порядокъ различіе: въ русской общинѣ, тамъ, гдѣ она имѣетъ передѣлы, владѣніе, такъ сказать, подгоняется къ населенію. Оно развивается и сокращается сообразно съ общимъ рѣшеніемъ и примѣнительно къ условіямъ труда и запросамъ отдѣльныхъ хозяевъ и тѣхъ семей, которыхъ они являются представителями. Такимъ образомъ, земельное занятіе развивается въ связи съ рабочими силами и съ потребностями тѣхъ семей, которыя входятъ въ составъ общины. Этого-то основного условія какъ разъ и нѣтъ въ Западной Европѣ. Владѣніе не сокращается и не расширяется примѣнительно къ личному составу отдѣльныхъ хозяевъ. Сельская община разбивается на болѣе или менѣе постоянныя числовыя единицы - равные квадраты, въ кото-

---

x| Такого рода надѣлы въ Германіи называются "гуфами", въ Англіи - самые большіе -"гайдами", небольшіе, составляющіе часть "гайда" - "боватами" и "виргатами".

рыхъ населеніе уже разрѣжается и сгущается независимо отъ рѣшеній людского схода, по случайнымъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, не дѣлается попытки приравнять средство обработки къ потребностямъ и силамъ семействъ: территорія просто разбивается на извѣстное число дворовъ, въ которыхъ населеніе размѣщается уже произвольно, но которые между собой уравнены. Это самая характерная особенность германоримской общины.

Въ Салической Правдѣ эта западная форма германскихъ поселеній носитъ техническое названіе "дворовой общины", потому что ея составомъ часто являются уравненные дворы. Анализируя эту форму, изслѣдователи указываютъ на то, что она до нѣкоторой степени имѣетъ сходство съ формами существующихъ акціонерныхъ предпріятій. Въ извѣстной степени ее, конечно, можно сравнить съ акціонернымъ предпріятіемъ: каждый надѣлъ, каждый дворъ есть акція, во владѣніи которой принимаютъ участіе нѣсколько лицъ. Этимъ сравненіемъ сильно пользовались для проведенія того взгляда, что дѣло идетъ не о коммунистическомъ владеніи, а объ уравненіи рабочихъ и платежныхъ силъ населенія въ предѣлахъ сельской территоріи. Дѣйствительно, получается порядокъ всего менѣе считающійся съ реальнымъ равенствомъ: подъ прикрытіемъ этихъ равныхъ квадратовъ скрываются далеко не равныя отношенія, такъ какъ случайно можетъ оказаться, что одной акціей владѣетъ много народу, а другой - мало. Это сравненіе справедливо; тѣмъ не менѣе совершенно ясно, что подобное устройство дворовъ и надѣловъ не есть простой расчетъ средствъ, какимъ является распредѣленіе акціонерныхъ предпріятій,

такъ какъ это есть все-таки попытка уравнять въ то же самое время и потребности; вѣдь на самомъ дѣлѣ, хотя здѣсь и не проводится идеи приравненія или прирѣзыванія земли къ населенію, но первоначальное понятіе дворовой группы образуется съ бытовой, такъ сказать, среднепропорціональной, точки зрѣнія: дворъ -это не случайная и произвольная единица, дворъ - это союзъ, къ которому стремится примѣниться вся жизнь села; вслѣдствіе этого внутри двора принимаются мѣры въ смыслѣ большаго или меньшаго уравненія силъ сравнительно съ другими дворами. Такъ, напримѣръ, юридически господствующее право равнаго наслѣдованія сыновей можетъ быть доведено до полнаго раздѣла двора: всѣ сыновья послѣ смерти отца имѣютъ право на дворъ. Если они не могутъ согласиться относительно состава этихъ правъ, то юридически дворъ можетъ распасться |положимъ всѣхъ сыновей пять| на пять или на другое число частей и, наоборотъ, два двора могутъ слиться. Но это только съ чисто юридической точки зрѣнія: бытовое стремленіе идетъ совершенно въ другомъ направленіи. Такое мельчаніе дворовъ, основанное на чисто ариѳметическихъ разсчетахъ по числу наслѣдниковъ, не соотвѣтствуетъ бытовымъ условіямъ: оно ведетъ къ слабости и ничтожеству. Поэтому, наперекоръ общему праву, является бытовая тенденція къ объединенію дворовъ, и если въ Салической Правдѣ сначала наслѣдуютъ всѣ братья, то затѣмъ дворы при наслѣдіи не дѣляться. Дворомъ владѣетъ собственно или старшій, или младшій братъ, то есть вырабатывается система объединенія надѣла или на старшемъ или на младшемъ братѣ. Къ младшему владѣніе переходитъ очень часто, потому что онъ послѣднимъ остается при отцѣ. Что же дѣлается съ другими, если не удается установить

старый порядокъ? Они уходятъ на сторону, причемъ ихъ выкупаютъ, ихъ снабжаютъ деньгами, помощью, но такъ или иначе стараются устранить: и то, что сначала, подъ постепеннымъ давленіемъ бытовой потребности, является результатомъ частныхъ обычаевъ, то впослѣдствіи выражается въ формѣ обычнаго законодательства. А разъ дѣло стоитъ такъ, то уже нельзя говорить о простомъ акціонерномъ построеніи. Для акціонерныхъ отношеній безразлично, какъ сложилась жизнь отдѣльныхъ акціонеровъ; здѣсь же все время является тенденція держать дворы на одномъ и томъ же уровнѣ, какъ въ смыслѣ правъ и требованій, такъ и въ смыслѣ обязанностей. Уравнительная тенденція проявляется здѣсь въ томъ, что совокупность домохозяевъ чрезвычайно зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ надѣльныя права были совершенно равны между собою и чтобы внутри каждаго надѣла не происходило слишкомъ большого накопленія членовъ.

Проведеніе этого принципа, его прямо тысячелѣтняя жизненность были бы немыслимы, если бы все зависѣло отъ совершенно частныхъ соглашеній, отъ совершенно частныхъ уговоровъ. Съ этой стороны всѣ попытки разложить порядокъ средневѣковой общины могутъ быть признаны неудачными. Разсматривая этотъ порядокъ, мы наблюдаемъ въ немъ два капитальныхъ бытовыхъ принципа: 1| единство территоріи или села и 2| бытовую цѣльность надѣла, какъ той единицы, которая служитъ объектомъ уравненія. Эти два принципа получаютъ фактическое осуществленіе, такъ какъ за ними слѣдитъ главнымъ образомъ одно учрежденіе: сельскій сходъ, то есть общее собраніе владѣльцевъ надѣловъ. Сельскій сходъ есть организація, господствующая на всемъ протяженіи Западной Европы среднихъ вѣковъ. Если она и измѣнялась подъ феодальнымъ владычествомъ и подчинялась

вліянію помѣщика вездѣ, гдѣ установились порядки германскаго землевладѣнія, тѣмъ не менѣе она сохранила нѣкоторыя характерныя черты въ теченіе всего средневѣковья. Это во-первыхъ, не собраніе всѣхъ мущинъ даннаго округа, а собраніе всѣхъ домовладѣльцевъ, домохозяевъ; во-вторыхъ, это - собраніе, которое имѣетъ и судебныя, и полицейскія, и аграрно-экономическія функціи; оно слѣдитъ за жизнью деревни и относительно употребленія напитковъ, и относительно постановки изгородей, и относительно распоряженій по поводу выгона скота. Въ-третьихъ, оно поддерживаетъ полицей скій порядокъ и благоустройство. Наконецъ, оно совершаетъ наиболѣе элементарные гражданскіе акты. Передача собственности, напримѣръ, является дѣломъ схода, какъ бы формально ни вмѣшивался сюда господинъ или помѣщикъ. Такимъ образомъ, это маленькое деревенское вѣче является крайне важнымъ органомъ во всей соціальной работѣ средневѣковья.

При развитіи феодализма предсѣдателемъ этого схода является господскій приказчикъ, но жизненность схода остается все-таки значительной. Въ этомъ отношеніи очень любопытно законодательство Англіи - страны, гдѣ феодальный принципъ получилъ полное примѣненіе. Разсматривая англійскую страну съ точки зрѣнія королевскихъ судовъ Англіи, вы нигдѣ не увидите ни одного промежутка, не покрытаго феодальнымъ владѣніемъ. Здѣсь можно смѣло примѣнить французскую пословицу: „Nulle terre sans seigneurs". Но можно сказать и другое: нѣтъ ни одной мѣстности безъ сельскаго схода. Нѣтъ сомнѣнія, что эти начала идутъ издалека, что они связыва-

---

ся по традиціи съ началами той ассоціативной свободной организаціи, которая возобновилась въ Европѣ благодаря свѣжимъ народамъ и произвела переворотъ въ прикащичьей системѣ римскаго земельнаго права.

III. СОЦІАЛЬНЫЙ СТРОЙ.

Перехожу теперь къ другому отдѣлу своего изложенія, къ отдѣлу, тѣсно связанному съ предыдущимъ, а именно къ вопросу о соціальномъ строѣ въ смыслѣ расположенія и характера общественныхъ классовъ.

Соціальный строй во всякомъ мѣстѣ, во всякій данный историческій моментъ является комбинаціей, главнымъ образомъ, двоякаго рода условій: онъ создается, во-первыхъ, подъ вліяніемъ экономическихъ и во-вторыхъ, подъ вліяніемъ политическихъ условій. Совершенно ясно, что вопросы о добываніи средствъ къ жизни и ихъ распредѣленіи, о производствѣ и обмѣнѣ его результатовъ, все это - вопросы, которые должны оказывать вліяніе на образованіе профессій, на накопленіе капитала, на появленіе всякаго рода коопераціонныхъ отношеній, на образованіе соціальной лѣстницы, а потому распространяться объ этомъ излишне. Но не надо забывать, что въ историческомъ процессѣ очень могущественнымъ условіемъ являются политическіе факты. Я уже не говорю о такихъ рѣзкихъ фактахъ, какъ, напримѣръ, завоеваніе, которые обусловливаютъ собою внезапное появленіе и паденіе извѣстныхъ комбинацій, что какъ

раазъ имѣло мѣсто въ средніе вѣка. Но помимо этого, понятно, что появленіе правительственной власти, ея политика, даже прямо то притяженіе, которое она оказываетъ на людей, давая имъ извѣстное привиллегированное положеніе, все это факты, которые, накопившись, пріобрѣтаютъ большое вліяніе на образованіе соціальнаго строя. Разумѣется при историческомъ изложеніи вообще нельзя вести разсказъ, не забѣгая впередъ: знакомясь съ экономической организаціей, мы уже должны были отчасти предвосхитить нѣкоторыя свои замѣчанія относительно соціальнаго строя. Теперь же мы будемъ говорить о соціальномъ, а не о политическомъ строѣ потому, что хотя первый и вынесъ на себѣ очень сильное вліяніе послѣдняго, тѣмъ не менѣе онъ самъ оказалъ еще болѣе сильное вліяніе на политическія условія; въ этомъ отношеніи построеніе власти уже прямо указываетъ на то, какъ сложились сословныя отношенія.

Такимъ образомъ, мы посмотримъ теперь, что представляло изъ себя раннее средневѣковое общество, каковы были условія его пластообразованія и въ какомъ направленіи шла работа въ смыслѣ передвижки и распредѣленія классовъ.

Можно сказать опредѣленно, что раннее средневѣковое общество, образовавшееся въ зависимости какъ отъ римскихъ, такъ и отъ германскихъ условій, представляетъ изъ себя четыре основныхъ класса: рабы, полусвободные |характерный классъ, который выдвигается такъ ясно въ Римской имперіи и продолжаетъ развиваться въ свободномъ германскомъ мірѣ|, свободные и знать.

а| РАБЫ. Говоря о рабахъ мы будемъ наблюдать за развитіемъ очень любопытнаго процесса, а именно - постепеннаго

исчезновенія рабовъ, вопросъ о причинахъ котораго навсегда останется одной изъ важнѣйшихъ историческихъ проблемъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемся съ чрезвычайно опредѣленнымъ и количественно очень развитымъ классомъ рабовъ. Но уже около 1000 года этотъ классъ является рѣдкимъ исключеніемъ и мало-по-малу совершенно исчезаетъ. Чѣмъ это объясняется? Для того, чтобы лучше отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, мы заглянемъ сначала вглубь исторіи рабства. О римскихъ рабахъ я распространяться не буду, полагая, что вамъ достаточно хорошо извѣстно, въ какомъ положеніи они находились и до какой степени они признавались простою вещью. Только въ самомъ концѣ римской имперіи начало измѣняться это воззрѣніе; появляется за рабами признаніе нѣкоторыхъ правъ, признаніе за ними человѣческой личности. Итакъ, съ римской точки зрѣнія рабъ есть одушевленное орудіе производства. Но что представляетъ изъ себя германскій классъ рабовъ? Мы можемъ начать тутъ съ хорошей сравнительной характеристики, которую даетъ Тацитъ въ видѣ нѣсколькихъ короткихъ, но вѣскихъ фразъ. Онъ говоритъ: "Рабами они пользуются не по нашему, путемъ (путемъ) распредѣленія между ними всякаго рода обязанностей по хозяйству. Германскій[x] рабъ каждый имѣетъ свое жилище и своихъ пенатовъ.

Господинъ приказываетъ ему поставить извѣстное количество скота, хлѣба или одежды, что похоже на колонатъ,[xx] и въ этой степени рабъ повинуется ему.

---

x| т.е. свое отдѣльное хозяйство.

xx| *Servis utuntur non in nostrum morem*

Такимъ образомъ характеристика Тацита сводится къ тому, что германскій рабъ въ общемъ предоставляется римлянину скорѣе похожимъ на колонатъ, т.е. на оброчнаго или барщиннаго крѣпостного, чѣмъ на раба. Если отъ этой очень многозначительной характеристики перейдемъ къ анализу данныхъ условій, то увидимъ, что характеристика эта основана на бытовомъ, а не на чисто юридическомъ наблюденіи. Въ чисто юридическомъ отношеніи можно привести сколько угодно свидѣтельствъ того, что рабъ въ германскомъ, какъ и въ римскомъ мірѣ, разсматривается какъ животное или вещь. Такъ, напр., въ варварскихъ правдахъ при перечисленіи убійствъ или бѣдствій, причиненныхъ рабами, послѣднихъ зачисляютъ между животными. Обыкновенно подобныя перечисленія начинаются такъ: "Если лошадь, или быкъ, или рабъ, или какой нибудь скотъ нанесетъ ущербъ..." x) Рабъ является видовымъ понятіемъ при родовомъ животное, и такимъ образомъ въ юридическомъ отношеніи между римскимъ и германскимъ рабомъ коренной разницы не существовало. Хотя позднѣе присутствіе христіанскаго взгляда въ римскомъ и германскомъ порядкахъ рабовладѣнія и сближало раба съ господиномъ, тѣмъ не менѣе оно не мѣшало признавать рабство, какъ институтъ. И вотъ, возникаетъ капитальный вопросъ: какимъ же образомъ и при какихъ условіяхъ вывелся институтъ рабства?

---

x) *Descriptis per familiam ministeriis: suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum domino aut pecoris, aut vestis ut colono injungit et servis hactenus paret. Si caballus, aut bos, aut servus, aut quodlibet animal etc. etc...*

Для того, чтобы выяснить причины перерожденія и вымиранія рабства, лучше всего начать съ фактической характеристики того, какъ оно совершилось. Если сдѣлать эту характеристику безпристрастно и внимательно, то она дастъ весьма опредѣленные результаты, которые и укажутъ, какія, собственно, вліянія имѣли первенствующее значеніе.

Первымъ фактомъ, съ котораго приходится начинать систематическое изложеніе, является то условіе, что нельзя всю массу рабовъ ставить подъ одну характеристику, нельзя говорить просто о рабахъ, а надо имѣть въ виду что ихъ существовало нѣсколько разрядовъ и что въ жизни этихъ разрядовъ были существенныя различія. Рабовъ можно раздѣлить на Три главныя группы: I| рабы - земледѣльцы; 2| рабы, состоящіе при господахъ | то есть какъ ихъ дворня, такъ и рабы господской экономіи| и 3| рабы - ремесленники.

Каждая изъ этихъ группъ проходитъ свою исторію.

I| Р а б ы з е м л е д ѣ л ь ц ы. Рабы земледѣльцы обыкновенно носятъ въ средневѣковыхъ латинскихъ источникахъ названіе *servi manentes* или *servi casati*. Уже во второй половинѣ среднихъ вѣковъ появляется другое характерное ихъ названіе - *villani*. Теперь мы встрѣчаемся еще съ ихъ первымъ названіемъ *manentes* и *casati* иначе съ рабами поселенными или осѣдлыми. Это не люди, которыхъ передвигаютъ какъ шашки: они крѣпко сидятъ въ извѣстномъ положеніи, въ извѣстныхъ домахъ, на извѣстныхъ участкахъ; они прикрѣплены къ землѣ, но не въ силу того, что государство приказываетъ имъ быть крѣпостными или поручаетъ ихъ господамъ держать ихъ въ крѣпо-

сти, а вслѣдствіи того, что самыя условія хозяйственной эксплоатаціи дѣлаютъ нормальной ихъ эксплоатацію въ качествѣ крѣпостныхъ. Почему такъ? Почему грубый, своевольный и жесткій варваръ былъ болѣе связанъ въ отношеніи своего раба - земледѣльца, чѣмъ очень культурный, очень гуманный римскій баринъ III вѣка? Дѣло въ томъ, что варваръ VI вѣка, если бы даже и хотѣлъ, не могъ передвигать своихъ рабовъ. Римскій землевладѣлецъ III вѣка располагалъ всѣми средствами, которыя государство и развитое общество гарантируетъ человѣку для пользованія имуществомъ по своему произволу. Нужно помнить, что онъ имѣлъ за собой могущественное государство; онъ могъ пользоваться рабами въ той мѣрѣ, въ той степени, какъ это ему казалось нужнымъ. Хорошіе пути сообщенія, значительные торговые обороты и живой обмѣнъ давали ему возможность мобилизовать свой рабскій составъ, передавать его куда нужно, пользоваться имъ по комбинаціямъ своего плана. Совершенно въ другомъ положеніи находился потомокъ этого землевладѣльца въ VI вѣкѣ. Ему приходилось уже считаться съ новыми государственными и общественными условіями, при которыхъ онъ только въ томъ случаѣ могъ быть рабовладѣльцемъ, если его крестьяне не разбѣгались со своихъ мѣстъ, вели сколько-нибудь постоянную работу на своихъ участкахъ и согласны были платить или работать ему въ какой-нибудь даже умѣренной степени, потому что всюду царствовалъ безпорядокъ. Суды были слабы и пристрастны, королевская власть была далеко, состояніе общества было таково, что всѣ быстрыя, имущественныя движенія задерживались. При этихъ условіяхъ крупному землевладѣльцу приходилось хлопотать совсѣмъ не о томъ, чтобы удерживать и проявлять свою юри-

дическую мощь по отношенію къ рабамъ: цѣль тогдашняго землевладѣльца, конечно, если онъ былъ человѣкъ разумный |а въ среднемъ всегда берутъ верхъ разсчеты благоразумія|, заключалась въ томъ, чтобы по возможности удержать при землѣ извѣстное число наиболѣе для него цѣнныхъ рабочихъ рукъ, и въ томъ, чтобы исполнять по отношенію къ нимъ соціальныя задачи. Получался, такъ сказать, молчаливый договоръ, проходившій черезъ всѣ мѣстности и дававшій почти вездѣ одинаковые результаты. Такимъ образомъ, тутъ работаютъ сами соціальныя отношенія, которыя и вырабатываютъ обычныя среднія, могущія быть предъявленными, пропорціональныя требованія. Вмѣсто эксплуатаціонныхъ отношеній, которыя существовали раньше, мы видимъ теперь появленіе новыхъ чертъ средневѣковаго обычая. Къ этому противоположенію экономическихъ, эксплуатаціонныхъ отношеній съ одной стороны, и обычныхъ крѣпостныхъ - съ другой, сводится весь строй среднихъ вѣковъ.

Эти обычныя отношенія складываются очень рано, еще въ концѣ римской имперіи, то есть въ то время, когда она начинаетъ, такъ сказать, трещать по швамъ, когда начинается переходъ ея къ простѣйшимъ задачамъ, послѣ того, какъ культура ея пошла назадъ. Вотъ тогда то и появился колонатъ, который имѣетъ характеръ перваго проявленія этой тенденціи. Затѣмъ, когда вслѣдствіе напора варваровъ отношенія спутались еще болѣе и значеніе локализаціи хозяйства проявилось сильнѣе, эта форма колоната, и при томъ колоната не законнаго, а бытового, основаннаго на самопроизвольномъ соглашеніи, овладѣла всей Западной Европой. Даже въ такомъ

сравнительно древнемъ памятникѣ, какъ Баварская Правда седьмого вѣка, мы встрѣчаемъ записи изъ которыхъ видимъ, что крестьянское населеніе сидитъ на оброкѣ и барщинѣ, которые даже съ нашей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія людей, помнящихъ каковы были отношенія въ русскомъ крѣпостномъ правѣ, сравнительно не тяжелы. Останавливаясь лишь на самыхъ характерныхъ проявленіяхъ, можно сказать, что съ крестьянскаго двора одинъ работникъ работалъ на барщину три дня, такъ что четыре остальныхъ принадлежали ему самому: одинъ для отдыха и три на работу. Оброки также становились постоянными; будучи натуральными, они вездѣ мало-по-малу пріобрѣтали обычную форму и фиксировались; даже потомъ, при улучшеніи хозяйства, становилось труднымъ перемѣнить ихъ, такъ какъ за ними установилась давность. Вездѣ мы наблюдаемъ то же самое. почти повсюду система неопредѣленныхъ барщинныхъ повинностей[x] исчезаетъ. Получается система бытовыхъ обязательствъ при участкѣ, позволяющая хозяину надѣяться, что рабъ не убѣжитъ |а убѣжать ему очень легко|, и гарантирующая ему извѣстный постоянный доходъ. Таковъ процессъ, который развивается на соціальной и хозяйственной почвѣ къ выгодѣ самого же землевладѣльца и который вытекаетъ изъ того, что послѣдній приходитъ къ сознанію выгодности для себя такого выхода.

Для полности замѣчу, что было бы однако преувеличеніемъ думать, что не было исключеній изъ такого порядка. Развѣ можетъ быть сомнѣніе, что такіе случаи

[x] Ungemessene Dienste.

отступленія отъ общей нормы являлись повсюду результатомъ безправнаго положенія рабовъ? Но мы говоримъ не объ этихъ проявленіяхъ безправнаго положенія, а о будничной, средней жизни тогдашняго крестьянства, и въ этомъ смыслѣ, смыслѣ образованія среднихъ, бытовыхъ барщинныхъ и оброчныхъ формъ, были, конечно, фактическія улучшенія. Бывали, однако, и случаи, когда работа падала не на дворъ, а на все населеніе, особенно въ страдную пору. Тѣмъ не менѣе привлекалось оно не на плантаціонныхъ началахъ, когда надо отработать на барщинѣ, а потомъ уже идти на свой участокъ, опять таки на началахъ договорныхъ. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что этотъ договоръ повторяется милліоны разъ и вездѣ въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ. Въ это страдное время господская экономія напрягаетъ всѣ средства, чтобы набрать рабочихъ, но и для такихъ случаевъ мало-по-малу вырабатывается средняя пропорціональность требованій въ томъ смыслѣ, что крестьяне идутъ на работу въ силу такъ называемыхъ просьбъ, идутъ на просебные дни, на *precariae* и при томъ въ опредѣленные дни. Ихъ просятъ, чтобы они пришли на жатву и на косьбу; они приходятъ разъ - два на эти просьбы; но если ихъ просятъ въ третій разъ, то ихъ уже надо угостить, дать имъ ветчины, хлѣба. Въ извѣстномъ случаѣ, когда просьба повторяется еще и еще, приходится давать угощеніе уже не сухое, а съ пивомъ или виномъ. Такимъ образомъ, опять-таки устанавливаются извѣстныя нормы. И это не разсказъ какого - нибудь случайнаго

свидѣтеля, путешественника или лѣтописца, а хозяйственныя записи, записи прикащиковъ.

2| Р а б ы п р и г о с п о д а х ъ. Обратимся къ другому разряду рабовъ, къ разряду рабовъ, находящихся при господахъ. Если существовали рабы, то нельзя, конечно, представить себѣ, что всѣ они были заняты земледѣліемъ, что никого не осталось при господахъ для личныхъ услугъ. На послѣднія со стороны господъ постоянно бываютъ энергичныя требованія, которыя, несомнѣнно, существовали и въ средніе вѣка. Каковы же были условія удовлетворенія этихъ требованій? Прежде всего нужны были простые слуги, такъ называемые дневные рабы; затѣмъ являлся спросъ на вооруженныхъ людей, особенно необходимыхъ сильному человѣку; наконецъ требовались прикащики, счетчики, писаря - вообще персоналъ господской экономіи, господской конторы. Вотъ эти-то слуги, носившіе названіе министеріаловъ и составляли особый разрядъ. Министеріалы, въ противоположность *servi manentes* и *casati* не могли быть такъ обезпечены, какъ обезпечены были крѣпостные, потому что они не сидѣли далеко отъ господина, а находились съ нимъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ, гдѣ какъ разъ открывался большой просторъ для личнаго произвола, чего не могло быть по отношенію къ оброчному рабу. Но насколько въ улучшеніи быта раба - земледѣльца огромную роль играетъ великая нужда господина въ рабочихъ рукахъ, настолько въ улучшеніи быта господскихъ рѣбовъ играетъ роль нужда его въ военныхъ

людяхъ. Понятное дѣло, что мало-по-малу между господиномъ и рабомъ, который ходилъ съ нимъ постоянно на войну, спасалъ его жизнь, который былъ ему крайнѣ необходимъ, вырабатывается совершенно особая связь, понятіе чести; наказывать такого раба по произволу было неудобно. Такимъ образомъ, разрядъ военныхъ людей быстро становится впереди и трудно опредѣлить, кто поставленъ лучше и выше: военные-ли, господскіе, или мелкіе свободные люди? Положеніе этихъ несвободныхъ военныхъ настолько привлекательно, что мелкіе свободные люди очень часто переходятъ въ этотъ разрядъ. Наконецъ, въ это время появляется запросъ на постепенное повышеніе рабовъ, а вмѣстѣ съ этимъ вырабатываются и новыя юридическія положенія, вслѣдствіе необходимости имѣть образованныхъ помощниковъ; здѣсь мы встрѣчаемся съ условіемъ, которое можемъ наблюдать еще въ древнемъ мірѣ. Мы привыкли говорить для простоты, что римскіе господа были рабовладѣльцами; но надо прибавить, что они были не только рабовладѣльцами, но и господами вольноотпущенниковъ, выполнявшихъ всякую бѣлую работу. Но разъ работа бѣлая, разъ она требуетъ напряженія ума, изворотливости, довѣрія къ работнику, то никакъ нельзя допустить, чтобы она исполнялась человѣкомъ, который былъ только вещью. И вотъ, вы видите, что всякая римская экономія держится въ сущности не одними рабами, а извѣстнымъ штатомъ людей, которыхъ выпускаютъ на волю вовсе не изъ гуманности, а потому что имъ иначе нельзя было бы довѣрять. Для подневольной, механиче-

ской работы служатъ рабы; для не механической, для высшей службы требуется доля вольнаго труда, что и достигается отпускомъ на волю. Для того, чтобы собрать оброкъ по разбросаннымъ имѣніямъ крупныхъ господъ, чтобы свести этотъ оброкъ въ извѣстное мѣсто, чтобы наблюдать за амбарами и производить продажу излишка и покупку необходимаго, нужны были люди повышеннаго состоянія и потому рабовъ, предназначавшихся для этихъ услугъ, не только отпускали на волю, но и обучали: они проходили кое-какую грамоту, а это по тому времени составляло настолько громадное преимущество, что въ этомъ отношеніи они стояли выше даже многихъ свободныхъ своихъ современниковъ. Въ первую половину среднихъ вѣковъ этотъ разрядъ людей вездѣ выдвигается впередъ и получаетъ еще большее значеніе, чѣмъ въ римское время, когда съ этими людьми можно было обращаться свободно, какъ съ вещью, опираясь на возможность найма и на принудительную силу государства. Опять таки вслѣдствіе хозяйственныхъ условій и вслѣдствіе сознанія со стороны господъ, сознанія, выработаннаго въ результатѣ цѣлаго ряда столкновеній, разрядъ министеріаловъ выдвигается впередъ, и рабскій элементъ его съ теченіемъ времени улетучивается. Скажу прямо, что военные министеріалы, напр., играютъ важную роль въ образованіи значительной части рицарства. Многіе изъ титулованныхъ рицарскихъ родовъ въ современной Европѣ имѣютъ свое происхожденіе отъ министеріаловъ, отъ рабовъ. Такъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ рицарей гогенштауфенскаго періода, марк-

графъ Анконскій, былъ по происхожденію министеріалъ, хотя и командовалъ войсками.

3| Рабы ремесленники. Теперь обратимъ вниманіе на третій разрядъ - на рабовъ ремесленниковъ. Въ исторіи этого разряда имѣла опять таки значеніе спеціальная подготовка, которая достигалась нелегко, и потому возвышала цѣну человѣка. Раньше всего спеціализировались работы мельника и кузнеца. Съ кузнецами, этими искусными мастерами, изготовляющими доспѣхи, мы встрѣчаемся еще въ германскихъ сказаніяхъ. Вулканъ въ древнемъ миѳѣ, съ одной стороны, и какой нибудь Велундръ, въ сѣверной сагѣ, съ другой, являются типичными представителями этого искусства. Искусства и ремесла могли находиться въ рукахъ свободныхъ людей, какъ это показываетъ примѣръ греческихъ деміурговъ, однако у германцевъ эти ремесла находятся преимущественно въ рукахъ рабовъ. Тутъ несомнѣнно сказывается вліяніе римской обстановки; если бы германцы развивались совершенно изолированно, ремесло, быть можетъ, было бы сначала удѣломъ свободныхъ, потомъ перешло бы въ руки полусвободныхъ и, наконецъ, - рабовъ. При этомъ римское искусство, римскіе образцы оказали на нихъ сильное вліяніе, тѣмъ болѣе, что римскія формы въ этомъ отношеніи были очень характерны. У римлянъ ремесла были дѣломъ не только отдѣльныхъ подневольныхъ людей, но главнымъ образомъ корпоративныхъ организацій, которыя по нѣкоторымъ сообщеніямъ, напоминали цехи, но цехи не совсѣмъ сво-

бодные, а корпораціи рабовъ, работавшихъ по извѣстнымъ наслѣдственнымъ пріемамъ, владѣвшихъ наслѣдственными секретами и стремившихся удержать ихъ при себѣ; словомъ, выучка и производство были дѣломъ группъ. Цѣна денныхъ работъ сразу повышалась и распоряжаться ими по своему произволу было далеко не безопасно, какъ потому, что они были цѣннымъ объектомъ продажи, такъ и потому, что они, составляя группы, могли оказать сильное сопротивленіе. Мало-по-малу положеніе рабовъ становилось все болѣе выгоднымъ, и значеніе ихъ по отношенію къ человѣку, который ихъ эксплуатировалъ, все увеличивалось.

Такимъ образомъ въ результатѣ этихъ положеній слагается одна общая равнодѣйствующая, выходитъ, что перерождаются разряды рабовъ, потому что была невозможна ихъ полная экономическая эксплуатація. Общество переходитъ къ порядку локализаціи хозяйства, сохраняя въ то же самое время аристократическія формы, т.е. оставляя за рабами положеніе извѣстной прислуги; но натуральное хозяйство требуетъ непосредственныхъ оборотовъ, мелкихъ рынковъ, короткихъ плановъ и сравнительно незначительной эксплуатаціи рабовъ. Вотъ всѣ результаты, которые говорятъ въ одномъ направленіи и мало-по-малу объясняютъ намъ, почему рабство, какъ институтъ людей, подчиненныхъ полной эксплуатаціи, вырождается совершенно.

в| ПОЛУСВОБОДНЫЕ. I| В о л ь н о о т п у щ е н и е. Знакомясь съ разнообразными хозяйственными

и соціальными условіями, которыя производили коренное измѣненіе въ положеніи низшаго класса въ концѣ имперіи и началѣ средневѣковья, мы замѣтили, что низшіе классы окончательно вышли изъ рабства и перешли въ крѣпостное состояніе. До сихъ поръ мы разсматривали этотъ вопросъ съ точки зрѣнія тѣхъ матріальныхъ интересовъ, тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя вліяли на эти измѣненія: теперь возникаетъ вопросъ: всецѣло ли переходъ отъ рабства къ крѣпостничеству есть результатъ комбинацій матеріальныхъ силъ и интересовъ, или въ этомъ процессѣ, который въ результатѣ повышаетъ личность рабочаго, улучшаетъ его положеніе и даетъ ему извѣстную, юридическу и нравственную самостоятельность, участвуетъ сколько нибудь факторъ нравственный, факторъ измѣненія взглядовъ, измѣняющагося сознанія относительно правъ, обязанностей и личнаго достоинства.

Въ этомъ отношеніи могутъ быть споры и споры эти главнымъ образомъ слагаются около фактической оцѣнки вліянія древней философіи и христіанства въ дѣлѣ общаго культурнаго измѣненія на концѣ древняго міра и началѣ средневѣковья.

Чтобы избѣжать общихъ оцѣнокъ, не подлежащихъ твердой провѣркѣ, оцѣнокъ, при которыхъ одинъ вслѣдствіе общаго склада міровоззрѣній будетъ придавать большое значеніе вліянію христіанскаго элемента, а другой при другомъ складѣ идей, будетъ уменьшать это значеніе, чтобы вывести споръ съ этой почвы, желательно поставить его въ связь съ оцѣнкой какого нибудь

совершенно реальнаго, совершенно конкретнаго явленія, хотя бы оно и не обнимало всей области спора. Въ методическомъ отношеніи это будетъ гораздо важнѣе, чѣмъ дедуктивныя разсужденія о томъ, что должно было дѣйствовать, что должно было вліять.

Съ этой точки зрѣнія очень важно посмотрѣть на выходъ отдѣльнаго раба изъ крѣпостничества, на положеніе его при отпускѣ на волю. Отпускъ раба на волю - явленіе чрезвычайно распространенное, можетъ быть даже болѣе распространенное въ первые вѣка средневѣковья, чѣмъ въ эпоху римской имперіи. Въ оцѣнкѣ этого явленія мы сталкиваемся съ двумя рѣзко обозначившимися теченіями. Во-первыхъ, выясняется, что отпускъ на волю есть въ значительной степени результатъ хозяйственныхъ разсчетовъ, то есть результатъ аналогичный тому, какой имѣетъ мѣсто на римской почвѣ, когда раба отпускали для того, чтобы, напримѣръ, пріобрѣсти хорошаго управляющаго. Этотъ запросъ на вольноотпущенниковъ, какъ хорошихъ управляющихъ въ экономіи, продолжаетъ дѣйствовать. Но рядомъ съ нимъ является цѣлый рядъ случаевъ отпуска на волю, которые нельзя объяснить только изъ хозяйственныхъ расчетовъ. Есть случаи отпуска на волю по другой, второй причинѣ. Отпускъ распространяется не только на отдѣльныхъ важныхъ рабовъ; онъ охватываетъ массами низкихъ рабовъ, совершенно

внѣ зависимости отъ хозяйственнаго положенія, какъ и внѣ зависимости отъ положенія лица, которое ихъ отпускаетъ. Это громадное число вольноотпущенниковъ стоитъ въ связи съ отпускомъ на волю изъ религіозныхъ соображеній, особенно по завѣщанію. Эта сторона дѣла, которая очень развита въ раннемъ средневѣковьѣ, хорошо намъ извѣстна, такъ какъ у насъ сохранилось много завѣщательныхъ грамотъ. Если вы возьмете меровингское завѣщаніе какого нибудь Бертрамна, вы увидите, что онъ сразу отпускаетъ своихъ рабовъ сотнями передъ концомъ своей жизни, чтобы сдѣлать душеспасительное дѣло. При этомъ мы встрѣчаемся съ тенденціей, очевидно, нравственнаго характера, объясняющейся не исключительно и не главнымъ образомъ изъ хозяйственныхъ соображеній, но комбинирующейся однако съ этими расчетами настолько, чтобы не представлялось полнаго антагонизма между тѣмъ и другимъ. Церковь не ломала рабства: она сама пользовалась рабскимъ трудомъ и тѣмъ не менѣе являлась могущественнѣйшимъ проводникомъ взгляда, который совершенно не признавался въ древнемъ мірѣ, - именно, что рабъ, какъ человѣкъ, какъ душа человѣческая, является подобнымъ своему господину. Этотъ взглядъ рѣзко отличается, напримѣръ, отъ взгляда Аристотеля, который смотритъ на раба, съ точки зрѣнія неподобія его господину, смотритъ на него, какъ на животное по характеру его труда, его интересовъ, его происхожденія, - какъ на человѣка слабаго, грубаго, ограниченнаго по природѣ (physei) Эта точка зрѣнія подъ

вліяніемъ сложнаго процесса смѣшенія состояній въ имперіи, а также подъ вліяніемъ развитія идей философскихъ и религіозныхъ, мало-по-малу теряетъ свою нравственную опору, и противъ нея выдвигается идея внутренняго равенства.

Для Бога нѣтъ раба и свободнаго, нѣтъ эллина и іудея, нѣтъ національныхъ и сословныхъ различій. Эта точка зрѣнія коренится уже не въ частныхъ интересахъ, но въ значительной степени въ оцѣнкѣ отношеній долга и правъ.

Это сознаніе общества по отношенію къ положенію рабовъ двигается впередъ малыми шагами и не приводитъ къ крупнымъ переломамъ; нельзя сказать, когда люди совершенно отказались отъ старой точки зрѣнія и всецѣло подчинились новой. Но если взять и сравнить положеніе дѣла на значительномъ разстояніи, напр., въ 3 и 7 вв., то насъ уже поразитъ глубокая разница взглядовъ. Этимъ явленіемъ объясняется тотъ реальный фактъ, что дѣйствительно, когда варвару 7-го в. приходилось дѣлать разсчеты съ жизнью, оцѣнивать свое прошлое, и думать о томъ, что будетъ за гробомъ, онъ былъ склоненъ признать, что надо раскаяться, надо очиститься и въ своихъ отношеніяхъ къ рабамъ. Отпускъ по завѣщанію является чрезвычайно распространенной формой, подготовляющейся съ другой стороны хозяйственными условіями. Однако, если бы точка зрѣнія была чистой, простой, то она давала бы и несложные результаты и приводила бы къ полному освобожденію, но этого то какъ разъ и нѣтъ: отпускъ на волю при всемъ его развитіи

представляется съ извѣстными смягченными чертами. На эти то смягченныя формы я и считаю долгомъ обратить ваше вниманіе. Тутъ мы находимся на почвѣ твердыхъ, совершенно объективныхъ наблюденій.

Прежде всего приходится констатировать тотъ любопытный фактъ, что средневѣковый отпускъ обыкновенно неполный. Средневѣковаго вольноотпущенника весьма рѣдко отпускали на полную волю, то есть такъ, чтобы онъ становился равнымъ своему господину. Это можно было сдѣлать только тогда, когда за вольноотпущенника заступался король. У франковъ отпускали при такомъ обрядѣ: въ присутствіи короля вольноотпущенникъ подавалъ своему господину денарій, а господинъ выбивалъ его у него изъ руки въ знакъ того, что между ними прекращаются прежнія отношенія. Такой *denarialis* становился вполнѣ свободнымъ и получалъ полную виру Салической Правды въ 200 солидовъ. Подобнымъ же образомъ совершается изрѣдка отпускъ у лангобардовъ, но эти случаи бывали до того рѣдки, что для нихъ выработались особые обряды. Громадное большинство отпускныхъ обрядовъ и отпускныхъ грамотъ приводитъ къ другому результату, а именно - къ такому положенію вольноотпущеннаго, что онъ становится уже не вещью, а лицомъ, то есть имѣетъ самостоятельныя гражданскія права, а не получаетъ ихъ черезъ своего господина. Если ему наносятъ ущербъ, то за это платятъ ему, а не господину, если онъ попадаетъ подъ кару, то его родственники имѣютъ право выкупа; словомъ, въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличается отъ своего прежняго

рабскаго состоянія, но въ то же самое время онъ остается подъ покровительствомъ и нѣкоторой эксплуатаціей своего прежняго господина или церкви. Значитъ одинъ изъ обыкновенныхъ случаевъ отпуска на волю, это тотъ, когда господинъ отказывается отъ полной власти надъ человѣкомъ, но рабъ всетаки въ силу этого отпуска обязывается подчиняться господину въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Подобный человѣкъ не будетъ фактически крѣпостнымъ, т.е. еслибы господинъ послѣ одумался или его наслѣдники рѣшили возвратить потерянное, то отпущенный можетъ уже искать по суду, можетъ защищаться, такъ какъ у него было юридическое положеніе. Между тѣмъ совершенно ясно, что та уступка, которая дѣлается господамъ, облегчаетъ отпускъ: господинъ знаетъ, что онъ поступается не всѣмъ, и потому охотнѣе отпускаетъ на волю.

2| Homines ecclesiastici, tabularii, homines romani.

Еще характернѣе положеніе, когда создается классъ людей промежуточныхъ между рабами и свободными подъ покровительствомъ церкви; это самый обыкновенный случай, даже болѣе частый, чѣмъ отпускъ подъ покровительствомъ отпустившаго. Люди этого класса носятъ названія: homines ecclesiastici, tabularii, homines romani. Послѣднее названіе особенно характерно. Это - римскіе люди, потому что они находятся подъ покровительствомъ церкви, которая живетъ по римскому праву, по римскимъ законамъ. Эти

не имѣютъ настоящаго и сильнаго родства и потому, не только въ интересахъ ихъ эксплуатаціи, но и въ ихъ собственныхъ интересахъ, имъ нужна не полная свобода, а полусвобода; имъ нужно, чтобы надъ ними была сила, которая вліяла бы на ихъ отпускъ на свободу, и они избираютъ особенно охотно покровительство церкви. Среди разнообразныхъ ея задачъ одною изъ первыхъ и главныхъ является покровительство классамъ вольноотпущенниковъ: церковь старается при этомъ заручиться не только общими основаніями для своей дѣятельности, но также опредѣленными грамотами.

Прибавлю еще одну черту, которая показываетъ, до какой степени здѣсь переплетаются интересы соціально-матеріальные и интересы нравственно-духовные. Добиваясь перехода вольноотпущенниковъ на лучшее положеніе, церковь главнымъ образомъ хлопочетъ не о томъ, чтобы имъ дали полную свободу, но чтобы ихъ надѣлили клочкомъ земли. Этотъ клочекъ земли они получаютъ для того, чтобы имѣть возможность защищать свою свободу.[x] Такимъ образомъ данное положеніе складывается изъ цѣлаго ряда элементовъ: во-первыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ отпускъ дѣлается изъ чисто хозяйственныхъ разсчетовъ; во-вторыхъ, въ этомъ направленіи, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ церкви, движется общественная совѣсть; въ третьихъ является запросъ на общественныя гаранти, принимающія такую форму, что человѣкъ становится подъ патронатъ, т.е. садится на землю господина, который удерживаетъ надъ нимъ свое покровительство, для того,

---

[x]

чтобы онъ не остался безъ родства и защиты, по крайней мѣрѣ первое время.

3| Литы и лаццы. Таковъ одинъ изъ разрядовъ вольноотпущенниковъ; другой разрядъ тоже характеренъ: рядомъ съ этимъ *homines romani* является обширная группа литовъ |у франковъ| и лацовъ |у саксовъ|. Это люди половиннаго достоинства. Что они половинные люди, это выражается въ ихъ цѣнѣ. Какъ вамъ извѣстна, у каждаго человѣка есть опредѣленная цѣна, опредѣленный удѣльный вѣсъ въ соціальной таксѣ. Удѣльный вѣсъ свободнаго салическаго франка - 200 солидовъ, а подданные и литы франкскаго короля цѣнятся въ сто солидовъ; вообще всѣ разряды полусвободныхъ цѣнятся въ половину, во 100 солидовъ. Въ данномъ случаѣ вергельдъ весьма ясно отражаетъ тотъ фактъ, что въ извѣстномъ обществѣ существуютъ побѣдители и побѣжденные. Сильныхъ и слабыхъ - побѣдителей и побѣжденныхъ нельзя цѣнить одинаково. Сильные имѣютъ преимущество: ихъ цѣнятъ вдвое; тк.кк. римляне побѣждены, они цѣнятся вполовину. Точно также литы франковъ и лацы саксовъ, это остатки побѣжденныхъ варварскихъ племенъ германцевъ и славянъ.

с| СВОБОДНЫЕ. Теперь мы перейдемъ къ расмотрѣнію класса свободныхъ.

Этотъ очень обширный разрядъ является вначалѣ вліятельнымъ, но потомъ все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе; сначала онъ представляетъ изъ себя

главную политическую силу, передъ которой, собственно склоняетъ голову даже король: свободное вѣче является верховнымъ правителемъ, а король только предводителемъ свободныхъ людей на войнѣ и богослужебнымъ ихъ представителемъ.

Эта масса свободныхъ людей имѣла большое значеніе: проникая въ римскія провинціи она подновляла составъ свободныхъ. Въ римскихъ провинціяхъ, благодаря долгимъ вѣкамъ капитализма, развились страшныя противуположности между латифундіями - крупными имѣніями и пролетаріатомъ. Теперь германское завоеваніе тк. сказать подсыпало элементъ свободныхъ въ эти комбинаціи и тѣмъ самымъ на нѣкоторое время заполнило пропасть между оптиматами и пролетаріями. Но то, что сдѣлало въ данномъ случаѣ германское завоеваніе было утверждено на такихъ основаніяхъ, потому что никакой систематической попытки утвердить дѣло, закрѣпить результаты, попытки повліять на то, чтобы вновь не возвращалась противоположность между богачами и пролетаріями, сдѣлано не было.Можно спросить, какое же значеніе имѣло условіе надѣла, о которомъ мы такъ подробно говорили примѣнительно къ сельскому строю? Вѣдь въ сельскомъ устройствѣ надѣльная система вносила извѣстную равномѣрность въ отношенія между крестьянами. Если бы было обезпечено, что никто не выпустится изъ этой сферы надѣловъ, то надѣльный порядокъ имѣлъ бы общее значеніе. Но особенность положенія заключалась въ томъ, что допускался выходъ изъ села. Даже захватъ власти надъ селомъ былъ возможенъ

для тѣхъ лицъ, которыя могли стать близко къ королю, могли пробиться въ верхніе слои общества и выбиться изъ надѣльнаго порядка. Цѣлыя села исчезали подъ патронатомъ высшихъ лицъ. Объ этомъ мы еще скажемъ больше, теперь же установимъ тотъ фактъ, что организація крестьянскаго землевладѣнія нисколько не гарантировала противъ захвата крупныхъ помѣстій, обезпечивая только, что, когда крупное помѣстье возникало, оно организовалось внутри на прежнихъ сельскихъ началахъ. Аналогія въ нашемъ крестьянскомъ правѣ: существованіе міра нисколько не препятствуетъ тому, что онъ можетъ попасть въ руки помѣщика: оно обусловливаетъ только то обстоятельство, что внутри деревни люди сидятъ на началахъ общиннаго владѣнія. Именно вотъ эта-то противоположность между крупными землевладѣльцами и надѣльнымъ владѣніемъ существовала и въ средніе вѣка. Въ первое время еще однако довольно свободныхъ людей. Фактически существуетъ свободный третій классъ, но онъ быстро таетъ, какъ весенній снѣгъ, - такъ быстро, что можно наблюдать, какъ исчезаетъ цѣлая половина, двѣ трети, три четверти всей массы; только въ каролингское время мы начинаемъ замѣчать у государей сознательное отношеніе къ этому факту и попытки дѣйствовать законами наперекоръ соціальному вырожденію класса, причемъ главнымъ образомъ вліяютъ соображенія относительно воинской повинности.

ВЕРГЕЛЬДЪ. Процессъ распаденія свободныхъ классовъ долженъ былъ такъ или иначе отразиться и на системѣ "вергельда". Мы уже знаемъ, что эта система

представляетъ удобное средство для оцѣнки удѣльнаго вѣса людей средняго общества. Если вмѣсто того, чтобы держаться компактною массою, общество распадается на оттѣнки, на группы, то результаты этого распаденія должны дать себя знать на ставкахъ вергельда. Мы дѣйствительно имѣемъ въ этомъ отношеніи наличные факты и краткое подтвержденіе того, что говорили раньше.

Если мы возьмемъ вергельды племенъ, записавшихъ свое право рано, записавшихъ его въ концѣ 5-го и началѣ 6-го вѣка при переходѣ на римскую почву, то мы встрѣтимся съ весьма простой оцѣнкой свободнаго человѣка, съ одной ставкой, напримѣръ, въ салическомъ племени 200 солидовъ. Наоборотъ, если мы возьмемъ вергельды, систему такъ и платъ у племенъ, записавшихъ правды позднѣе, возьмемъ болѣе дальній моментъ развитія, то встрѣтимся уже съ нѣсколькими ставками у каждаго отдѣльнаго племени. Такъ было, напр., у лангобардовъ и аллемановъ. У послѣднихъ мы встрѣчаемъ особыя ставки для *primus medianus* и *minofredis* или *minimus*. Вотъ въ этихъ фактахъ, столь конкретныхъ и наглядныхъ, выражается то основное наблюденіе, что классъ, который былъ преобладающимъ, послѣ завоеванія быстро распадается на рядъ оттѣнковъ подъ вліяніемъ главнымъ образомъ смѣшенія съ римскими элементами и того процесса развитія земельной собственности, который ставитъ большія различія между имущественнымъ положеніемъ отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ классовъ. При этомъ любопытно и то, что классы эти держатся именно на земельной собственности и что земельное положеніе могло и должно было отразить-

ся на сословномъ дѣленіи. Теоретически могло казаться, что всякій рожденный отъ свободныхъ людей свободенъ и равенъ другимъ себѣ подобнымъ, но надо считаться съ тѣмъ что въ это время натуральнаго хозяйства, земельная собственность давала главный базисъ для всѣхъ общественныхъ дѣяній. Все остальное являлось придаткомъ.

д| ЗНАТЬ. Въ дополненіе къ этой характеристикѣ мы должны перейти къ высшему разряду, къ знати, и указать, какъ была поставлена, откуда происходила и какъ видоизмѣнялась аристократія германскихъ племенъ.

Вы знаете, что уже у Тацита обозначился разрядъ Интересно выяснить, на чемъ держались его преимущества, какой они имѣли характеръ.

Вообще въ историческомъ развитіи происхожденіе аристократіи имѣетъ связь съ однимъ изъ трехъ условій, или съ комбинаціей ихъ. Аристократія можетъ быть родовой, основываться на признаніи преимущества людей извѣстной крови, затѣмъ аристократія можетъ опираться на имущественныя силы, на имущественныя привиллегіи, особенно землевладѣльческія, такъ какъ землевладѣніе есть сила болѣе значительная въ то время и болѣе постоянная, чѣмъ прочія. Третье основаніе для возможнаго образованія аристократіи есть служба. Аристократія можетъ возникнуть изъ отношеній военной службы или изъ положенія должностныхъ лицъ, подобно, напримѣръ, чиновникамъ современныхъ государствъ.

На какихъ же именно основаніяхъ держался аристократическій принципъ у германцевъ? Прежде всего ясно, что

у германцевъ были извѣстные зачатки для развитiи родовой аристократiи. Этого и нельзя не ожидать, потому что, какъ мы видѣли, сохранились нѣкоторые, правда разстроившiеся зачатки родовой организацiи. Это дедуктивное, апрiорное положенiе подтверждается разсмотрѣнiемъ данныхъ. Дѣйствительно, мы находимъ у нѣсколькихъ германскихъ племенъ, очевидно внѣ прямой зависимости другъ отъ друга, а въ результатѣ развитiя одинаковыхъ началъ, выдѣленiе нѣкоторыхъ благородныхъ, т.е. аристократическихъ по крови и происхожденiю родовъ. Очень рѣзко это замѣтно у континентальныхъ саксовъ, которые такъ долго боролись съ Карломъ Великимъ и которые такъ энергично отстаивали свою самостоятельность. Сословная система этихъ саксовъ была основана на рѣзкихъ противоположностяхъ между знатными и свободными родами: вергельдъ знатныхъ въ 6 разъ больше вергельда свободныхъ. Дѣло доходитъ до очень рѣзкихъ постановленiй противъ смѣшанныхъ браковъ, т.е. браковъ между членами фамилiй свободныхъ и фамилiй знатныхъ. Это, конечно, уже очень крайнее выраженiе идей синей крови и бѣлой кости, идей любопытно комбинирующихся съ политическими условiями. Подобные же очень опредѣленные факты мы замѣчаемъ у баваровъ. Здѣсь мы можемъ найти одинъ шагъ впередъ и не только уловить образецъ разряда знатныхъ, но и показать, чѣмъ собственно объясняется появленiе такого разряда благородныхъ. У баваровъ, сравнительно небольшого племени, считалось 5 родовъ, которые имѣли возвышенный вергельдъ и рѣзко отличались имъ

отъ всѣхъ остальныхъ. Это, во-первыхъ, родъ баварскихъ герцоговъ "Агилольфинговъ", у которыхъ возвышенный вергельдъ стоялъ въ связи съ исключительнымъ положеніемъ правящаго рода. Во-вторыхъ, 4 рода съ вергельдомъ меньшимъ чѣмъ у "Агилольфинговъ", но гораздо большимъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ баваровъ. На чемъ основанн привилегіи этихъ 5 родовъ? Небольшія справки указываютъ, что насколько "Агилольфинги" были правительствующимъ родомъ всей Баваріи, настолько эти "Дрозы" и "Фагины" были правительствующими родами отдѣльныхъ областей. Это такимъ образомъ роды, выдѣлившіеся изъ областныхъ правительствъ, составившіеся и образовавшіеся около тѣхъ *principes regionum ac pagorum*, о которыхъ говоритъ Цезарь. Когда маленькія областныя государства слились въ племя и, когда появилась герцогская власть, появился около герцога и его родъ; а около областныхъ правителей выросли другіе привиллегированные роды.

Это наблюденіе вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о происхожденіи кровной аристократіи. Такая аристократія можетъ имѣть два основанія для своего происхожденія: или завоеванія, побѣды, во всякомъ случаѣ факты матеріальнаго преобладанія, которые даютъ особую извѣстную славу, особую силу нѣкоторымъ родамъ, или эволюція общества на началахъ родовой власти. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ какую нибудь греческую "филу", то ясно, что этой "филѣ" разъ она построена на родовыхъ началахъ, нужно и родовое правительство. На родовыхъ началахъ правительство это строится не выборнымъ путемъ, а путемъ старшинства, путемъ выдѣленія старшихъ родовъ,

которые играютъ главную роль при богослуженіи и управленіи. Эти старшія въ генеалогическомъ порядкѣ вѣтви держатъ въ своихъ рукахъ управленіе остальнымъ цѣлымъ, но тѣмъ самымъ они пріобрѣтаютъ и особое отличіе, особенное привиллегированное положеніе; такимъ образомъ постепенно выдѣляются патриціи, эвпатриды, которые являются жреческими и правительствующими родами. Чѣмъ дальше идетъ размноженіе племени, тѣмъ рѣзче становится разница между генеалогически старшими и между генеалогически младшими родами, и чѣмъ болѣе усиливается притокъ пришельцевъ, тѣмъ ревнивѣе оберегаютъ свои права благородные.

Въ древней Германіи мы имѣемъ какъ разъ примѣръ группъ, которыя занимаютъ выдающееся положеніе какъ генеалогически старшія въ качествѣ главарей, въ качествѣ старшихъ въ областяхъ.

Однако, хотя и можно отмѣтить слѣды аристократіи родовой, но надо сейчасъ же прибавить, что въ связи съ большимъ значеніемъ, которое пріобрѣтаютъ военныя комбинаціи и военныя начала, эти родовыя отношенія въ значительной степени перепутываются и въ большей части племенъ разстраиваются, хотя у нѣкоторыхъ народовъ и находимъ еще пережитки ихъ. Вообще говоря, разъ возникаетъ и усиливается центральная власть герцоговъ и королей, она начинаетъ подрывать власти областныя: она ревниво относится къ этимъ властямъ, находитъ ихъ слишкомъ сильными, слишкомъ самостоятельными. Въ этомъ отношеніи характеренъ тотъ фактъ, что, напр., у франковъ, самаго боевого и могущественнаго племени, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ родовой аристократіи. Зачатки ея были совершенно

уничтожены франкскими королями. Ни въ вергельдѣ, ни въ отдѣльныхъ лѣтописныхъ преданіяхъ мы не имѣемъ указаній на родовую аристократію. О такой родовой правящей аристократіи мы не знаемъ и у лангобардовъ. За то, какъ разъ у франковъ и лангобардовъ мы имѣемъ слѣды и указанія на ростъ другого элемента: аристократіи служилой, конкурирующей съ родовой и мало-по-малу получающей перевѣсъ. Если мы обратимся къ системѣ вергельдовъ у франковъ, то встрѣтимся съ такимъ основнымъ положеніемъ: таксы свободныхъ вездѣ 200 солидовъ и сословныхъ повышеній больше нѣтъ, но въ двухъ случаяхъ люди получаютъ тройную виру: это въ томъ случаѣ, если свободный человѣкъ идетъ въ походъ, на войну; тогда онъ очень близокъ и очень нуженъ королю, какъ главному начальнику и потому цѣнится выше. Другой же случай - это оцѣнка дружинника короля. Королевскій дружинникъ "антрустіонъ" цѣнится втрое, причемъ происхожденіе не играетъ никакой роли: совершенно все равно, знатенъ онъ или нѣтъ. Если онъ германецъ по происхожденію, то, такъ какъ его основной оцѣнкой служитъ 200 солидовъ, то онъ оцѣнивается какъ антрустіонъ въ 600; если онъ римлянинъ, обыкновенная цѣна котораго 100 солидовъ, онъ цѣнится въ 300; такъ какъ онъ *convіva regis* , чѣмъ характеризуется его положеніе въ дружинѣ. Такимъ образомъ здѣсь создаетъ аристократію не происхожденіе, а близость къ королю. Совершенно подобное явленіе вы видите у англосаксовъ. Тамъ, по мѣрѣ того, какъ формируется отдѣльное королевство, мало-по-малу выдвигается разрядъ дружинниковъ и ихъ названій, и получается возвышеніе вергельда, сначала въ 3 раза, а за-

тѣмъ вырабатывается еще одно возвышеніе, устанавливается разрядъ "тэновъ", что значитъ "слуги короля или министеріалы". Эти министеріалы короля получаютъ вергельдъ въ 6 разъ больше, чѣмъ вергельдъ свободныхъ; они являются при оцѣнкѣ въ 1200 шиллинговъ вирѣ. Такимъ образомъ мало-по-малу выступаетъ разрядъ вирѣ совершенно служилаго происхожденія. Ясно, что онъ долженъ постепенно принять традиціонный характеръ. Вначалѣ ни "антрустіонъ", ни „convіva regis" ни "тэнъ" не передаютъ своихъ правъ по наслѣдству, но фактически человѣкъ, который пользуется королевской милостью, конечно, стремиться передать свое положеніе сыну и въ большинствѣ случаевъ передаетъ его. Являются поэтому слѣды того, что помимо службы люди прямо примыкаютъ къ сословію "тэновъ" по рожденію. Въ англосаксскихъ правдахъ начинаетъ вырабатываться взглядъ, что есть люди, которые рождены |принадлежатъ къ "тэнамъ"| быть "тэнами", т.е. потомки тэновъ. Для того, чтобы окончательно присоединиться къ сословію, нужно принять на себя нѣкоторыя должности. Но всетаки традиціонное происхожденіе тутъ выдвигается впередъ.

Наконецъ, у тѣхъ же англосаксовъ мы имѣемъ хорошо обозначенную попытку положить въ основу всѣхъ аристократическихъ отличій землевладѣніе. Уже въ X вѣкѣ, у англосаксовъ вырабатывается правило, что для того, чтобы принадлежать къ "тэнамъ" надобно быть рожденнымъ "тэномъ", но для того, чтобы быть дѣйствительно "тэномъ", чтобы поддерживать свое положеніе какъ "тэна" надобно имѣть 5 надѣловъ земли. Вырабатывается понятіе ценза земли, которое можетъ служить среднимъ показателемъ

состоянія между тѣмъ какъ обычный свободный долженъ имѣть, одинъ надѣлъ, тэну прилично имѣть пять.

Затѣмъ предусматривается еще и дальнѣйшее возвышеніе, причемъ это высокое должностное положеніе пробуетъ фиксировать и таксировать опять таки землю. Ерль | Erl | человѣкъ высшаго, должностного положенія долженъ имѣть сорокъ гайдъ, словомъ устанавливается опредѣленная сословная земельная такса. Я не думаю, чтобы эта такса когда нибудь могла быть совершенно точнымъ цензомъ, но она даетъ среднее представленіе о положеніи людей и въ этомъ отношеніи драгоцѣнна.

Въ общемъ выходитъ, что аристократія быстро развивается, причемъ чисто родовыя отличія все болѣе и болѣе скрадываются, стираются и, наоборотъ, все болѣе и болѣе, сильнѣе и сильнѣе выступаетъ служилое сословіе, которое стремится обосноваться на землевладѣніи.

Вотъ какъ представляется эволюція сословій въ варварскихъ государствахъ послѣ завоеванія. Вы видите, что она сводится къ нѣсколькимъ весьма опредѣленнымъ положеніямъ: во-первыхъ, къ общему переходу рабовъ въ классъ крѣпостныхъ, во-вторыхъ, къ быстрому распространенію отпуска на волю подъ вліяніемъ какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ расчетовъ, въ-

---

третьихъ, къ быстрому распаденію и расчлененію массы свободныхъ людей и, наконецъ, къ развитію аристократическаго класса.

IУ. П О Л И Т И Ч Е С К І Я У С Л О В І Я.

Теперь намъ предстоитъ перейти къ слѣдующему отдѣлу нашего изложенія и представить общую характеристику того политическаго процесса, который совершился въ результатѣ смѣшенія римскаго и германскаго элемента. При этомъ я буду вести характеристику точно такъ же, какъ я велъ ее до сихъ поръ, то есть путемъ сравненія и конструкціи, отмѣчая то, что не можетъ быть распространено на всѣ Западно-Европейскія государства.

А| ОСНОВНЫЯ ФОРМЫ. Но прежде чѣмъ начать изложеніе, я долженъ вкратцѣ напомнить, что политическія условія и основы западно-европейскихъ государствъ уже въ то время были различны и что главнымъ образомъ приходится считаться съ тремя различными комбинаціями, съ тремя варіантами развитія. Вслѣдствіе того, что вся жизнь этого періода разыгрывается около этихъ формъ смѣшенія римскаго и германскаго элементовъ, приходится народы и страны ранняго средневѣковья разгруппировать на три разряда: во-первыхъ, на разрядъ, въ которомъ безусловно преобладаетъ романскій эле-

ментъ, во-вторыхъ, на разрядъ, въ которомъ преобладаетъ элементъ германскій и въ-третьихъ, на разрядъ средній, смѣшанный, въ которомъ предстаавляются и тѣ и другія черты.

Что касается до перваго разряда, до племенъ и странъ, которыя можно назвать романскими, то я причисляю къ нимъ только такія мѣстности, какъ южная Италія въ частяхъ, долго занятыхъ Византіей, и среднюю Италію около Рима.

Кромѣ нихъ я называю романскими, то есть племенами, находящимися подъ очень сильнымъ вліяніемъ Римлянъ, племена и страны готскаго и отчасти бургундскаго завоеванія. Готы и бургунды проникли на римскую почву раньше всѣхъ: готы въ четвертомъ, бургунды въ началѣ пятаго вѣка. Они встрѣтили римскій строй еще въ такихъ могущественныхъ формахъ, что въ значительной степени подчинились его вліянію. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ фактовъ подчиненія германскихъ племенъ римлянамъ, была самая форма занятія страны этими завоевателями. Мы говоримъ о завоевателяхъ въ томъ смыслѣ, что они явились непрошенными гостями, завоевавшими себѣ извѣстное положеніе, Но хотя готы были побѣдителями, завоевателями, они входили въ провинціи, такъ сказать, сторонясь, бокомъ, съ большимъ уваженіемъ и со всякаго рода снисхожденіями къ правамъ римскаго населенія.

Это рѣзко выражается въ томъ, что готскіе племена селятся на началахъ третного поселенія: они не просто отнимаютъ земли, а устраиваютъ соглашеніе съ

римскими землевладѣльцами на томъ условіи, что послѣдніе отдаютъ имъ сначала одну треть своихъ доходовъ, а потомъ треть земли. Эти трети получаютъ готы, остготы, вестготы въ силу практики, начавшейся и утвердившейся уже при господствѣ Римской Имперіи. Уже римскіе императоры селили своихъ варваровъ - наемниковъ и племена, которыя къ нимъ приходили на службу, селили ихъ на началахъ военнаго постоя, отпускали имъ право на землю въ размѣрѣ, именно, третей. Варвары были гости | hospites |, не особенно пріятные, конечно, гости, которые затѣмъ мало-по-малу стали хозяевами; но ихъ право такъ и ограничивалось попыткой удержаться на скромномъ третномъ положеніи.

Совершенно другой характеръ имѣетъ занятіе земли франками и лангобардами. Тутъ мы уже встрѣчаемся съ захватами, съ конфискаціей всѣхъ имперскихъ земель въ пользу побѣдителей, однимъ словомъ съ такимъ фактомъ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что завоеватели подчиняютъ побѣжденныхъ. Тѣмъ не менѣе, тутъ не можетъ быть и рѣчи о такомъ истребленіи римскаго населенія, при которомъ оно не могло бы оказать фактическаго вліянія на политическій строй. Наоборотъ, цѣлый рядъ учрежденій остается нетронутымъ. Хотя сначала римлянамъ живется очень дурно, но ихъ сохраняется такая масса, что они постепенно поднимаются, постепенно пріобрѣтаютъ все большее и большее вліяніе и право. Въ результатѣ этихъ обстоятельствъ лангобардское и франкское

населеніе становятся не германскими, а романскими, что характерно выражается въ томъ, что побѣдители забываютъ свой языкъ. Въ концѣ концовъ, несмотря на присутствіе германскихъ учрежденій, германской аристократіи, германскаго войска, государство остается по существу романскимъ.

Въ третьемъ варіантѣ мы встрѣчаемся уже съ тѣми племенами, которыя или остаются, или оставались за рейномъ и Дунаемъ, или переходя въ римскія провинціи сохраняютъ болѣе или менѣе въ цѣломъ видѣ свой этнографическій составъ. Не говоря уже о тѣхъ племенахъ, которыя оставались за границей имперіи и о скандинавахъ, которые менѣе всего были тронуты чисто римскимъ вліяніемъ, намъ приходится обратить вниманіе на англійское развитіе. Въ Англіи мы имѣемъ дѣло съ германскою страною, съ германистическимъ развитіемъ, такъ какъ раннее завоеваніе саксовъ было завоеваніемъ истребительнымъ, не оставившемъ камня на камнѣ въ покоренныхъ романизованныхъ мѣстностяхъ. Правда, этотъ истребительный характеръ завоеванія поддерживался только въ то время, когда шла ожесточенная борьба и имѣетъ главное значеніе у юго-восточной части острова: чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ больше приходится признавать значеніе римскаго вліянія. Но все-таки общій складъ остался германистическимъ, что въ концѣ концовъ отразилось на языкѣ. Такимъ образомъ, Англія является характерной представительницей германскаго государственнаго типа; но этотъ гер-

манизмъ нисколько не исключаетъ того обстоятельства, что въ цѣломъ рядѣ учрежденій сказалось могущественное римское вліяніе, потому что это вліяніе проходитъ не только черезъ романизованное населеніе, но и черезъ учрежденія, главнымъ образомъ черезъ церковь.

Церковь была прежде всего римской силой, которая въ этомъ смыслѣ содѣйствовала нѣкоторой романизаціи даже скандинавскихъ народовъ.

При обзорѣ политической жизни ранняго средневѣковья я думаю держаться слѣдующаго плана. Сначала я обращу ваше вниманіе на политическія учрежденія, и прежде всего на учрежденія общественнаго характера, а затѣмъ на тѣ, которыя группируются около королевской власти. Наконецъ, надо будетъ обратить вниманіе на характеристику правительственныхъ средствъ и функцій.

В| ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. Итакъ, обращаюсь прежде всего къ учрежденіямъ общественнаго характера, то есть такимъ, которыя ставятъ политическую власть въ зависимостъ отъ общественныхъ и коллегіальныхъ комбинацій. Вы знаете уже, что первоначально въ древней Германіи эти учрежденія имѣли видное мѣсто и даже преобладали: вѣче являлось въ то же самое время главнымъ органомъ политической жизни.

Теперь возникаетъ вопросъ: видоизмѣнились-ли, и если „да", то въ какомъ смыслѣ видоизмѣнились эти учрежденія, выиграли или проиграли они вслѣдствіе

совокупности условій завоеванія и перехода на чужбину. Всѣ эти учрежденія несомнѣнно проиграли и проиграли очень сильно: они прямо вырождаются и разстраиваются.

При этомъ играютъ роль различныя причины. Прежде всего приходится отмѣтить то обстоятельство, что примѣшиваются другія національности, населеніе которыхъ отвыкло отъ политической самостоятельности. Примѣсь римлянъ, воспитанныхъ въ политическомъ рабствѣ, не могло отразиться благопріятно на дѣятельности вѣча и областныхъ собраній. Помимо этого условія большое значеніе имѣютъ прямо матеріальные факты, какъ напримѣръ, раздѣленіе старыхъ племенныхъ союзовъ на мелкія разрозненныя части, что въ концѣ разрушило вѣчевой характеръ учрежденій. Надо помнить, что учрежденія германцевъ имѣли вѣчевой характеръ: ихъ отличительною особенностью было поголовное и личное участіе свободныхъ людей въ дѣятельности отдѣльныхъ общественныхъ собраній. Для того, чтобы такое участіе могло быть осуществимо, необходимы извѣстныя матеріальныя условія: извѣстная матеріальная близость людей другъ къ другу, сознаніе солидарности, привычка собираться въ извѣстное время, въ опредѣленномъ мѣстѣ. Все это значительно разбивается, когда кругъ племени, предоставлявшій одну область, сразу становится кругомъ государства, обширной территоріей, разбитой на извѣстное число провинцій. Люди, которые жили другъ съ другомъ рядомъ, расходятся въ разныя стороны и нѣтъ возможности со-

брать ихъ по прежнему на вѣче. Такого рода обстоятельства не даютъ удобнаго основанія для вѣчевого устройства: послѣднее и связано всегда или съ городскимъ устройствомъ, какъ было это въ древнемъ мірѣ, или съ небольшими сельскими племенными округами. Такіе небольшіе округа могутъ дѣйствовать вѣчевыми формами: разъ въ мѣсяцъ свободные домохозяева собираются на вѣче и тамъ рѣшаютъ свои дѣла. Но когда они живутъ отъ Сены до Луары, то вѣче теряетъ у нихъ свой смыслъ. Такимъ образомъ, полное измѣненіе основъ объясняется прямо матеріальными условіями. Вѣче падаетъ. А вѣдь оно было существенно важнымъ учрежденіемъ, такъ что съ его разложеніемъ терялось очень много, оно было маховымъ колесомъ цѣлаго порядка.

Но учрежденіе это разлагается очень характерно: какъ и всякое народное учрежденіе оно разлагается не сразу, а оставляетъ послѣ себя слѣды. Слѣды эти любопытны.

Во-первыхъ, даже у франковъ вѣче не исчезло безусловно; его собственно не перестаютъ поддерживать, и въ принципѣ оно продолжаетъ существовать. Разъ въ годъ дѣлаютъ попытку собирать народъ отчасти для того, чтобы провѣрить оружіе и боевую готовность. Какъ сказано было у Тацита, германцы являются на вѣче въ оружіи | *considunt armati* |.

Эта провѣрка боевой готовности, связана обыкновенно съ нѣкоторыми политическими дѣйствіями. На этихъ собраніяхъ, происходившихъ въ меровингскую

эпоху въ мартѣ мѣсяцѣ, совершали торжественные политическіе акты, провозглашали распоряженія, а иногда дѣлали даже попытки обсужденія и рѣшенія общихъ дѣлъ. Если приходилось дѣлать какія-либо измѣненія въ правѣ или записать что-нибудь какъ общій законъ, *lex*, то это дѣлалось на подобныхъ собраніяхъ, при чемъ народная санкція напоминаетъ въ данномъ случаѣ санкцію древняго вѣча. Такимъ образомъ, извѣстное теоретическое значеніе признается за народнымъ собраніемъ, но фактически оно все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Эти собранія очень оживленныя въ первое время, мало-по-малу превращаются въ случайный скопъ или парадъ. Однако въ данномъ случаѣ господствуетъ убѣжденіе, что высшая власть все-таки принадлежитъ народу въ оружіи; мы знаемъ случаи, когда это убѣжденіе выражалось весьма существенными чертами. Вотъ что, напримѣръ, разсказываютъ намъ про случай, бывшій въ войскѣ Лотаря. Собственной властью созвавъ своихъ франковъ, онъ однажды отправился съ ними въ походъ. Но экспедиція затянулась, приняла неблагопріятный оборотъ и недовольство, вызванное ею прорвалось наружу. Во время одной изъ стоянокъ эти свободные и вольные въ своемъ поведеніи солдаты не только кинулись къ палаткѣ короля, но прямо затоптали ее вмѣстѣ съ королемъ, потащили его назадъ и заставили вернуться. Мы сказали бы, что это бунтъ, форменный безпорядокъ; но случаи такого рода представляются въ памятникахъ, какъ выраженіе свободной организаціи франковъ. Это - фактическое

проявленіе принципа верховенства народа въ оружіи,- принципа, который все-таки до нѣкотораго времени признается.

Другая любопытная сторона въ процессѣ разложенія народныхъ собраній заключается въ слѣдующемъ. Намъ кажется весьма простымъ и естественнымъ, что если непосредственное вѣчевое верховенство не можетъ быть осуществлено, то на смѣну ему должны явиться посредники: народовластіе можетъ осуществиться уже не въ формѣ участія всѣхъ и каждаго, а въ видѣ участія делегатовъ отъ вооруженныхъ людей.

Есть ли въ данномъ случаѣ какое-нибудь указаніе на появленіе представительнаго элемента, на появленіе посредниковъ, на попытку замѣнить непосредственное участіе всѣхъ гражданъ делегаціей? Этотъ вопросъ играетъ громадную роль въ исторіи народовластія и отъ его рѣшенія зависитъ переходъ къ представительному образу правленія или къ абсолютизму.

Около разрѣшенія вопроса о народовластіи вертится все и въ древнемъ мірѣ. Вы знаете, что въ древнемъ мірѣ отъ непосредственнаго народовластія перешли не къ посредственному, а къ принципату. Были случаи представительства въ федеративныхъ комбинаціяхъ: такія представительныя комбинаціи мы видимъ, напримѣръ, въ Ахейскомъ союзѣ, но онѣ выражены очень слабо.

Привело ли вырожденіе вѣча къ какимъ-либо попыткамъ провести представительное начало? Оказывается, что отдѣльныя попытки есть; но онѣ чрезвычайно сла-

бы, прямо представляютъ исключеніе, и только еще рѣзче подчеркиваютъ отсутствіе принципіальнаго проведенія этой мысли. Единственное дѣйствительное развитіе формы федеративнаго представительства наблюдается у саксовъ внутри Германіи. Хотя они и современники Карла Великаго, но бытъ ихъ въ эту эпоху я считаю раннимъ, такъ какъ онъ соотвѣтствуетъ быту пятаго и четвертаго вѣковъ у франковъ и лангобардовъ. Когда началась война съ Карломъ Великимъ и пришлось организовать союзъ на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ прежде, въ виду отсутствія опредѣленной власти ценральнаго характера, является попытка устроить представительный образъ правленія; эта попытка выражется въ сеймѣ, съѣздѣ представителей отъ разныхъ частей племени въ Маркгло. Это учрежденіе является съ опредѣленными чисто политическими функціями и стремится выработать себѣ твердую опредѣленную властъ. Что изъ этого бы вышло, если бы исторія саксовъ, какъ самостоятельнаго племени, не окончилась при Карлѣ Великомъ, сказать трудно. Но фактическая сторона дѣла заключается въ томъ, что во-первыхъ, вся эта политика развивалась подъ прямымъ давленіемъ военной необходимости, во-вторыхъ, что она все-таки носитъ черты неудачной попытки не приведшей къ прочному результату. Вотъ почему на ряду съ этимъ утверждается и герцогская властъ. Во всякомъ случаѣ, отмѣтивъ этотъ фактъ, опять-таки приходится сказать, что въ раннемъ средневѣковьѣ другой сколько-нибудь обстоятельной попытки представительства мы не замѣча-

емъ. Витенагемотъ у англосаксовъ - это учрежденіе, которое совершенно не имѣетъ представительнаго характера. Это есть * прежде всего совѣтъ вассаловъ, королевскихъ слугъ, а потому объ немъ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Совершенно другое приходится сказать относительно коллегіальныхъ комбинацій въ областяхъ. До сихъ поръ мы говорили только о собраніяхъ всего народа. Областныя собранія, которыя основаны на активной дѣятельности людей извѣстнаго округа, довольно близкихъ другъ къ другу, и о которыхъ упоминаетъ Тацитъ | centeni singulis ex plebe comites | не умираютъ. Тутъ есть матеріальная возможность заразъ собраться вмѣстѣ и эта матеріальная близость поддерживаетъ вѣчевой порядокъ; эти собранія развиваются но развиваются опять-таки въ своеобразной формѣ. Съ одной стороны собранія эти мельчаютъ, а болѣе крупныя изъ нихъ падаютъ. Въ этомъ отношеніи очень характерна роль англосаксонскаго Folkgemot. Это очень древнее учрежденіе, такъ какъ въ немъ сохраняется еще и продолжаетъ жить традиція племенныхъ собраній. Сначала они собираются разъ въ мѣсяцъ, а затѣмъ два, три раза въ годъ въ непосредственной связи съ собраніями теперешнихъ графствъ. Зато въ предѣлахъ графства сильно развивается собраніе сотни, или по сотнямъ, по второстепеннымъ подраздѣленіямъ округа. Сотня, являющаяся нормальнымъ собраніемъ для рѣшенія всѣхъ высшихъ судебныхъ и административныхъ дѣлъ функціонируетъ и живетъ очень долгое время.

Сообразно съ этимъ живетъ и дѣйствуетъ франкская сотня и то же учрежденіе мы находимъ въ Даніи, въ Норвегіи и Швеціи, въ Англіи и въ Германіи. Все это сотенныя собранія, которыя, съ нѣкоторой неточностью въ выраженіи, упоминаетъ еще Тацитъ. Эта организація вѣдаетъ судебныя дѣла, опредѣляетъ правовыя отношенія, ведетъ административныя дѣла сотеннаго округа. Организація эта совершенно коллегіальная, а не единоличная: ея засѣдателями являются отдѣльные домохозяева - это лангобардскіе ариманны, франкскіе рахинбурги.

Особенно характерно положеніе рахинбурговъ. Это люди, которые могутъ "поручиться" за рѣшеніе извѣстнаго дѣла. Въ извѣстныхъ случаяхъ они являются посредниками, устанавливая правовой взглядъ на тотъ или другой юридическій вопросъ и рѣшая, какъ та или другая сторона должна доказывать свои права: должна ли она подвергнуться испытанію Божьимъ судомъ, то есть идти, напримѣръ, на „ordalium" и взять въ руку котелокъ съ расплавленнымъ желѣзомъ или иначе доказывать свои права. Такимъ образомъ, люди эти являются присяжными засѣдателями судебнаго народнаго учрежденія: ихъ можно оштрафовать, если они откажутся толковать право и судить народъ. Ихъ вызываютъ на приговоръ торжественной формулой - legem iudicare secundum legem Salicam. Общенародный характеръ ихъ ясенъ.

Съ точки зрѣнія всеобщаго поголовнаго верховенства въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ

признается, что всѣ свободные люди равны, что всѣ свободные люди - судьи. Но фактически мало-по-малу мы видимъ, что всѣмъ и не охота, да и невозможно исполнять свои обязанности и осуществлять это верховенство. Мы знаемъ, что участіе народа въ судѣ великое право, что допущеніе принципа народнаго вмѣшательства - весьма существенно и что поэтому вопросъ о распредѣленіи правительственной роли между обществомъ и государствомъ для насъ является необыкновенно цѣннымъ и важнымъ. Но въ то время препровожденіе времени за рѣшеніемъ чужихъ дѣлъ представлялось, конечно, очень отяготительнымъ: люди смотрѣли на этотъ предметъ совершенно съ другой точки зрѣнія: имъ приходилось тратить на общественныя дѣла свои деньги, потому что они, занимаясь по цѣлямъ днямъ рѣшеніемъ общественныхъ дѣлъ,, не могли работать на себя, теряли заработокъ. Общественная дѣятельность сдѣлалась тяжелой повинностью, такъ что они скорѣе старались освободиться отъ нея, чѣмъ стремились къ ней; особенно стала она тяжелой, когда приходилось употреблять для привлеченія къ ней насильственныя мѣры, напримѣръ, штрафовать судебныхъ слѣдователей. Въ этомъ отношеніи являлись даже злоупотребленія: должностныя лица старались чаще вызывать людей на собранія, что бы больше получать штрафныхъ денегъ. Поэтому у рахинбурговъ прямо является стремленіе отстать отъ этого порядка особенно среди людей несостоятельныхъ. Они уклоняются отъ судебной повинности и стараются

перевалить ее на плечи немногихъ, болѣе состоятельныхъ.

Война можетъ раззорить человѣка, но она является не всегда, а судебная повинность - повинность повседневная. Поэтому какъ у насъ стараются избавиться отъ присяжнаго засѣдательства, такъ и тогда старались избавиться отъ судебной повинности. Однако, людямъ съ вѣсомъ, положеніемъ въ обществѣ, съ состояніемъ неловко было отказываться отъ участія въ собраніяхъ; кромѣ того у нихъ существовало еще другое стремленіе: чувство власти, желаніе быть первыми - все это начинало очень сильно говорить въ нихъ. Такимъ образомъ, въ общественномъ быту болѣе состоятельные люди выдвинулись впередъ. Безразличная масса дифференцируется на части, которыя такъ или иначе спеціализируются. На засѣданіяхъ появляются *boni homines, probi homines* -все это повидимому, нравственныя характеристики, а на самомъ дѣлѣ это названія, характеризующія главнымъ образомъ матеріальное состояніе человѣка. Въ концѣ концовъ вырабатывается мало-по-малу небольшой кругъ людей - судей. Понятно, что это люди, не получившіе никакого образованія, и что поэтому отъ латинской грамоты они далеки, никакого латинскаго воспитанія отъ нихъ не требуется.[x] Но съ другой стороны люди, которые приходятъ въ засѣданіе и рѣшаютъ дѣла, вырабатываютъ формы, обычаи и опредѣленные традиціонные взгляды юридическаго характера.

---

x| Надо замѣтить, что духовенство не играетъ въ этихъ собраніяхъ особенной роли.

Является съ теченіемъ времени состояніе, члены котораго совершенно становятся въ судахъ постоянными земскими засѣдателями, обладающими постоянными судебными функціями. Эта форма судоустройства и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ Германіи въ видѣ такъ называемаго суда шеффеновъ.

Процессъ удаленія несостоятельнаго класса отъ исполненія судебныхъ обязанностей имѣлъ въ результатѣ потерю имъ своихъ правъ и постепенное его паденіе на низшую соціальную ступень.

Этому процессу соотвѣтствуетъ другой любопытный процессъ замѣны выборнаго предсѣдателя сотни - назначеннымъ. Когда-то по всеобщему признанію сотникъ |тунгинъ| былъ лицомъ, тѣсно связаннымъ съ мѣстнымъ обществомъ. По мѣрѣ того, какъ начинается сильное соціальное раздѣленіе, по мѣрѣ того, какъ всѣ эти общественныя функціи ослабляются и нѣкоторые классы теряютъ способность соціальной и политической дѣятельности, наступаетъ замѣна сотника графомъ. Графъ не выборное лицо, а просто губернаторъ. Нельзя сказать, что власть сотника была отмѣнена: обѣ власти дѣйствуютъ сначала рядомъ, но къ концу меровингскаго періода проявляетъ себя въ дѣйствительности уже одна графская власть. Графъ оказывается предсѣдателемъ сотни; онъ объѣзжаетъ сотню въ своемъ графствѣ, а когда не является [illegible] то посылаетъ за себя замѣстителя, иногда человѣка очень низкаго происхожденія - полусвободнаго. Но уже сложился взглядъ, что онъ представитель королевской власти и это его настолько возвышаетъ, что ему подчиняются свободные люди.

С| КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ. Что же было главнымъ дѣйствующимъ учрежденіемъ при ослабленіи всѣхъ этихъ связей? Сообразно съ ослабленіемъ первобытныхъ коллегіальныхъ учрежденій идетъ развитіе королевской власти, какъ военно-начальнической, такъ и административной. Короли являются въ провинціяхъ во-первыхъ, не только племенными вождями, но и королями галло-римскаго или стараго населенія, которое знаетъ власть,, какъ imperium во-вторыхъ, сами племена проникли подъ вліяніемъ военнаго толчка, а разъ была военная борьба, то безъ командованія нѣтъ успѣха. Затѣмъ, въ-третьихъ, разъ вслѣдствіе разрозненности племени затрудняются всѣ областныя учрежденія, то королевская власть естественно захватываетъ все то, что остается въ центрѣ, является блюстителемъ порядка. Мы видимъ, что въ первое время, подъ вліяніемъ развитія политической жизни королевская власть дѣлаетъ большіе успѣхи. Для того, чтобы обрисовать вамъ эти успѣхи, я укажу на одно хорошо извѣстное происшествіе - на исторію суассонской чаши. Въ этой исторіи разсказывается, что при взятіи Хлодвигомъ города Суассона, епископъ этого города просилъ возвратить ему драгоцѣнную соборную чашу. Король обѣщалъ, но когда при дѣлежѣ добычи оказалось, что она по жребію досталась одному воину, послѣдній не пожелалъ уступить ее королю. Когда король сталъ настаивать, воинъ разрубилъ чашу, говоря: "пускай она не достанется ни тебѣ, ни мнѣ" Впослѣдствіи, отправляясь въ походъ, Хлодвигъ, во время

обхода войска убилъ воина, но это была уже личная месть. При раздѣлѣ чаши онъ не могъ не признать справедливости заявленія воина, который имѣлъ такое же право на свою добычу, какъ король на свою.

Но это только начало. Отъ 7-го вѣка въ лангобардскомъ правѣ въ законѣ[x] одного изъ первыхъ законодателей, до насъ дошло слѣдующее правило: если кто убьетъ другого человѣка, то, конечно, по общимъ правиламъ, онъ долженъ быть наказанъ; но если онъ убьетъ его по приказу короля, то его нельзя наказывать, потому что "сердца королей въ рукѣ Божіей." Тутъ уже само то обстоятельство, что пришлось записать это постановленіе, очень характерно: оно показываетъ, что далеко не всѣ были съ нимъ согласны, а также то, что королевская власть была въ то время настолько сильна, что имѣла возможность провести такой взглядъ, противорѣчащій общему праву.

Перехожу къ описанію правительственныхъ функцій. Возьмемъ во-первыхъ, право правительства издавать законы, о которомъ всегда спрашиваютъ, чтобы опредѣлить положеніе верховной власти въ государствѣ. Нами было упомянуто, что въ первоначальномъ государствѣ право законодательства принадлежало исключительно народу, какъ это рѣшительно сказано у Тацита и какъ мы это знаемъ. Но если даже вы возьмете Салическую Правду, то стоитъ только прочесть прологъ, чтобы убѣдиться въ первоначальномъ пониманіи законодательной власти, какъ исходящей отъ народа. Содержаніе пролога легендарное, т.е. нельзя думать, чтобы въ дѣйствительности все произошло такъ, какъ въ немъ разсказывается, но онъ харак-

x Ed. Rotharis. 2

теренъ какъ изложеніе взглядовъ франковъ на первоначальныя записи законовъ въ концѣ 5-го и началѣ 6-го вѣковъ. Въ прологѣ говорится, что салическая правда была записана мудрецами изъ народа на трехъ вѣчевыхъ собраніяхъ "маллахъ", происходившихъ въ трехъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего собранія эти и носятъ названія мѣстностей | Bodoheim, Salehaim, Widoheim. О королѣ при этомъ не упоминается.

Дальнѣйшее изложеніе прибавляетъ однако, что короли Хлодвигъ, Хильперикъ и Клотаръ пересмотрѣли законы, переправили ихъ и примѣнили къ новымъ условіямъ. Это прибавленіе указываетъ на то, что королевская власть мало-по-малу вступаетъ въ эту область законодательства. Но какъ она вступаетъ? Каковы были ея первоначальныя тенденціи? Любопытно, что королевская власть меровинговъ, напр., которую мы и будемъ разсматривать, не отнимаетъ законодательной власти у народа, а вырабатываетъ свое законодательство рядомъ съ народомъ. Королевская власть вырабатываетъ свою особую форму законодательства, ограниченную гораздо болѣе тѣснымъ кругомъ дѣятельности, чѣмъ законодательство народное. Такоезаконодательство носитъ названіе "капитуляріевъ".

Капитулярій, въ противоположность lex который долженъ издаваться въ народномъ собраніи - есть распоряженіе правителя, которое издается королемъ отъ собственнаго его лица и по совѣщанію съ его личнымъ совѣтомъ. Этотъ указъ не имѣетъ значенія и полномочія закона: его авторитетъ поддерживается королемъ, онъ издается только на время царствованія этого короля и при смѣнѣ его можетъ пасть. Если преемникъ возобновитъ законъ, то онъ опять

будетъ дѣйствовать на срокъ его царствованія. Онъ имѣетъ, такимъ образомъ, характеръ распоряженія отдѣльаго лица. Юридически онъ не можетъ мѣряться съ общимъ закономъ, исходящимъ отъ народа.

Фактически же эти капитуляріи захватываютъ самые существенные вопросы законодательства. Они, напримѣръ, радикально измѣняютъ право наслѣдованія. Салическая правда допускаетъ только наслѣдованіе сыновей, а капитулярій Хильперика вводитъ и наслѣдованіе дочерей. Но такъ какъ вѣче собирается рѣдко и мало-по-малу вырождается въ военное учрежденіе, такъ какъ король дѣйствуетъ все болѣе и болѣе самостоятельно, то капитуляріи вытѣсняютъ законы и изъ второстепеннаго средства дѣлаются первостепеннымъ средствомъ законодательства. Поэтому то, какъ вамъ извѣстно, почти все обширное законодательство Карла Великаго сводится къ его капитуляріямъ. Тутъ мы видимъ завершеніе процесса, начавшагося еще въ меровингскую эпоху, процесса перенесенія центра тяжести на указъ.

Затѣмъ возьмемъ судъ. Въ судѣ областномъ происходитъ серьезное измѣненіе функцій. Древняя роль короля въ судѣ, прямо можно сказать, совершенно ничтожна. Если вы прочтете Салическую Правду даже не въ древней редакціи, а въ текстахъ третьей или четвертой группы, то вы почти не замѣтите короля: онъ упоминается два-три раза и то по поводу такихъ второстепенныхъ вещей, что кажется, будто онъ играетъ совсѣмъ второстепенную роль. Ясно, что по отношенію къ штрафамъ онъ раньше всего началъ предъявлять свои требованія. Отмѣчу только одну принципіальную сторону участія королей: это то обстоятельство, что если какой либо обвиняемый оказываетъ упорное неповиновеніе существующимъ

законамъ, то дѣло можетъ дойти до короля, какъ охранителя порядка.

Въ этомъ случаѣ, для того, чтобы устранить указанное сопротивленіе приговору, вмѣшивается король и объявляетъ упоствующаго "волкомъ" | lupus |, отнимаетъ у него защиту.

Прибавимъ при этомъ, что нами уже оговаривалось изъятіе, т.е. право короля признвать извѣстный процессъ къ своему суду. Вообще же говоря, процессъ проходитъ безъ прямого вмѣшательства королевской власти: его рѣшаютъ и приводятъ въ извѣстныя нормы посредники общины. Къ этой чертѣ я еще вернусь, а теперь приходится констатировать фактъ, что роль короля въ народномъ процессѣ очень незначительна.

Но рядомъ съ этимъ обстоятельствомъ, указывающимъ на сильное стѣсненіе королевской власти, мы находимъ слѣдующее: и въ грамотахъ, и въ лѣтописяхъ мы замѣчаемъ попытку противоположнаго построенія, на которое обращаетъ вниманіе Фюстель-де-Куланжъ, и изъ котораго онъ выводитъ цѣлую теорію. У Григорія Турскаго, въ разсказахъ его о процессахъ, которые происходятъ въ меровингскую эпоху все время судитъ judex Онъ судитъ, руководитъ процессомъ и очень часто злоупотребляетъ своею властью.

Здѣсь, какъ и въ чисто политической области проявляется вмѣшательство и постепенное проникновеніе королевской власти и короля. Въ этомъ отношеніи въ сферѣ суда характернымъ признакомъ является переходъ предсѣдательства отъ выборныхъ народа къ назначенному королемъ графу. Такимъ образомъ постепенно королевская власть про-

никаетъ и въ область процесса.

Слѣдующею областью, въ которой также съ интересомъ можно наблюдать ростъ королевской власти, является область земельныхъ правъ. По отношенію къ землевладѣнію, какъ я уже не разъ говорилъ вамъ, исконная точка зрѣнія отправляется отъ общиннаго начала, отъ общиннаго владѣнія землею. Я уже цитировалъ и въ общемъ объяснялъ постановленіе о приселенцахъ, по которому никто не могъ придти въ деревню безъ согласія всего деревенскаго общества. Но вслѣдъ за изложеніемъ такого общиннаго права стоитъ и ограниченіе: лишь въ томъ случаѣ допускается приселеніе къ обществу безъ его согласія, если у приселенца королевскій указъ. Разъ чужестранецъ имѣетъ указъ, онъ можетъ требовать себѣ мѣста въ селѣ и никто не можетъ запретить ему приселиться. На этомъ основаніи строили даже цѣлую теорію о высшемъ правѣ собственности королей на землю. По этому взгляду вся территорія франкскаго государства принадлежитъ королю, а всѣ остальные землевладѣльцы являются какъ бы зависимыми отъ него.

Эта теорія искусственная и никакой надобности въ ней нѣтъ: эти и другія явленія вытекаютъ не изъ общей королевской собственности, а изъ коллективной собственности области и села. Они показываютъ, что на почвѣ фактическаго усиленія, королевская власть стала создавать себѣ права и привиллегіи.

Само собою разумѣется, что въ древнегерманскомъ государствѣ у короля не было, собственно говоря, штата должностныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе штата чиновниковъ. Это понятіе не первоначальное и выработалось оно только

послѣ долгихъ усилій. Организація административной власти была тогда еще въ совершенно зачаточномъ состояніи. Какъ вы помните, для суда вызывали выборныхъ, для руководства на войнѣ выбирали герцога; въ концѣ концовъ въ цѣляхъ веденія долгихъ военныхъ дѣйствій возникла королевская власть. Но теперь на римской почвѣ является совершенно другое положеніе: германскіе короли встрѣчаются съ остатками сложной римской администраціи, съ восторгомъ присваиваютъ ихъ и пользуются ими; они усваиваютъ себѣ административную механику, которую однако, нельзя сохранить въ томъ же видѣ. Вырабатывается нѣчто среднее, вырабатывается организація, которая съ одной стороны присвоиваетъ себѣ римскія формы, а съ другой, по своему характеру, имѣетъ и строй, и смыслъ варварскихъ властей.

Возьмемъ, напр. хотъ графа. Графъ въ области - это то же, что король въ государствѣ. Онъ заботится о военныхъ надобностяхъ, онъ и главный администраторъ, онъ отправляется со своимъ отрядомъ на войну, онъ является и финансовымъ чиновникомъ; онъ задерживаетъ преступниковъ; онъ, однимъ словомъ, ведетъ цѣлый рядъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ дѣлъ; къ нему сходятся нити управленія области, какъ къ королю сходятся нити управленія государства; и, дѣйствительно, значеніе его въ мѣстности громадно. Первоначально эти политическіе чиновники зависятъ отъ короля: онъ ихъ смѣщаетъ, онъ ихъ назначаетъ - это люди, которыхъ онъ передвигаетъ какъ шашки. Но подъ вліяніемъ того, что мѣстности при дурныхъ средствахъ сообщенія, при большой косности, при непониманіи общихъ интересовъ стре-

мятся отдѣлиться и обособиться, мѣстное вліяніе графовъ усиливается. Почти вездѣ они стремятся сдѣлаться самостоятельными и захватываютъ въ мѣстности все болѣе и болѣе силы. они стремятся обратиться въ владѣтелей этихъ мѣстностей, въ крупныхъ помѣщиковъ и очень быстро этого достигаютъ.

Но у короля является еще цѣлый рядъ помощниковъ, которые сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ извѣстныя функціи. Однако въ немъ нѣтъ рѣзкаго различія по канцеляріямъ, по отрасли службы и занятій.

Благодаря этому развивается еще одно учрежденіе частью военное, частью должностное - это *trustis* - королевская дружина. Королевская дружина является на смѣну контрольнымъ учрежденіямъ римской имперіи. Дружинникъ короля, человѣкъ лично близкій къ нему, получаетъ свои полномочія непосредственно отъ королевской власти. Король посылаетъ довѣренныхъ людей и они одинаково разрѣшаютъ какъ личныя такъ и служебныя дѣла, вмѣшиваются въ дѣла церкви и помогаютъ нуждающимся. При сколько-нибудь энергичномъ королѣ, они являются контролерами и представителями непосредственнаго вмѣшательства его въ дѣла.

Однако положеніе ихъ въ высшей степени не прочно: значеніе ихъ держится, пока живъ король, и потому они стараются пустить добавочные корни, сдѣлаться большими помѣщиками, графами, если это, конечно, возможно.

Затѣмъ есть еще учрежденіе, на которое точно также надо обратить вниманіе - это королевскій совѣтъ. Если его разсмотрѣть съ современной точки зрѣнія, то въ немъ, хотя бы въ позднемъ средневѣковьи есть зародыши и черты самыхъ

разнообразныхъ комбинацій. Въ основѣ этого совѣта стоятъ приближенные люди, но кромѣ этого, вы видите въ немъ разнохарактерныхъ представителей. Въ немъ сидятъ тѣ же самые дружинники - старшіе бояре. Рядомъ съ ними - люди совершенно другого міра - епископы, представители крупной соціальной силы, какою является церковь. Далѣе слѣдуютъ магнаты - люди, которые получаютъ свою силу не отъ королевской милости, а потому, что они являются потомками прежнихъ княжескихъ фамилій. Такими они являются, напр.,въ англосаксонскомъ королевствѣ |эльдормены|; тамъ они имѣютъ вѣсъ, такъ что съ ними приходится совѣтоваться. У англосаксовъ совѣтъ этотъ называется "витенагемотъ" Всѣ магнаты и духовные -"витаны",т.е. мудрые люди. Однако нельзя смотрѣть на витановъ, какъ на депутатовъ: никакихъ делегатовъ отъ народа не было. Мало того, они вызываются въ совѣтъ по произволу короля: нынче онъ вызываетъ однихъ, завтра другихъ. Но относительно вызова вырабатываются однако,извѣстныя традиціи и королямъ не такъ-то легко отказаться отъ этихъ традицій. Эти делегаты въ государственномъ совѣтѣ выражаютъ собою суть отношеній между народомъ и королевской властью, какъ учрежденіемъ. Мы видимъ такія странныя формы, что тотъ же самый совѣтъ, который всецѣло зависитъ отъ него по своему составу, ограничиваетъ значеніе короля,какъ лица. Онъ,напр.,требуетъ, чтобы короли не отчуждали имущества безъ его утвержденія. Поэтому люди, которые получаютъ землю отъ короля стараются получить утвержденіе этого отчужденія отъ совѣта, потому что отдѣльный король можетъ умереть, можетъ быть свергнутъ

и тогда то, что онъ далъ, можетъ быть отнято. Затѣмъ совѣтъ рѣшаетъ споры между претендентами на корону. Вообще всякія дѣла рѣшаются королемъ при участіи "Совѣта": онъ становится существеннымъ ограничительнымъ учрежденіемъ. Но это значеніе ограничительнаго учрежденія чисто фактическое, бытовое, а не юридическое.

Д| ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ СРЕДСТВА. Познакомившись съ той формой правительственной жизни, которая выдвигается въ германскихъ государствахъ, благодаря комбинаціи римскаго и германскаго элементовъ, намъ слѣдуетъ для полной характеристики обратиться къ вопросу о правительственныхъ средствахъ, къ вопросу,чѣмъ жило государство, чѣмъ пользовалось оно, чтобы осуществить свои функціи.

Я уже не разъ говорилъ, что въ этомъ отношеніи могутъ быть рѣзкія различія между системой натуральной и системой фискальной. Въ натуральной системѣ все строится на тѣхъ повинностяхъ, которыя народъ призванъ исполнять по отношенію къ государству. Въ фискальной системѣ образуется извѣстный, постоянный фондъ, на который содержатся власти данной системы.

Даже въ нашемъ теперешнемъ государствѣ мы видимъ комбинацію и той, и другой системы. Есть рядъ существенныхъ формъ государственной жизни, которыя весьма удобно отбывать натуральной повинностью. Таково войско, которое составляется призывомъ гражданъ къ оружію. Вызывая присяжныхъ засѣдателей, государство также опирается на натуральную повинность при отправленіи суда. Въ средніе вѣка натуральныя повинности были основными. Войско было, главнымъ образомъ, ополченіемъ. Рядомъ съ

этимъ существовало, однако, и малое профессiрнальное войско - дружина короля и графовъ. Это профессiональное войско пока еще очень незначительно, но роль его въ будущемъ очень большая. Особенно важно, что оно несетъ конную службу. Съ развитiемъ значенiя кавалерiи предстояло развиться и этимъ отрядамъ.

Натуральная повинность фигурируетъ также и въ судѣ, такъ какъ судъ ведется при участiи въ немъ людей изъ народа. Я уже говорилъ объ этой сторонѣ дѣла, а именно о засѣдателяхъ. Дѣло въ томъ, что если бы судъ, согласно культурнымъ требованiямъ, развивался въ учрежденiе, входящее въ подробности и тонкости судебнаго дѣла, въ разсмотрѣнiе сложныхъ условiй тяжбъ или уголовныхъ преслѣдованiй, то его трудно было-бы удержать на началахъ натуральной повинности: явился бы большой запросъ на спецiалистовъ по техникѣ юридическаго дѣла, на образованныхъ юристовъ, на энергичныхъ слѣдователей. То обстоятельство, что судъ все время ограничивался главнымъ образомъ ролью посредника,- дѣлало возможнымъ натуральную постановку судебной повинности, передачу судебныхъ функцiй людямъ, не получившимъ юридическаго образованiя. Я обращу ваше вниманiе на то, какъ велся въ обыкновенныхъ случаяхъ процессъ. Изъ самаго характернаго процесса объ убiйствѣ вы, конечно, увидите до какой степени, до какого минимума была доведена роль слѣдователя. Если человѣка убьютъ, то во-первыхъ,противъ убiйцы начинаютъ преслѣдованiе не власти, а лица заинтересованныя, которыя являются на сцену, потому что убитый принадлежалъ къ ихъ родству; они и привлекаютъ убiйцу къ отвѣтственности. Если

фактъ отрицается, если убійца говоритъ, что его ложно обвиняютъ, надо рѣшить важный вопросъ о фактѣ преступленія. Какъ же разбираютъ этотъ вопросъ? Обвиняемая сторона со своими родственниками и обвинители являются на судъ засѣдателей на "mallum", гдѣ "рахинбурги", на основаніи своихъ собственныхъ соображеній и общихъ предположеній, на основаніи того, въ какомъ отношеніи они знаютъ обвиняемаго и обвинителя, что они слышали о немъ, безъ всякаго слѣдствія рѣшаютъ, напр., что обвиняемому слѣдуетъ доказать свое утвержденіе присягой. Итакъ, первый актъ послѣ обвиненія въ судѣ состоитъ въ томъ, что рѣшается, въ какой формѣ состоится борьба между сторонами. Это рѣшеніе очень важно, потому что борьба можетъ состояться при наиболѣе выгодныхъ условіяхъ для обвиняющихъ и обвиняемаго. Это первоначальное предположеніе даетъ направленіе розыску въ дальнѣйшей борьбѣ. Если "рахинбурги" считаютъ, что обвиняемый - человѣкъ добросовѣстный, что ему можно повѣрить и, въ данномъ случаѣ, довѣриться, если мало вѣроятно, что онъ совершилъ убійство, то даютъ его родственникамъ возможность очищаться и въ данномъ случаѣ, употребляется форма очищенія присягой. Присяга заключаетъ въ себѣ опредѣленную формулу. Сперва клянется обвиняемый, а затѣмъ вслѣдъ за нимъ клянутся 6, 12, 36 или 48 его соприсяжниковъ, смотря по важности обвиненія. Проба присягой выгодна для обвиняемаго, но все-таки не безопасна. Если кто нибудь изъ соприсяжниковъ проговорится, то считается, что присяга пала, потому что Богъ попуталъ. Если наоборотъ, рахинбурги на основаніи общихъ предположеній считаютъ возможнымъ, что убилъ тотъ именно, кого обвиняютъ, то они дадутъ присягу обвинителю или предоставятъ

обвиняемому очиститься "ордаліями". Онъ долженъ будетъ, напр. взять кусокъ раскаленнаго желѣза и держать его нѣкоторое время въ рукѣ. Послѣ этого ему завязываютъ руку и, если, по истеченіи извѣстнаго промежутка времени рана не заживетъ, то обвиняемый считается виновнымъ; или заставляютъ обвиняемаго взять въ руки раскаленный котелокъ съ угольями и пронести нѣсколько шаговъ и потомъ дѣлаютъ то же самое. Если же обвиняемый - священникъ, то ему предоставляли доказать свою невинность присягой особаго рода: причаститься подъ заклятіемъ. Предполагалось, что если онъ виноватъ, то умретъ, поперхнется, подавится отравится.

Итакъ большая часть политическихъ функцій, необходимыхъ для жизни государства, отправлялась, какъ вы видѣли, натуральнымъ способомъ. Но обойтись только этими формами было невозможно: извѣстное количество требованій на администрацію, на вознаграждаемыя должностныя вѣтви требовало, конечно, затратъ на вознагражденія, такъ какъ дружина, чиновники не могли дѣлать все даромъ. Так. Обр. для всѣхъ варварскихъ государствъ на римской почвѣ является одинъ государственный вопросъ: какъ же можетъ быть оставлена эта часть государственной жизни? Какъ вознаградить за профессіональныя услуги?

Правильнаго отчисленія въ пользу должностныхъ лицъ быть не могло, потому что нѣтъ правильнаго отчисленія въ пользу государства. Для того, чтобы поддерживать, вознаграждать должностныхъ лицъ, приходится пользоваться частными средствами начальниковъ, частными средствами тѣхъ лицъ, кому принадлежитъ власть. Является фундаментальное смѣшеніе государственныхъ и частныхъ функцій. Мало того, такъ какъ вся система хозяйства - натуральная, такъ какъ

мѣновыя отношенія пришли въ упадокъ, то приходится содержать должностныхъ лицъ не только на частныя средства, но при томъ и на помѣщичьи средства; приходится постоянно тратить на государственныя потребности земельные доходы короля - помѣщика. Вслѣдствіе этой государственной потребности мы видимъ обширное развитіе системы пожалованій.

Для того, чтобы заплатить жалованіе, не назначаютъ денежные пайки, а даютъ имѣнія и въ извѣстныхъ случаяхъ аренды. Аренды до сихъ поръ не совсѣмъ вывелись изъ употребленія, но теперь онѣ даются въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, что о системѣ въ данномъ случаѣ говорить нечего; тогда же выдача ихъ была возведена въ систему. Всѣ профессіональные слуги государства получаютъ жалованье землею.

Этотъ вопросъ о земельныхъ раздачахъ очень занималъ ученыхъ и былъ однимъ изъ спорныхъ вопросовъ въ литературѣ. Да это и естественно, потому что въ этой земельной раздачѣ видѣли уже начало будущихъ леновъ, будущаго феодализма. При этомъ иногда представлялось такое мнѣніе, что будто-бы въ раннихъ варварскихъ государствахъ нельзя говорить о "бенефиціяхъ", о "ленахъ", о томъ, что земля жалуется за службу или подъ условіемъ будущей службы, а вѣдь это есть характерная черта будущихъ "леновъ": ленъ жалуется не только за службу, но и подъ опредѣленнымъ условіемъ, что кто его получитъ, долженъ служить; впослѣдствіи формы этой службы обозначаются очень опредѣленно. Вотъ этого то опредѣленнаго условія въ

меровингскихъ пожалованіяхъ и нѣтъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ нѣмецкіе юристы старались доказать, что въ этомъ смыслѣ феодализмъ нужно начинать гораздо позднѣе, не ранѣе каролингской эпохи, а что въ раннемъ средневѣковьи нѣтъ зачатковъ этого служебнаго землевладѣнія.

Но, при внимательномъ разсмотрѣніи, этого мнѣнія принять нельзя, потому что, хотя совершенно вѣрно, что формулы условій службы еще не выработались, но онѣ все-таки какъ бы подразумѣвались. Вознаграждать было нечѣмъ, и потому приходилось дарить земли въ грубой, первоначальной формѣ, гораздо болѣе безпорядочной, чѣмъ впослѣдствіи. Такимъ образомъ, въ общемъ давали землю, чтобы получить службу и служили, чтобы получить владѣніе землей. Въ этомъ отношеніи приходится сказать, что въ раннемъ средневѣковьи появляются въ варварскихъ государствахъ зачатки феодализма со стороны соединенія землевладѣнія и службы, которые принимаютъ все болѣе опредѣленную юридическую форму. Но появляются и другіе зачатки: кромѣ бенефицій приходится считаться съ такъ называемой коммендаціей.

Повсюду и въ законахъ и въ грамотахъ мы находимъ свидѣтельство о томъ, что покровительство, которое оказывается отдѣльнымъ гражданамъ - неравномѣрно: инымъ гражданамъ государство покровительствуетъ больше, инымъ меньше; инымъ оказываетъ покровительство одинъ государь, другимъ - и государь и частныя сильныя лица. Кромѣ того общаго государственнаго покро-

вительства, которое мы всѣ знаемъ, является цѣлый рядъ формъ частнаго покровительства. Съ одной мы уже знакомы. Она вытекаетъ изъ родства. Но кромѣ покровительства сородичей есть другія формы, предсказывающія, очевидно, феодализмъ. Это покровительство магнатовъ - людей сильныхъ своимъ частнымъ положеніемъ. Какой нибудь графъ, какой-нибудь крупный помѣщикъ, какой нибудь епископъ или монастырь всегда имѣетъ около себя группу лицъ, которымъ онъ покровительствуетъ, которые ищутъ у него добавочной защиты, потому что одной государственной защиты мало, потому что государство слишкомъ далеко отъ нихъ, слишкомъ слабо и некультурно, чтобы осуществить во всей полнотѣ свои обязанности въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, это общее государственное покровительство осложняется цѣлымъ рядомъ частныхъ комбинацій. Люди ищутъ себѣ патроновъ, коммендируются ими. Понятно, что это крупное отступленіе отъ государственнаго начала. Никакое дѣйствительное государство не позволитъ, чтобы въ его предѣлахъ были частные покровители. Развившись, оно уничтожаетъ частныхъ покровителей, потому что они дѣлаютъ ему конкурренцію и въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ придти съ нимъ въ столкновеніе. Однако этотъ фактъ коммендаціи со стороны частныхъ лицъ является все болѣе и болѣе распространеннымъ.

Третье условіе, точно также указывающее на глубокое распаденіе государственныхъ началъ, на ихъ чрезвычайно несовершенное осуществленіе заключается въ томъ, что государство смотритъ на свои судебныя права, на свои права посредничества и разбирательства исключительно съ фискальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія

денежныхъ выгодъ, которыя отсюда истекаютъ. Не мудрено, что въ иныхъ случаяхъ происходитъ даже отчужденіе этихъ правъ къ частнымъ лицамъ. На это отчужденіе смотрится съ точки зрѣнія уступки матеріальной выгоды, какъ на отчужденіе пошлины или сбора, а не на отчужденіе правъ верховенства. Поэтому, когда приходилось дарить, жертвовать свѣтскому человѣку или церкви, то король иногда предпочиталъ подарить судебныя пошлины, а не рыбную ловлю, не землю. Уже начинаетъ пробиваться въ раннемъ средневѣковьи такъ называемый "иммунитетъ", т.е. право извѣстной части населенія производить судъ собственными средствами и получать пошлины въ свою пользу. „Immunitas ab introitu judicium" есть свобода отъ вмѣшательства судей. Такимъ образомъ и тутъ общая поверхность государственнаго покровительства разбивается; являются "слободы", освобожденные участки съ особой судебной организаціей, съ особыми правами, съ особыми судебными пошлинами. Но при всемъ томъ всѣ эти явленія обнаруживаютъ и другую сторону процесса, которую необходимо замѣтить какъ слѣдуетъ. Мы только что говорили объ усиленіи королевской власти. Приходится сказать, что это усиленіе было во-первыхъ, временнымъ, а во-вторыхъ, что оно нисколько не исключало первыхъ, такъ сказать, шаговъ къ усиленію власти, успѣховъ обширнаго попятнаго движенія, которое разрозниваало самое государство, разбивало его на цѣлый рядъ мелкихъ

мѣстныхъ мірковъ, старавшихся болѣе или менѣе сдѣлаться самостоятельными. Маленькіе мірки сельскаго покровительства съ патронами и коммендированными людьми, маленькіе мірки какихъ-нибудь имунитетовъ со своими особыми судами, съ своими пошлинами, наконецъ, соединенія земельнаго владѣнія и служебныхъ отношеній - все это содѣйствовало подрыву общегосударственнаго начала.

Вообще въ связи съ низкимъ уровнемъ культурныхъ требованій и культурныхъ привычекъ, широкія точки зрѣнія, широкія связи мало-по-малу разбивались. Непосредственное давленіе опасностей, необходимость самосохраненія, первыя послѣдствія завоеванія - всѣ эти сильные порывы, которые соединили большія массы, стали ослабѣвать, а вмѣстѣ съ этимъ въ варварской и полуварварской безпорядочной массѣ получили преобладаніе мѣстные интересы; появилось нежеланіе и неумѣніе входить въ обширныя государственныя соединенія. Вотъ почему, только что сказавши объ усиленіи королевской власти, какъ учрежденія, приходится сказать объ ослабленіи королевской власти, какъ власти центральной. И то и другое сказывается иногда на однѣхъ и тѣхъ же вещахъ. Усиленіе графовъ знаменуетъ и усиленіе королевской власти и косвенные захваты ея на счетъ вѣчевыхъ правъ, но знаменуетъ въ то же время и торжество мѣстной власти надъ центральной. Такимъ образомъ, уже въ концѣ обзора политическаго строя этого перваго періода средневѣковья, приходится отличить ту тенденцію, которая проникаетъ все средневѣковье въ первой его

половинѣ, тенденцію къ развитію мѣстныхъ обществъ, къ локализаціи, тенденцію феодальную.

К О Н Е Ц Ъ.

[10-]